

Библиотека Института современного развития

Янис Урбанович, Игорь Юргенс

ЧЕРНОВИК БУДУЩЕГО

Москва
Экон-Информ
2010

ББК 63.3(233.1:451)

У69

*Авторы выражают благодарность за помощь в подготовке книги
С.Ю. Рыбасу и Р.Б. Ромову.*

*Часть использованных в книге фотографий предоставлена из фондов
Латвийского государственного архива кинофотофонодокументов.*

У69 Урбанович Я., Юргенс И. Черновик будущего. – М.:
Экон-Информ, 2010. – 347 с., 20 с. ил.

Книга известных политиков и интеллектуалов, латышского – Яниса Урбановича и российского – Игоря Юргенса, учредителей «Балтийского форума», на основе идеи неразрывности исторического процесса раскрывает исторические закономерности и перспективы развития балтийского региона, где сплетаются многие интересы мировой и европейской политики. Особое внимание уделено взаимоотношениям Латвии и России, глубокому пересечению их геополитических судеб, влиянию латышей на исторические процессы в России и русских – на развитие Латвии. Значительное внимание уделено анализу экономических взаимоотношений, включая проблемы транзита. Представлены прогнозы ближайшего будущего региона, от критического до позитивного. В приложении дан обзор ключевых выступлений ведущих политиков и экспертов многих стран на Балтийском форуме-2010, а также биографические очерки об авторах книги.

ISBN 978-5-9506-0582-6

© Урбанович Я., Юргенс И., 2010

© Институт современного развития, 2010

МИСТИКА ИСТОРИЧЕСКИХ ЦИКЛОВ

Прежде чем представить авторов, сообщим, что есть еще один, третий автор. У него есть имя и судьба, но в некотором смысле он – фигура виртуальная, мистическая, как и многое в нашем прошлом, с одной стороны – вполне реальное, но с другой – существующее уже в иных формах.

Зовут его Янис Юргенс. Нет, это не наш псевдоним, состоящий из имени одного и фамилии другого автора. Это реальный человек, третий секретарь ЦК Компартии Латвии в 1946 году, ответственный за сельское хозяйство.

В архивах есть так называемое «дело Юргенса». Этот человек в трагическое послевоенное время, оставившее глубокий след в памяти многих прибалтов, попытался остановить или хотя бы притормозить идущую в регионе гражданскую войну (некоторое образное представление о ней дает знаменитый фильм Витаутаса Жалакявичуса «Никто не хотел умирать»).

Янис Юргенс был коммунистом с опытом подпольной работы, отличался независимостью суждений. Так, учитывая низкий культурный уровень многих советских чиновников той поры, он даже предложил своеобразный «кодекс поведения» из трех пунктов:

1. Не стучи кулаком по столу.
2. Не пей водки.
3. Не присваивай чужого.

Однако главный «грех» Юргенса заключался в сострадании к оказавшемуся меж двух огней населению. Вот что он говорил о «лесных братьях»: «как ни печально, но они все же на-

ши, латыши, может быть они осознают, выйдут из леса, а кто не выйдет, придется уничтожить». (Цит. по: Е. Зубкова. Прибалтика и Кремль. М., 2008. С. 299).

Он был обвинен в приверженности «буржуазно-националистическим настроениям», освобожден от должности и выведен из состава Бюро ЦК Компартии Латвии.

Его дальнейшая судьба сложилась достаточно нетривиально, он стал ректором Рижского политехнического института и воспитывал отличных специалистов. Нам кажется, что именно такие люди, как он, были незаменимы в суровом историческом процессе, потому что пытались сопротивляться жестоким обстоятельствам.

Обращаясь к опыту этого человека, мы тоже идем по этому пути, что подтверждает и наша многолетняя работа в «Балтийском форуме».

Янис Урбанович. Такие люди достойны уважения и доброй памяти. Действительно, мы с Игорем тоже выступаем в защиту интересов простых жителей Латвии, оказавшихся в XXI веке тоже «меж двух огней».

Игорь Юргенс. Наша общая многовековая история демонстрирует нам не одни трагедии. Как говорил канцлер Германии Отто фон Бисмарк, наиболее мощный и постоянный фактор истории – географический. Россия и Латвия объединены географией, и никуда от этого не уйти. Не случайно, в истории России оставили неизгладимый след уроженцы Латвии. Назову императрицу Екатерину I (Марту Скавронскую), герцога Бирона, генерала Барклая де Толли, первого главнокомандующего Советской России И. Вацетиса, кинорежиссера Сергея Эйзенштейна, многих военачальников и чекистов, партийных руко-

водителей, деятелей науки и культуры. Даже один из последних защитников Советского Союза, член ГКЧП в 1991 году, министр внутренних дел СССР Борис Пуго, был латышом.

Я.У. Ты хочешь сказать, что латыши несут ответственность за свое участие в русских делах?

И.Ю. Именно так. Общая география порождает общую историю. И общую ответственность.

Я.У. Маленькая Латвия и огромная Россия – равно ответственные?

И.Ю. Думаю, перед Господом все одинаково ответственные. Что в этом удивительного? Что неприемлемого? Если мы в этом диалоге хотим найти позитивное начало совместного существования, то будем терпеливы в своем поиске. Мы с тобой представляем российские и латвийские силы, нацеленные на взаимное сотрудничество.

Я.У. Можно сказать, мы и заложники, и проводники этой идеи. Уверен, что даже деятельность Бирона, о котором ты вспомнил, если рассматривать её в исторической оптике, будет не такой уж ужасной, как ее рисовали русские историки, выполняя заказ правящей элиты. Правление герцога при царице Анне Иоанновне было вызвано необходимостью укрепить центральную власть. Прибалты в этом смысле были верными и конструктивными работниками. Поэтому как реакция на укрепление тогдашней «вертикали власти» и возник миф о «бироновщине». На самом деле Бирон только за первые три недели своего правления помиловал осужденных по ряду дел, снизил налоги, в целях борьбы с роскошью даже запретил ношение платья из дорогих тканей. После переворота (к власти пришла другая императрица – Анна Леопольдовна) был приговорен к смертной казни, но сослан в Сибирь. А затем Екатерина Вели-

кая восстановила его на курляндском престоле, где он отличился тем, что поддерживал крестьян (латышей), вступил в конфликт с немецкими баронами, поддерживал союз с Россией. О чем говорит нам этот пример из восемнадцатого века?

И.Ю. Копни чуть глубже – и открывается совсем иная картина.

Я.У. Точно так же обстоит история и с латышскими стрелками. Знаешь, что во время Гражданской войны в России были не только красные преторианцы, которые охраняли Ленина и самоотверженно дрались с белыми армиями генералов Деникина и Врангеля, но и латышские белые воинские части у адмирала Колчака?

Так почти везде. Поэтому прежде чем обсуждать современные проблемы, займемся прошлым. Оно всегда с нами, хотим мы того или не хотим. Повторю вслед за историком Василием Ключевским: «Прошедшее нужно знать не потому, что оно прошло, а потому, что, уходя, оно не унесло своих последствий».

НЕИЗВЕСТНАЯ РОССИЯ

Сначала поговорим о климатических и культурных основах исторического процесса. Россия – северная страна с крайне суровым климатом и преобладанием скудных и болотистых почв. В Западной Европе сельскохозяйственные работы возможны в течение 8–10 месяцев, а в России – всего 4–5,5 месяцев. На протяжении веков совокупный прибавочный продукт здесь был минимален. Там где европейские элиты могли позволить себе договорные отношения и, соответственно, более или менее свободное экономическое развитие индивидуумов, русские были вынуждены действовать по принципу «в одиночку не выжить» и подчинить все права политической элиты царской власти. Поэтому жесткая централизация московских царей была не случайным выбором.

А как же Канада, самая северная страна Запада? Ведь она успешно развивается на фундаменте либерального индивидуализма?

Но это популярное сравнение не вполне корректно. На самом деле южная граница Канады по географической широте соответствует Крыму и северному Причерноморью. 90 процентов канадцев проживает в 300-километровой зоне вдоль южной границы. Здесь же расположены все крупные города страны. Северный край этой зоны находится на 52-градусной широте (на уровне украинского Чернигова), а дальше городов нет, одни поселки. В России же совсем иная картина, Москва стоит на 400 километров севернее Чернигова, и она далеко не самый северный российский город.

Что касается Скандинавии, то ее обогревает Гольфстрим, а значит, ее тоже нельзя сравнивать с Россией.

Выдающийся российский историк, академик Л.В. Милов пишет, что русские, обладая минимальными ресурсами, создали «великую империю» и выработали способность подниматься с колен после катастроф. При этом Милов делает далеко идущий вывод о русской интеллигенции. «Весьма вероятно, что вся совокупность трагических и молчаливо героических черт бытия русского крестьянина (равно как и других земледельцев Европейской России) опосредованно способствовала становлению в XX – начале XX в. в среде “слуг общества” того типа работника умственного труда, который стал известен как тип «русского интеллигента» с его кристальной порядочностью, с его неиссякаемым состраданием к тяжелой жизни народа» (Л.В. Милов. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2006. С. 564).

Маркиз А. де Кюстин в своей книге «Россия в 1839 году» приводит принципиальное замечание императора Николая I: «Пространство – наше проклятие». Действительно, бедная экономика, огромные расстояния, слабая связь с регионами, постоянная борьба с климатом – все это не позволяло власти развивать местное самоуправление и ослаблять централизацию.

Впрочем, некоторые историки говорят, что после смерти Петра Великого Россия могла, подобно западноевропейским государствам, сделать шаг в направлении демократии. Имеется в виду эпизод, когда дочь Петра Елизавета Петровна не приняла условий высших дворянских родов и не поделила с ними власть («надорвала кондиции»). Конечно, у истории всегда есть несколько вариантов развития событий. Но если учесть географические особенности, будет понятно, почему императрица совершила именно такой выбор.

Еще один эпизод выбора политической системы демонстрирует борьба Москвы и Великого Новгорода, в которой демократические установки новгородцев были повергнуты. Почему?

Потому что Великий Новгород входил в Ганзейский торговый союз, в котором доминировали немцы, и к тому же новгородцы блокировали торговые пути Москвы в западном направлении. Богатый и самодостаточный Новгород угрожал единству русского государства. Можно сказать, что на втором плане этой внутренней войны явно стояла проблема Прибалтики, ведь еще со времен Александра Невского, победителя шведов в Невской битве и немцев и датчан в битве на Чудском озере, Прибалтика была одним из векторов российской политики. (В истории латышского народа противостояние с германской экспансией тоже было одним из факторов национального самостояния).

Итак, Новгород проиграл, А что же идея демократического управления? Она никуда не делась и на протяжении веков оставалась жизненной.

Во время аграрной реформы, получившей название по имени председателя Совета министров Российской империи Петра Столыпина, выявилось соотношение «индивидуалистов», пожелавших выйти из крестьянской общины, и «коллективистов», пожелавших остаться под ее защитой. В 1915 году оно составило 36,7 и 63,3 процента.

Это соотношение можно считать устойчивым и для менталитета русских нынешнего времени. Сегодня доля граждан России, считающих предпочтительной патерналистскую политику государства времен Л.И. Брежнева, равна 60 процентам. То есть примерно две трети населения, как и в начале века, настроены коллективистски.

Нас, однако, интересует не большинство, а предприимчивое меньшинство. В одной из аналитических статей по поводу национальных отношений в современной Латвии, очень точно замечено, что значительная часть русского населения этой республики относится к «петербургскому типу», то есть европеизированному, толерантному, профессионально состоявшемуся. Что можно сказать о генезисе «петербургского типа»?

Приведем любопытное замечание И.В. Сахарова, директора Института генеалогических исследований Российской национальной библиотеки, сделанное на Первом международном генеалогическом коллоквиуме: «Иностранцев в Петербурге всегда было больше, чем во всей остальной России, причем они старались сохранить свою культуру. Все они были разной веры. В брак они вступали в основном не с русскими, чтобы не переходить в православие, а между своими. В результате возникло совершенно неповторимое общество со светской психологией, не относящейся к какой-либо одной вере. А вот уж эта прослойка вступала в брак и с русскими, в результате чего петербуржцы стали и вовсе ни на кого не похожими. Коренные петербуржцы в отличие от всей России, которая не может разобраться, Запад она или Восток, являют собой генеалогически уникальное смешение Востока и Запада, нигде больше не повторяющийся гибрид» («Российский Кто есть Кто», 2004, № 3).

Вот так мы подошли к стратегическому вопросу, который всегда влиял на судьбу Латвии.

БОРЬБА ЗА ПРИБАЛТИКУ: ГЕРМАНИЯ, РОССИЯ, ШВЕЦИЯ, ПОЛЬША

По своему значению для Северной Европы Балтийское море ни с чем не сравнимо. Поэтому не удивительно, что этот регион был зоной длительных геополитических конфликтов, лидерство в которых первоначально принадлежало Немецкому рыцарскому ордену. Германская колонизация шла под флагом «крестового похода ради христианизации народов» на северо-востоке Прибалтики, «основанном на мече крестоносца». (Э. Машке. Немецкий орден. Пер. с нем. СПб., 2003. С. 133). Историк уточняет: «Папская курия принимала живейшее участие в миссиях как в Пруссии, так и Ливонии». Это был глобальный процесс преобразований, целью которых было включение языческих народов «в культурную жизнь христианской Европы». Как пишет Машке, основанная в 1201 году Рига «имела немецкое сердце».

Давление ордена вызывало сильное сопротивление прибалтийских племен, которые, однако, были обречены на поражение, а некоторые – даже на утрату идентичности, что случилось с пруссами, – территория их обитания стала полностью немецкой. С высокой долей вероятности можно предположить, что за пруссами последовали бы и предки латышей, если бы не участие в борьбе за Прибалтику других сильных государств. Походы рыцарей против «язычников», которые они порой воспринимали как «веселую охоту», натолкнулись на жесткий отпор.

15 июля 1410 года между деревнями Грюнфельд и Танненберг произошло сражение рыцарей с польско-литовским войском, в котором были и два русских полка. Орден был разбит.

«На поле боя при Танненберге сошлись не просто два вражеских войска, а два мира. Против четких и благородных форм западного и немецкого рыцарства поднялся неоформившийся мир Востока, разрушительно нацеленный на Запад. И этот мир победил. Логичнее было бы, если бы он не смог победить». (Э. Машке Там же. С. 205).

Противники Ордена, выдавливаемые со своих земель, вряд ли согласились бы с этими оценками.

Впрочем, с утратой Орденом государственного статуса ливы остались в полной зависимости от немецких баронов.

Затем последовали тридцатилетняя Ливонская война за выход России к Балтике, опустошившая край, и раздел Ливонии. Лифляндия и Латгалия были захвачены поляками, Курляндия стала протекторатом Речи Посполитой. Латышский край оставался под Польшей примерно 70 лет (до 1629 года), когда в Лифляндию вторглись шведы. Латгалия же осталась в составе Речи Посполитой (до первого раздела Польши в 1772 году).

Шведский король Густав Адольф, выступая в риксдаге по случаю заключения Столбовского мира, ограничившего притязания России, сказал: «Одно из величайших благ, дарованных Швеции, заключается в том, что русские отныне должны отказаться от того захоlustья, из которого так часто беспокоили нас».

Для нас ключевым словом в этом тексте является «захолустье». В нем выражалось отношение европейцев к латышскому краю, за который, тем не менее, они вели борьбу.

После победы России в войне со Швецией и заключения Ништадского мирного договора в 1721 году прибалтийские

земли отошли к Санкт-Петербургской империи – сначала Лифляндия, затем Латгалия и Курляндия.

Геополитическое положение стабилизировалось. Начался долгий период, который закончился формированием латышской нации в границах Российской империи. Латвия не стала ни Германией, ни Швецией, ни Польшей. Она не стала и Россией.

Еще во времена Петра прибалтийские губернии получили особый статус («остзейскую автономию») и привилегии для немецкого меньшинства, которое играло роль региональной политической элиты. Характерно, что по статистическим данным 1847 года, число русских, принятых в ремесленные цехи, соотносилось с немцами, как 1:414. То есть можно сказать, что Рига еще оставалась «немецкой».

Во второй половине XIX века в крае началась индустриализация, город стал важнейшим звеном транзитной торговли, третьим промышленным центром империи после Санкт-Петербурга и Москвы и первым по концентрации промышленности. Были построены Русско-Балтийский вагонный завод, машиностроительный завод «Феникс», судостроительный завод «Ланге и сын», завод резиновых изделий «Проводник». Параллельно шло развитие образования, в 1861 году открылся Рижский политехнический техникум. Тогда же началась формироваться латышская национальная интеллигенция, которая встретила поддержку русской интеллигенции.

Национальный состав Латвии, согласно переписи 1897 года, выглядел так: 68,3% латышей, 12% русских, 7,4% евреев, 6,2% немцев, 3,4% поляков. Транзитное положение края отразилось и в национальной панораме.

По сравнению с Центральной Россией крестьянское население Латвии было намного более активно: в ходе столыпинской

аграрной реформы 40 процентов латышских крестьян выделились из общин и стали самостоятельными хозяевами. Именно они оказались политической основой возникшего в начале 1920-х годов Латышского крестьянского союза.

Эта нарастающая активность в сочетании с подъемом промышленности, торговли и культуры неизбежно вела к росту национального самосознания и сказалась, без преувеличения, на всей латышской истории на сто лет вперед вплоть до наших дней.

КРИШЬЯН ВАЛЬДЕМАРС

К концу XIX века ускоренное развитие промышленности вызвало большие социальные и культурные перемены, стали формироваться национально-просветительские, а затем и национально-политические движения. Параллельно этому произошли изменения в государственной политике. В 1885–1905 гг. школьное преподавание перешло на русский язык, ограничивались национальные просветительские организации, прекратилось книгопечатание на польском, латышском, немецком, эстонском языках, делопроизводство и судопроизводство стали вестись на русском. Характерно, что наиболее остро национальные противоречия выражались в Царстве Польском, где, кстати, народное хозяйство (равно, как и в Латвии) развивалось более быстрыми темпами, чем экономика России. Так, в 1897 г. съезд польской Национал-демократической партии объявил своей главной целью «национальное восстание и освобождение родины силой», при этом выдвигались задачи «ополячивания» украинцев, белорусов и литовцев, изгнания из Польши евреев. В балтийских губерниях, где была политическая автономия, вырос уровень конфликтности между латышами и немцами, так как в основном политическими правами автономии пользовались немецкие бароны, владельцы обширных латифундий. Ненависть к немецким баронам и желание освободиться от их власти были настолько сильны, что местные крестьяне стали переходить из лютеранства в православие. Сменили конфессию около 12 процентов латышей-лютеран.

В тот период латышской интеллигенции пришлось сделать выбор, суть которого можно проследить на судьбе Кришь-

яна Валдемарса (Христиана Мартиновича Валдемара), инициатора латышского национального возрождения. В его биографии можно прочесть все этапы развития латышской нации от освобождения от экономического и культурного гнета остзейских баронов до укрепления национального самосознания, развития культуры и просвещения народа. Он родился в 1825 г. в Курляндии в Курземской волости в крестьянской семье, окончил школу, работал волостным писарем. Обратился с просьбой к генерал-губернатору Прибалтийского края А.А. Суворову, внуку знаменитого русского полководца, помочь в поступлении в гимназию, которую из-за отсутствия средств и по возрасту он не мог посещать. Получив разрешение и стипендию, окончил «высшую уездную школу» в Либаве (Лиепая) потом и Дерптский университет, где изучал экономику и право. Затем работал в столице империи чиновником министерства финансов, одновременно сотрудничал в немецкоязычной «Санкт-Петербургской газете». В течение трех лет издавал собственную газету «Санкт-Петербургские ведомости» на латышском языке, выступал за экономические реформы, критиковал феодальные привилегии немецких помещиков. В 1864 г. основал первое мореходное училище в Латвии. В 1873 г. по его инициативе было организовано Российское мореходное общество, он также был создателем первого регистра российского торгового флота. Его общественная деятельность стала основой движения «младолатышей», выступавших против онемечивания Прибалтики, за расширение русского влияния в крае (как конкурента немецкому) и развитие латышской культуры. Разработанная Валдемарсом система мореходных школ просуществовала до XX века и подготовила свыше 25 тысяч моряков торгового флота. Его называли отцом латышского мореходства, он считал, что балтий-

ские морские порты станут важнейшими центрами транзитной торговли России, и эта идея, как мы знаем, воплотилась в реальность.

Однако его роль значительно масштабнее. В 60–70-е годы XIX века попытки коронной власти проводить экономические и культурные «Великие реформы» Александра II наталкивались на сопротивление местных управленческих структур, которые полностью принадлежали остзейским баронам. «Одним из главных инструментов, с помощью которых центральные власти попытались пробить брешь в остзейской автономии, были русский язык и народное образование... «Поле битвы» за местное население между остзейским дворянством и имперским правительством стали народные школы, т.е. школы для детей латышей и эстонцев» (Е.Л. Назарова. Словари Кришьяниса Валдемарса. // Балтия и Россия. Вып. 4. М., 2006. С. 155).

Дело в том, что все крестьянские школы в Прибалтийских губерниях контролировались немецким дворянством и лютеранскими священниками, преподавание велось на немецком языке, учащимся давался лишь необходимый минимум грамотности, что препятствовало им в дальнейшем получить среднее и высшее образование. Далеко не случайно, латыши часто отвечали на это переходом в православие, чтобы получить в православных школах более качественные возможности социального развития, и массовым стремлением изучать русский язык, знание которого открывало дорогу к любому виду деятельности во всей Российской империи.

И на ниве развития национального образования огромную роль сыграл Валдемарс. Участвуя в широкой проверке школ Прибалтийских губерний, проведенной Министерством народного просвещения, он пришел к выводу, что «основная угроза

сохранению и дальнейшему развитию латышей как самостоятельной нации» кроется в чрезвычайно низком уровне латышских народных школ. Школы владели нищенское существование. Крестьяне не могли их содержать, это делали местные помещики, которые вели политику онемечивания, что, по мысли Валдемарса, «угрожало не только местному, но и русскому населению». Для включения латышей и эстонцев в многонациональную экономическую и культурную среду Империи им требовалось хорошее знание русского языка.

И Валдемарс занялся созданием и изданием латышско-русских и русско-латышских словарей, которые он называл «важнейшими орудиями к сближению Прибалтийского края с прочей Россией». Вырывая местное население из бескультурья, он решал двуединую задачу формирования нации и одновременного ее включения в мировую цивилизацию.

Его можно назвать подвижником и просветителем. Его просветительская программа заключалась в трех пунктах: создании сети народных школ, открытии сотен и тысяч доступных библиотек, массовом издании книг и газет.

Всего три пункта! Но они оказали решающее влияние на латышскую интеллигенцию и, можно сказать, на появление на исторической арене такой крупной фигуры, как Карлис Улманис, которого не случайно называли «отцом и вождем нации». Соответственно, Валдемарса можно назвать «дедом нации».

Простимся с Валдемарсом, этим замечательным человеком, ведь время стремительно летит. И вот в конце века латышский голос приобретает сильное звучание, латышские газеты – и левые, и правые – выдвигают требование, что коренное население должно вместо политически доминировавших немцев получить места в городских и провинциальных собраниях.

Возникают политические партии, первая, в 1904 году – Латышская социал-демократическая, потребовавшая политической автономии Латвии в составе империи.

1905 год – первая русская революция. Российское общество требует конституционных реформ, однако коронная власть не успевает реагировать на экономические и культурно-политические изменения в империи. Крестьяне (85 процентов всего населения страны) требуют землю, их поддерживают практически все либеральные силы, которых в свою очередь поддерживают промышленники, финансисты, и муниципальная элита (земство), стремящиеся получить возможность участвовать в управлении государством.

Расширение социально-политического конфликта в империи было связано и с Русско-японской войной, обнажившей внутренние противоречия. Эта война, не нужная стране, показала, что правящий политический класс не видит реальных угроз. Она стала катализатором быстро расширявшегося общественного протеста. Его мишенью была монархическая государственность, с существованием которой буржуазия и интеллигенция не хотели мириться.

Накал борьбы передает следующий эпизод. Летом 1902 года один из лидеров либерального дворянства, профессор истории П.Н. Милюков при посещении в Лондоне редакции социал-демократической газеты «Искра» выразил недовольство ее кампанией против террора. Он заявил: «Еще два-три покушения на царских министров, и у нас будет конституция».

Профессора, банкиры, адвокаты, торговцы не бросали бомб, но они создавали моральную атмосферу, толкающую к радикальным действиям. Даже великий Лев Толстой сочувствовал террористам – настолько высока была температура об-

щественного недовольства. Налицо был острейший кризис, в него втягивалось все больше образованных людей.

Критический момент 1905 года – расстрел демонстрации рабочих, шедших к Зимнему дворцу с петицией. Петицию царю составляли от имени рабочих социал-демократов, и под прикрытием верноподданнической фразеологии в нее вошли политические требования: «Немедленно повели созвать представителей земли русской... Повели, чтобы выборы в Учредительное собрание происходили при условии всеобщей, тайной и равной подачи голосов. Это самая главная наша просьба: в ней и на ней зиждется все, это главный и единственный пластырь наших ран». В требованиях содержалось фактическое введение парламентской республики. Говоря без обиняков, под прикрытием икон и хоругвей 9 января должна была произойти мирная революция. Винтовочные залпы 9 января перевели противостояние в насильственную фазу.

Были убиты 130 и ранены несколько сот человек. Эти цифры, сильно преувеличенные пропагандой и слухами, вызвали к мести.

«Кровавое воскресенье» показало неготовность бюрократии к диалогу. В Риге тоже было свое «кровавое воскресенье», мирная демонстрация была расстреляна.

В ответ в стране с новой силой разгорелся политический террор. 4 февраля 1905 года эсером И. Каляевым был убит дядя царя московский генерал-губернатор, великий князь Сергей Александрович.

14 июня 1905 года восстали команды эскадренного броненосца Черноморского флота «Князь Потемкин Таврический» и крейсера «Очаков». На «Очакове» бунт возглавил лейтенант

П. Шмидт, внук адмирала, героя Севастопольской обороны, и племянник члена Государственного совета.

В деревне начались захваты и поджоги дворянских усадеб. Весной стали делить и запахивать помещичью землю. Характер волнений представлен в письмах саратовского губернатора Петра Столыпина жене: «Пугачевщина растет – все уничтожают, а теперь еще и убивают... Вчера в селе Малиновка осквернили Божий храм, в котором зарезали корову и испражнялись на образе Николая Чудотворца. Другие деревни возмутились и вырезали 40 человек. Малочисленные казаки зарубают крестьян, но это не помогает...»

17 октября Николай II подписал Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», назвав свой шаг «страшным решением, которое он, тем не менее, принял совершенно сознательно». Россия из абсолютной монархии становилась конституционной.

Манифест 17 октября давал максимум возможного: «даровать народу незыблемые основы гражданских свобод» (неприкосновенность личности, свободу совести, слова, собраний, союзов, участие в выборах в Государственную думу всех слоев населения, признание Думы законодательным органом, без одобрения которого ни один закон не мог вступить в силу).

Сразу после публикации Манифеста премьер-министр С.Ю. Витте встретился с видными представителями оппозиции и предложил им войти в правительство. Однако они выдвинули требования немедленной, без выборов Государственной думы, политической амнистии, созыва Учредительного собрания для выработки Основного закона (конституции) и др. То есть государство должно было «уйти». Именно с этого момента начина-

ется трагическое для России ненахождение общего языка двух ее главных политических сил: традиционной государственности и буржуазной демократии. В результате коалиционное правительство не было создано. Вслед за несостоявшимся компромиссом начался революционный кошмар.

Революция, говорил французский социалист М. Кашен, «это варварский способ прогресса». Русская революция не была исключением. В Балтийском крае она вылилась в столкновения латышей-крестьян с немецкими помещиками, которых защищали регулярные войска и полиция. «Пугачевщина», о которой писал Столыпин, разгорелась и здесь. Феодалные привилегии немецких дворян, исключительное право на содержание мельниц, право на охоту на крестьянских землях и т.д., в XX веке были анахронизмом. Горели поместья баронов, их самих и их семьи безжалостно убивали. Ненависть восставших распространялась и на войска: солдат тоже убивали, известен случай, когда был заживо сожжен отряд драгун. Всего в 1905 году было сожжено 184 дворянских замка, сотни крестьянских усадеб, убито 82 немецких помещика, казнено 908 восставших.

Впрочем, главное заключалось не в самом восстании, а в полученном в этот период опыте самоуправления, когда почти во всех уездах Латвии стали стихийно образовываться новые органы самоуправления – распорядительные комитеты, а также отряды народной милиции. Делегаты от волостей постановили созвать Учредительное собрание Курляндской и Лифляндской губерний. Впоследствии этот опыт стал базой создания латышской государственности.

От пробуждения национального самосознания до создания распорядительных комитетов пролегал очень короткий путь.

После укрощения революции коронная власть, встревоженная национальным движением, стала поддерживать немецкое дворянство, которое проявляло полную лояльность трону. Была подтверждена гарантия незыблемости помещичьего землевладения, разрешено возродить частные немецкие гимназии, поддерживалось немецкое доминирование в губернском самоуправлении. Более того, немецким дворянам было разрешено приобретать новые земли и переселять на них немецких крестьян с Украины и Поволжья. Например, в течение нескольких лет, с 1906 по 1913 год две семьи Мантейфелей и Бродерихов приобрели 160 тысяч акров пахотных земель, переселили туда 15 тысяч немецких бауэров.

Как свидетельствовал современник в 1911 году: «У латышей сильна ненависть и к немцам, и к русским, но к первым – гораздо сильнее». В итоге обе власти, имперская и местная, оказались для латышского большинства неприемлемыми, оно предпочло поддерживать общероссийские оппозиционные партии. Например, организации латышских социал-демократов была самой крупной в империи – 15 тысяч членов.

Вплоть до крушения империи в 1917 году в настроениях латышского общества было два направления: с одной стороны, надежда на помощь русских, а с другой – стремление к автономии и даже государственной независимости.

КАРЛИС УЛМАНИС, СЕЛЬСКИЙ ХОЗЯИН И ОТЕЦ НАЦИИ

Первый премьер-министр Латвии Карлис Улманис – фигура одновременно и трагическая, и адекватная времени, что бы о нем ни говорили историки и пропагандисты разных политических окрасов. По данным социологических опросов в Латвии, сегодня в общественном сознании его деятельность оценивается как бесспорно успешная.

Но одно дело – массовое сознание, которое всегда мифологизирует историю, а другое – реальная деятельность руководителя в условиях его времени (именно его, а не нашего!). Поэтому нам не обойтись хотя бы без общего анализа этой личности.

Улманис родился в 1877 году в крестьянской семье в Добельском уезде Курляндской губернии. Образование – Александровская гимназия в Митаве (Елгава), курсы молочного хозяйства. Учился на агрономическом факультете в Политехническом институте в Цюрихе, в Сельскохозяйственном институте в Лейпциге, в Линкольском университете американского штата Небраска, где получил диплом агронома.

Сегодня в Риге можно увидеть весьма символический памятник этому человеку – сильная фигура с крупными чертами лица, в расстегнутом пальто, со шляпой в руках и в огромных сапогах, как будто вырастает из земли. Символ понятен без особых объяснений.

Улманис как политик действительно вырос из «из земли, от сохи». Еще в 1905 году на созванном Рижским латышским

обществом всеобщем собрании сельских хозяев он предложил создавать совместные предприятия производителей молока (независимо от немецких имений) и производить сливочное масло для экспорта в Европу. Соответственно, создание конкуренции привело к тому, что «он впал в немилость у некоторых местных немцев, его называли «революционером». Главная мысль его газетных статей и речей того времени, впрочем, вполне мирная: «Работать! Работать!».

Возможно, именно поэтому «немцы организовали его арест» в декабре 1905 года, и он до мая 1906 года просидел в тюрьме. (По другой версии, он был арестован за то, что выступал за самостоятельность Латвии и полную латышизацию школ). Потом – эмиграция в Германию, затем в Америку, учеба и работа на молочной ферме. В 1913 году по амнистии вернулся домой, работал агрономом, редактировал газету сельскохозяйственного общества, призывал латышей поднимать культуру сельскохозяйственного производства, уважать и любить сельскую жизнь и крестьянский труд.

Улманис в общественном плане был яркой личностью, чем-то похожим на российского реформатора Столыпина, который ставил во главу экономического роста развитие сельскохозяйственного производства и рост культуры населения.

Во время Первой мировой войны авторитет Улманиса вырос: он работал в эвакуационной комиссии, организовал продовольственное обеспечение эвакуировавшегося в российские губернии местного населения, ездил в Сибирь, чтобы заготовить продовольствие. Его деятельность можно назвать подвижнической.

Не случайно в апреле 1917 года, после Февральской революции, его избрали членом Видземского сельского совета и

вице-губернатором Видземе. Тогда же он организовал Крестьянский союз, вскоре ставший основой латышской государственности.

После захвата Риги германскими войсками Улманис активно боролся против намерений немецкого командования подчинить Латвию. В начале 1918 года он предложил всем латышским национальным партиям и группам объединиться, вместе отстаивать интересы народа и бороться за независимость. До создания государства оставался один шаг. Поражение Германии и революция в России открыли для Улманиса новые перспективы, и он шагнул в неизвестность. Для этого ему пришлось пойти на унижительное сотрудничество с командованием оставшегося в Прибалтике германского корпуса, которое рассматривало латвийское правительство как вспомогательную управленческую структуру. После заключения перемирия Германии и Антанты Улманис, не мешкая, созвал в Валке Крестьянский съезд, затем с рядом его делегатов отправился в Ригу, где образовался Латышский народный совет, и 18 ноября провозгласил независимую Латвийскую республику. Его избрали президентом министров (премьер-министром).

С этого момента бывший агроном развернул необычайно результативную деятельность, опираясь на поддержку Крестьянского союза и идеи самоуправления, которые он постоянно отстаивал. Он создал Временное правительство, руководил организацией и устройством государственных учреждений, местного самоуправления, армии, формирований айзсаргов («защитников», полувоенной организации местной самообороны). Создав государственный каркас для развития страны, Улманис вплотную занялся своим главным делом – восстановлением и развитием хозяйственной жизни. Одним из первых решений в этой

области стало выделение государственных кредитов местным производителям.

Он стремился воплотить в жизнь идею, сходную с мыслью Столыпина: «Богатый народ – богатая страна», занимался организацией сельскохозяйственного производства, объединением хуторских хозяйств кооперацией, постоянно пропагандировал свой любимый принцип: истинное счастье человека – в духовном развитии, в вере в себя, в служении своему народу. Так, по его предложению, чтобы с юных лет прививать у детей любовь к труду, было создано «Движение мазпулков» (внешкольные детские организации сельскохозяйственного характера), и он стал его верховным вождем.

Президентом страны в 1922 году, вопреки стремлению Улманиса занять этот пост, стал видный юрист Янис Чаксте. Таким образом, в руководстве Латвии соединились две линии, одну можно назвать крестьянской, вторую интеллигентской.

В первые полтора десятка лет после объявления независимости в Латвии соблюдались конституционные права всех национальных меньшинств. Латвия была самой многонациональной республикой Прибалтики (12% ее населения – русские, 5% евреи, 3,5% немцы, 3% поляки). Национальные школы финансировались из бюджета, закон о школьной автономии разрешал работу русских, немецких, еврейских, польских, эстонских, белорусских, литовских школ и гимназий. У русской и немецкой общин были свои высшие учебные заведения – Русский институт и Институт Гердера. Русская община по влиянию в экономике была на втором месте после немецкой. Русские компактно проживали на востоке республики, а, к примеру, Московское предместье (форштадт) в Риге ничем не отличалось от дореволюционного российского города: на ули-

цах звучала русская речь, улицы назывались именами Гоголя и Пушкина, сияли золотом купола церквей. В Латвии действовали русские театры, издательства, газеты. Здесь нашлось место и для 19 тысяч эмигрантов («белая эмиграция»).

О культурной атмосфере 1920–1930-х годов дает представление статья профессора П. Зейле «Латышская культура и культура в Латвии» (П. Зейле. Мы в Латвии. Рига, 1989), фрагменты которой предлагаем в качестве примера: «В свое время Латвия, полностью разоренная в первой мировой войне, истощенная революциями и гражданской войной, в сравнительно короткий срок смогла выйти на первое место в Европе по количеству студентов на десять тысяч жителей (на втором месте была Эстония). Без развитого, качественного общего и специального образования не было бы этого высокого показателя. По количеству школ (на 1000 детей школьного возраста) Латвия в 1937/38 учебном году занимала четвертое место в Европе, отставая только от Швеции, Норвегии и Финляндии, а по количеству учителей на тысячу учащихся была на первом месте в Европе. В то время преподавание на родном языке, национальная культурная автономия, свои школы существовали не только для латышей, но и для представителей основных национальных меньшинств Латвии (русских, немцев, белорусов, евреев, литовцев, поляков, эстонцев). На побережье Балтийского моря, в Курземе, в местах, населенных ливами, во многих школах изучали ливский язык. С 1920 по 1938 год в Латвии была построена 351 новая школа и 487 капитально перестроены.

Структура издаваемых книг свидетельствует о серьезном внимании к художественным и научным ценностям, к фундаментальным изданиям и особенно к развитию латышской гуманитарной культуры. Всего в период с 1938 по 1940 год в

28

Латвии было зарегистрировано 479 книгоиздателей. Из них – 166 профессиональных издателей (66 частных, 27 государственных и 73 издательства общественных организаций), 114 авторов, самостоятельно публиковавших свои произведения, и 119 издателей, выпустивших книги одного или только нескольких наименований.

В Латвийской Республике латышский язык был государственным языком, большое внимание уделялось укреплению латышской культуры, национального самосознания, но одновременно не упускались из виду социальные нужды и развитие культуры национальных меньшинств. Разжигание национальной вражды было запрещено законом. И после переворота, совершенного 15 мая 1934 года, во время авторитарного режима К. Улманиса националистическая политика не перерастала в открытый шовинизм.

В Латвийской Республике были школы для восьми национальностей с преподаванием на девяти языках – латышском, немецком, русском, польском, еврейском, древнееврейском, литовском, белорусском и эстонском. Об изучении латгальского диалекта уже говорилось ранее. Кроме того, в шести основных школах рыбацких поселков Курземе был факультатив по изучению ливского языка. В 1933/34 учебном году в немецких гимназиях обучалось 1207 учащихся, в русских – 1172, в еврейских – 1326, польских – 293, белорусских – 144. Для сравнения – в латышских гимназиях было 9152 ученика, а в школах для национальных меньшинств – 4352.

В 1936/37 учебном году в Латвии были следующие народные школы: 166 русских, 95 для смешанных национальностей, 72 немецкие, 62 еврейские, 18 польских, 11 литовских, 4 эстонские и одна белорусская. В этом же учебном году из

112 средних школ Латвии было 10 еврейских, 8 немецких, 3 русские, 2 польские, одна литовская и одна для смешанных национальностей. Латышские студенты, обучающиеся в Латвийском университете, составляли 85,22% от общего числа студентов, еврейские – 6,8%, немецкие – 4,13%, русские – 2,77%, остальные национальности – 1,05%.

Национальный состав студентов был следующим: на каждые 10000 жителей приходилось студентов-латышей – 41, евреев – 55, немцев (в том числе слушателей института Гердера) – 54 и 9 русских. Если в Литве во второй половине тридцатых годов было 14 латышских школ, то в Латвии – 13 литовских.

В Латвии издавались книги и периодика на всех языках основных национальных меньшинств. В 1925 году вышли в свет книги 262 наименований на других, кроме латышского, языках, а в 1935 – 672. Больше всего книг издавалось на русском и немецком языках. Так, в 1937 г. издано 78 немецких, 66 русских, 23 английских и 15 книг на других языках.

В 1937 году 135 журналов издавалось на латышском языке, 8 – на немецком, 5 – на русском и по одному – на польском, ливском, английском, а три журнала были одновременно на нескольких языках. Например, ежемесячное издание латышско-эстонского общества публиковало материалы в номере и на латышском, и на эстонском. Из 47 газет 33 было латышских, 5 немецких, 4 русских, 3 еврейских, по одной – на французском и литовском языках. Выходили календари на русском, немецком, еврейском и других языках.

Из периодических изданий для национальных меньшинств газета “Rigasche Rundschau”, созданная еще в 1866 году, издавалась самым большим тиражом. Корреспонденты газеты работали во многих странах мира и читала ее вся Европа».

Статья профессора Зейле, несмотря на некоторую апологетичность, дает представление о первой половине государственной деятельности Улманиса.

После мирового экономического кризиса 1929–1932 годов, когда многие западные страны стали руководствоваться принципами государственного регулирования экономики, Улманис решился на чрезвычайные меры – 15 мая 1934 года совершил государственный переворот, распустив Сейм и запретив деятельность 109 (!) зарегистрированных политических партий. Переворот был бескровный, значительная часть населения, уставшая от депрессии, бесплодных дебатов в расколотом на множество фракций сейме и коррупции, поддержала Улманиса.

Установившийся режим можно назвать «мягкой диктатурой» (или «национально-консервативной диктатурой»). За время правления Улманиса не было ни одной смертной казни, была объявлена война коррупционерам, их приговаривали к длительным срокам каторжных работ. Но при этом закрылся ряд газет, были запрещены собрания и демонстрации, распущен сейм, приостановлено действие Конституции.

Современные латышские историки неоднозначно оценивают режим Улманиса.

«Большая часть нации впервые обрела независимость в 1918 году, и эта независимость, как ничто другое, была в контексте европейской истории. Только после гибели монархии в России и в Германии мы могли стать свободными. Мы хотели быть европейскими во всем. Мы хотели быть европейскими в политической демократии, и мы заимствовали принципы французской конституции 1875 года. Мы хотели иметь либеральную демократию, и поэтому мы строили капиталистическое

общество. Мы заявили, что Латвия будет национально терпима. Лозунг был: “Латвия для жителей Латвии”, но не “Латвия для латышей”. Мы провозгласили, что новая Латвия будет страной, где будет царствовать закон. Это было торжество доброй утопии. Торжество либерализма. Но, заимствуя принципы либеральной французской демократии, мы не могли заимствовать то, что является сутью демократии (особенно французского типа), – того, чего у нас не было. У нас не было Марианны не только в виде статуэтки, у нас не было Марианны в виде социальной структуры – демократической, либеральной буржуазии, среднего республиканского класса – он был слаб. Более 60% жителей в 20–30-е годы все еще жили в деревне (...) У нас не было традиций, нравов, и Марианны не было в каждом нашем сердце. Либеральная демократия погибла в Литве и в Польше в 1926 году, в Эстонии и Латвии – в 1934 году. И выжила только в одной стране – в Чехословакии, где крестьяне составляли менее 50% жителей.

С 1934 года в Латвии в контексте Европы воцарился авторитарный режим Улманиса, режим с претензией на фашизм, но в реальности не динамичный, не современный, не тоталитарный, а авторитарный провинциальный режим. Но даже с 1934 по 1940 год, когда либерализм был почти уничтожен, Латвия была спокойной, провинциальной, цивилизованной страной. Ни одной смертной казни не было во время этого режима. Это была страна с красотой естественной жизни всех национальных меньшинств. В Латгалии на расстоянии пятидесяти верст вы могли встретить еврейское поселение, деревню староверов, бывшие польские имения, как будто заснувшие. У нас был один из самых низких уровней преступности в Европе. Мы начали производить современный фотоаппарат Минокс,

32

построили шесть истребителей, у нас была современная индустрия. Никогда Латвия не была столь красива, столь более или менее гармонична с собою. Меньшинства были меньшинствами – от слова “меньшинство”, это не были искусственно пришедшие колонизаторы. И эта Латвия, несмотря на то, что она была авторитарна, пережила бы этот режим так, как пережили его Испания, Португалия, Италия – те страны, которые сегодня являются достойными и уважаемыми членами Евросоюза и НАТО» (Айварс Странга. Латвия в XX веке в контексте европейской истории. – «Вестник Европы», 2001, №2).

В 1934–1939 годах с окончанием мирового кризиса в стране начался экономический подъем, заработали промышленные предприятия, ранее находившиеся на грани остановки. Так, на ВЭФе стали делать самолеты и фотоаппараты, сельскохозяйственные кооперативы поставляли продовольствие в Европу, от них не отставали кооперативы рыбаков. К 1935 году по потреблению молочных продуктов на одного человека Латвия была на первом месте в мире, а по потреблению мясных продуктов – на третьем, после Новой Зеландии и Австралии. Одним из популярных афоризмов Улманиса, известных всей Латвии, был по-крестьянски прагматичный: «Наше будущее – в телятах».

В газетах его стали именовать «отцом и вождем нации».

Особое внимание уделялось образованию, культуре, воспитанию молодежи. Были созданы Фонд культуры, Институт истории, Фонд для обеспечения нормального процесса обучения студентов высших школ. Через организации айзсаргов, в которых три четверти состава были крестьяне, структурировалась культурная жизнь населения – работали клубы, читальни, самодеятельные театры. В айзсарги принимали только латы-

шей, так как Улманис считал латышское население основой государства.

Другими словами, режим Улманиса балансировал на лезвии национализма, стремясь обращением к историческим корням нации укрепить государство. Подобное происходило в соседних Эстонии, Литве, Польше.

Призывы и мероприятия по возрождению национального духа проводились на фоне огромного присутствия представителей нетитульных наций в экономике страны: в 1935 году владельцами 72 процентов промышленных предприятий Латвии были немцы, русские, евреи. Поэтому «латышизация» в экономике имела оборотную сторону – прежде всего «дегерманизацию» и ограничение доли «несоветских русских». Государство стало целенаправленно вмешиваться в экономику, первыми под практику национализации попадали предприятия и банки, владельцами которых были нелатыши.

Напряженность значительно возросла после того, как в 1931 году президент Латвии Карлис Улманис отобрал у немецкой общины Домский собор в Риге и передал его латвийской общине. При этом он действовал вопреки народному референдуму, который вполне определенно подтвердил, что собор должен оставаться собственностью немецкой общины. Нарушение прав было настолько кричащим, что глава Евангелическо-Лютеранской Церкви в Латвии, епископ Карлис Ирбе 31 октября 1931 года заявил о своей отставке.

На первый план выдвинулось не имеющее разрешения в демократической перспективе противоречие, – между задачами национального возрождения (большинство латышей – крестьяне) и уменьшением подавляющего влияния в финансово-промышленной среде нетитульного населения. Началось ограничение прав

немцев, евреев, русских в экономической сфере, культуре, образовании. По закону о народном образовании была почти ликвидирована автономия школьного образования, упразднены школьный департамент и школьные управы для национальных меньшинств, их заменили чиновники с совещательными функциями. Что касается русского языка, то он был исключен из делопроизводства в самоуправляющихся общинах.

Священник Латвийской православной церкви Никанор Трубецкой отмечал в своем дневнике в 1937 году: «Из 30 русских школ в Люцинском уезде остается десять процентов» (А.В. Гаврилин. Латвийская республика в 1918–1940 гг. глазами латгальского православного священника. // Россия и Балтия. Вып. 5. М., 2008. С. 251).

Официальная оценка того времени дана в современном исследовании «История Латвии. XX век»: «После 15 мая 1934 года латыши впервые чувствовали себя настоящими хозяевами страны».

Как считают историки, в Латвии к 1940 году «возникла одна из наиболее управляемых экономик Европы». И, соответственно, очень структурированное общество, весьма похожее на итальянское времен Муссолини, чей опыт в части построения корпоративного государства латвийские власти широко применяли. Так, в течение 1934–1938 годов было создано шесть профессиональных палат: торгово-промышленная, сельскохозяйственная, ремесел, труда, литературы и искусства, профессий. За их деятельностью наблюдали специальные органы – Государственный хозяйственный совет и Государственный совет по культуре. Палатами контролировались все другие профессиональные объединения, в основном местные. Членов палат (90–100 человек в каждой) назначали соответствующие

министры. Улманис считал, что палаты реально представляют интересы народа, тогда как партии – только интересы партийной бюрократии. Но такие методы лишь на первый взгляд были эффективны. На самом деле они вызывали оппозиционные настроения у той части населения, которая оказывалась вне государственного попечения, и наиболее ярко это проявлялось в молодежной среде.

Поэтому сегодня будет бесполезно прислушаться к выводам современного российского историка: «Население этих стран (Латвии, Литвы, Эстонии) вообще не отличалось политической активностью, и, несмотря на все усилия по созданию массового политического движения “снизу”, в этом по-настоящему не преуспел ни один из балтийских правителей. Рост национального самосознания, национального достоинства был несомненным завоеванием периода независимости, но воплотить в жизнь идею “единого народа”, для которого национальное государство представляет главную ценность, авторитарным режимам так и не удалось» (Е. Зубкова. Прибалтика и Кремль. М., 2008. С. 43).

Завершая рассказ об Улманисе, снова обратимся к вечной латвийской проблеме – судьбе местопребывания. После Мюнхенского договора 1938 года, который подписали руководители Англии, Франции, Германии и Италии, начался передел сфер влияния, и правовые устои мира пошатнулись. Первой жертвой стала Чехословакия, в марте 1939 года она была расчленена, часть ее территории была захвачена Германией, Польшей и Венгрией, после чего баланс сил на континенте изменился. Европа вдруг почувствовала, что возрождаются старые противоречия, вызвавшие Первую мировую войну, и все старались угадать, что необходимо предпринять и чем еще пожертвовать, чтобы остаться в стороне от надвигающихся угроз.

Что могла сделать маленькая страна Латвия? Ждать, что предпримут большие государства, и угадывать, к кому присоединиться. На всякий случай Рига поздравила Польшу с захватом Тешинского района у расчлененной после Мюнхенского договора Чехословакии.

Касаясь внешнеполитической обстановки, подчеркнем, что Улманису, разумеется, не удалось «переместить» Латвию далеко от Германии и СССР. Более того, Москва искала и находила контакты с правителями прибалтийских республик, поддерживая, даже в финансовом плане, К. Улманиса и его Крестьянский союз, А. Сметону (Литва), К. Пятса (Эстония). Правда, все они, получая поддержку, стремились дистанцироваться от Москвы.

В записках одного из руководителей советской внешней разведки П. Судоплатова говорится: «Наши позиции в Латвии были гораздо сильнее, нежели в других Прибалтийских республиках... С нами активно сотрудничал министр иностранных дел Латвии Вильгельм Мунтерс, военный министр Латвии Янис Балодис. Мы также поддерживали доверительные тайные отношения с президентом Латвии Карлом Улманисом... оказывая ему значительную финансовую поддержку. Для этих целей резидент НКВД в Риге И. Чичаев имел специальную финансовую контору в Риге» (П.А. Судоплатов. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М., 2001).

Однако дело обстояло не так просто, как может показаться. После Мюнхена, когда Великобритания, всегда покровительствовавшая Латвии, послала отчетливый сигнал всему миру, что ради сохранения собственного благополучия не будет защищать малые страны на востоке Европы, Латвия снова, в

который уже раз, оказалась между двумя геополитическими гигантами, Германией и Советским Союзом.

В этом смысле слова английского дипломата лорда Берти (времен Парижской мирной конференции) могут частично прояснить ситуацию: «Если только нам удастся добиться независимости буферных государств, граничащих с Германией на Востоке, т.е. Финляндии, Польши, Эстонии, Украины и т.д., сколько бы их ни удалось сфабриковать, то по мне, остальное может убираться к черту и вариться в собственном соку» (Лорд Берти. За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже 1914–1919. Л., 1927. С. 191). Хотя Латвия не упоминается, но понятно, что речь идет и о ней.

Во имя сохранения собственных интересов Лондон после Мюнхена послал к черту не только Прагу.

После 1938 года Рига по-прежнему искала политические балансы. Однако Великобритания, ее главный военный союзник, основные дипломатические усилия направляла в сторону Германии и, кроме туманных обещаний, ничего не могла предложить. Поэтому пришлось прислушиваться к предложениям и требованиям Москвы, а больше всего – демонстрировать лояльность Берлину. Так, по требованию Германии латышские евреи были исключены из двусторонней торговли и финансовой сферы, иностранные компании, принадлежавшие евреям, вытеснялись из местной экономики, а из латвийских газет были уволены журналисты-евреи. При этом антисемитская пропаганда в Латвии была все-таки официально запрещена.

В проекте соглашения Великобритании, Франции и СССР, врученного наркомом иностранных дел СССР В.М. Молотовым послам Великобритании и Франции 2 июня 1939 года, прямо говорилось, что в случае агрессии «европейской державы» против

«Бельгии, Греции, Турции, Румынии, Польши, Латвии, Эстонии, Финляндии» Великобритания, Франция и СССР «обязываются защищать эти страны» (Год кризиса 1938–1939: Документы и материалы. В 2 т. М., 1990. Т.2. С. 5).

Черчилль так прокомментировал создавшееся положение: «Нужно не только согласиться на полное сотрудничество России, но и включить в союз три прибалтийских государства – Литву, Латвию и Эстонию. Этим трем государствам с воинственными народами, которые располагают совместно армиями, насчитывающими, вероятно, двадцать дивизий мужественных солдат, абсолютно необходима дружественная Россия, которая дала бы им оружие и оказала другую помощь.

Нет никакой возможности удержать Восточный фронт против нацистской агрессии без активного содействия России. Россия глубоко заинтересована в том, чтобы помешать замыслам Гитлера в Восточной Европе. Пока еще возможно сплотить все государства и народы от Балтики до Черного моря в единый прочный фронт против преступления или вторжения. Если подобный фронт был бы создан со всей искренностью при помощи решительных и действенных военных соглашений, то, в сочетании с мощью западных держав, он мог бы противопоставить Гитлеру, Герингу, Гимmlеру, Риббентропу, Геббельсу и компании такие силы, которым германский народ на захочет бросить вызов» (Уинстон Черчилль. Вторая мировая война. В 3-х кн., 6 тт. М., 1991. Тт. 1–2. С.165).

22 мая 1939 года помпезно отмечалась двадцатая годовщина освобождения Риги от большевиков, в параде приняли участие части СС, прибывшие из Германии на военных кораблях.

Решающий момент в сближении Латвии с Третьим рейхом пришелся на лето 1939 года. 7 июня в Берлине министры

иностранных дел Германии, Латвии и Эстонии Риббентроп, Мунтерс и Сельтер подписали пакты о ненападении сроком на 10 лет, которые сопровождались секретными статьями.

Германским историком Рольфом Аманном найден внутренний меморандум шефа немецкой Службы новостей для заграницы Дертингера от 8 июня 1939 года, в котором говорится о том, что «Эстония и Латвия согласились с тайной статьей, требовавшей от обеих стран координировать с Германией все оборонительные меры против СССР» (В.В. Симиндей. «Анти-советский флирт» авторитарной Латвии. // Н.А. Нарочницкая, В.М. Фалин и др. Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? М., 2009. С. 255).

Западная пресса негативно оценила эти договоры, подчеркнув усиливающуюся зависимость Латвии и Эстонии от нацистской Германии. Москва тоже восприняла эти документы как свидетельство вхождения прибалтийских государств в орбиту Берлина.

Однако после того, как Лондон и Париж ответили отрицательно на предложение Москвы дать совместные военные гарантии прибалтийским государствам, стало ясно, что Рига, Каунас и Таллин оказываются в зоне нарастающего мирового конфликта, и их судьба решится в Берлине или Москве.

Последний шанс удержать мир от войны был упущен во время англо-франко-советских переговоров военных делегаций, когда выяснилось, что из-за позиции британского правительства, а также из-за несогласия правительств Польши и Румынии в случае германской агрессии пропустить советские войска, заключение военного договора не состоится.

В ночь на 24 августа 1939 года в Кремле был подписан договор о ненападении между Германией и СССР («пакт Мо-

лотова – Риббентропа») и дополнительный секретный протокол к нему, в котором были определены сферы интересов обеих стран. К советской сфере были отнесены Финляндия, Эстония, Латвия, восточная часть Польши, Бессарабия. «В пользу Советов нужно сказать, что Советскому Союзу было жизненно необходимо отодвинуть как можно дальше на запад исходные позиции германских армий, с тем, чтобы русские получили время и могли собрать силы со всех концов своей колоссальной империи. В умах русских каленым железом запечатлелись катастрофы, которые потерпели их армии в 1914 году, когда они бросились в наступление на немцев, еще не закончив мобилизации. А теперь их границы были значительно восточнее, чем во время первой войны. Им нужно было силой или обманом оккупировать Прибалтийские государства и большую часть Польши, прежде чем на них нападут. Если их политика и была холодно расчетливой, то она была также в тот момент в высокой степени реалистичной» (Уинстон Черчилль. Вторая мировая война. В 3-х кн., 6 тт. М., 1991. Тт. 1–2. С. 180).

Итак, теперь начиналась иная реальность, стоившая европейцам десятков миллионов жизней.

1 сентября 1939 года Германия напала на Польшу; 3 сентября Англия и Франция объявили войну Германии; 17 сентября части Красной армии перешли советско-польскую границу. После разгрома Польши советские границы передвинулись на Запад, перед Красной армией стояла задача создать предполье обороны на случай войны с Германией.

Правительства прибалтийских республик в этом сложнейшем положении еще попытались остаться в стороне от надвигающейся грозы, ввели законы о нейтралитете и предложили

Москве переговоры о расширении товарооборота. Однако уже вступала в силу логика военной необходимости.

Во время советско-эстонских экономических переговоров эстонскому министру иностранных дел К. Сельтеру Молотов предложил заключить договор о взаимопомощи, по которому СССР получил бы право разместить на территории Эстонии военные базы. Свое предложение Молотов недвусмысленно дополнил: «Не вынуждайте нас применить силу».

На границе Эстонии и Латвии была создана советская военная группировка. Со своей стороны эстонцы тоже стали готовиться к войне, но, понимая, что силы неравны, предпочли мирные переговоры. Был подписан договор о взаимопомощи сроком на 10 лет, предусматривавший ввод 25-тысячной военной группировки.

Вскоре наступил черед Латвии. Вечером 2 октября 1939 года на переговорах в Кремле Сталин заявил министру иностранных дел Латвии Мунтерсу: «Я вам скажу прямо: раздел сфер влияния состоялся... если не мы, то немцы могут вас оккупировать, но мы не желаем злоупотреблять... Нам нужны Лиепая и Вентспилс...» (Цит по: М.И. Мельтюхов. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз в борьбе за Европу 1931–1941 гг. М., 2002. С. 150).

Согласно заключенному договору, в Латвию вводился тоже 25-тысячный контингент.

После ввода войск советское руководство проводило политику полного невмешательства во внутренние дела прибалтийских республик, что объясняется нежеланием обострять отношения с Лондоном и Парижем и неопределенностью военной ситуации в Европе.

Во время советско-финляндской войны (ноябрь 1939 – март 1940) Улманис делал недвусмысленные знаки, что он лоялен и Западу. После разгрома Польши на территории Латвии и Литвы был интернирован польский экспедиционный корпус (20 000 человек). По свидетельству маршала К. Маннергейма, «эти страны согласны были на их частичное освобождение и переправку в Швецию» для дальнейшего использования против Красной армии (К. Маннергейм. Мемуары. Пер. с фин. М., 1999. С. 328). Впрочем, шведы предпочли сохранять нейтралитет, а «интернированных поляков впоследствии постигла суровая судьба, когда прибалтийские страны были включены в состав Советского Союза».

Тем не менее, отдел радиоразведки латвийской армии помогал финским коллегам, переправляя им перехваченные радиogramмы частей Красной армии. Одновременно с этим, как сообщал в Москву советский военный атташе в Риге полковник Васильев, предпринимались шаги обратного порядка: «1 декабря генерал Гартманис заявил: если по обстоятельствам военного времени понадобятся вам посадочные площадки для авиации, то вы можете занять все наши существующие аэродромы, в том числе и Рижский» (Д.А. Волкогонов Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина. М., 1989. В 2-х кн. Кн. 2-я, часть 1-я. С. 41–42).

Можно ли назвать такую политику Риги стратегически оправданной? На этот вопрос однозначного ответа в тогдашних условиях уже не было.

К середине июня 1940 года положение в Европе радикально изменилось: Париж был занят германскими войсками, вермахт начал переброску войск в Восточную Пруссию и Польшу, и Москва должна была реагировать на изменившееся стратегическое положение.

«Если в период “странной войны” независимая Прибалтика вполне соответствовала советским намерениям, то победы Германии на Западе позволяли окончательно решить прибалтийскую проблему» (М.И. Мельтюхов. Указ. соч. С. 155).

14 июня советское правительство предъявило ультиматум Литве, 16 июня – Латвии и Эстонии, потребовав привести к власти дружественные СССР правительства и допустить ввод новых воинских частей. Улманис принял ультиматум, даже выступил по радио и заявил, что пришли друзья. Как отмечал о вводе войск в своем дневнике священник Н. Трубецкой, «Войска эти встречены населением с большими почестями и восторгом» (А.В. Гаврилин. Указ. соч. С. 249). В Латвии было сформировано новое правительство во главе с А. Кирхенштейнсом, распущены организации айзсаргов, разрешена деятельность коммунистической партии. Сопrotивления советским частям не было. 14–15 июля в республике прошли выборы в сейм, который принял постановление о вхождении Латвии в состав Советского Союза.

(В 2009 году корреспондент рижского еженедельника «Вести» К. Маркарян в ходе интервью с одним из авторов этой книги заметил: «Журналистам “Диены” недавно пришлось написать о найденном в Латвийском госархиве (не российском, заметьте) документе, согласно которому президент Первой республики Карлис Улманис не только перечислил на поддержку компартии Латвии 5 тысяч латов (огромную по тем временам сумму!), но еще лично участвовал в первом заседании латвийского советского правительства 21 июня 1940 года. Мало того, еще и речь толкнул, в которой не только утвердил правительство, но и пожелал ему всяческих успехов. И от себя лично добавил: “От всего сердца обещаю лояльно сотрудничать при размещении находящихся на нашей земле военных час-

тей Советского Союза и устройстве их условий жизни...». Его администрация исправно получала зарплаты до октября 1940 года». («Жадность фраеров погубит. Руководители Латвии с упорством маньяков загоняют страну в бездну кризиса». [Беседа с Я. Урбановичем]. – «Вести», 5 марта 2009 года, №10).)

На этом политическая судьба Улманиса завершилась. Он хотел выехать в нейтральную Швейцарию, но не получил разрешения и был выслан на Северный Кавказ. В июле 1941 года, после нападения Германии на СССР, арестован в г. Ворошиловске (Ставрополь) и направлен в Красноводск (Туркмения). По дороге он заболел и 20 сентября 1942 года в возрасте 65 лет умер в тюремной больнице. Могила до сих пор не найдена. Его собственноручные показания сотрудникам НКВД можно считать завещанием: «...люди не хотят, чтобы их осчастливливали сверху, но сами хотят быть активными участниками улучшения своей жизни. Со временем все бы упорядочилось» (Т. Кузнецова. Карлис Улманис: миф и человек. // Россия и Балтия. Вып. 4. М., 2006. С. 160).

Многие до сих пор задаются вопросом: мог ли Улманис накануне Второй мировой войны уберечь Латвию? Он хотел этого, и другого не скажешь. Этот человек действовал противоречиво – то поощрял самостоятельный труд граждан, то «осчастливливал их сверху». Но такой же противоречивой была эпоха, она прошла по Латвии (и по Европе) железным катком. Обращение к великим державам – к Англии, Франции, Германии, СССР – не спасло Латвию, великие были поглощены своими проблемами, а маленькая республика рассматривалась ими как разменная монета. Как писал Александр Солженицын: «между двумя молотами, тевтонским и славянским» – маленькая «наковаленка».

Можно ли считать, что современная Латвия повторяет ошибки времен Улманиса, не сплачивая свое многонациональное население, а наоборот, разъединяя его по национальным квартирам, где латышам отводятся лучшие места? Не использует данные ей Господом возможности взаимовыгодного сотрудничества с Россией? Безусловно, ответ один: мы повторяем старые ошибки!

В этом плане опыт Валдемарса и Улманиса должен позитивно служить Латвии.

Но не будем забывать об опыте Яниса Чаксте, президента Латвии в 1922–1927 гг.

Иван Христофорович Чаксте, как его порой по старой привычке называли русские, был, без сомнения, выдающимся деятелем. Депутат первой российской Государственной думы от Курляндской губернии, член различных российских правительственных комиссий, сторонник демократических преобразований. Именно Чаксте, подписавшему Сатверсме (Конституцию), первая республика обязана таким либеральным законом о гражданстве, что в 1991 году отцы новой латвийской независимости даже не решились его повторить.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ДРАМА

Россия всегда была многонациональной страной, и в ее истории немало ярких страниц написано латышами. Латышизация России (примем этот термин как рабочий) началась с конца XIX века в период развития промышленного капитализма. Уже в 1897 году в Тобольске проживало 3112 латышей (1947 эстонцев, 110 литовцев). В это время переселенческое движение из Латвии достигло апогея, в России возникло 189 колоний (126 – в Сибири). К началу XX века в Россию переселилось 300 тысяч человек, что составляло 15,5 процента от всего латышского населения Прибалтийских губерний. В 1916 году, когда в Прибалтийские губернии вошли германские войска, почти полмиллиона жителей стали беженцами и переселились в центральную Россию.

Сегодня на территории Российской Федерации проживает 28 520 латышей, включая 1622 латгальца. В РСФСР их численность составляла: в 1970 г. – 59 695, в 1979 г. – 67 267, в 1989 г. – 46 829 человек. За всей этой демографической статистикой видна шекспировского размаха драматургия жизни нации.

Наиболее выразительны страницы, связанные с военной историей.

В апреле 1915 г. во время австро-германского наступления на русском фронте, когда над Латвией нависла угроза оккупации, группа студентов Рижского политехнического института предложила создать из латышей-студентов команды разведчиков и связистов. По предложению депутата IV Государственной думы Яниса Голдманиса, 19 мая 1915 г. в Риге состоялось совещание видных латышских общественных деятелей и было решено создать организационный комитет, который

должен был хлопотать о разрешении сформировать латышские отряды, так как в России территориальный принцип формирования армии не допускался.

Пока в штабах и правительственных кругах решался этот вопрос, началось новое германское наступление. Линия фронта стремительно приближалась к Риге. Это обстоятельство побудило командование Северо-Западного фронта использовать все возможные резервы, чтобы остановить продвижение противника: 19 июля 1915 г. главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта М.В. Алексеев в соответствии с указанием Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича подписал приказ о формировании двух латышских добровольческих дружин, получивших наименования 1-й Усть-Двинский и 2-й Рижский латышские стрелковые батальоны. Одновременно был утверждён и Организационный комитет латышских стрелковых батальонов во главе с Я. Голдманисом. М.В. Алексеевым было утверждено также «Временное положение о латышских стрелковых батальонах». Патриотический подъём среди латышского населения, особенно молодёжи, был столь велик, что в два формирующихся национальных батальона их командование не смогло принять всех желающих. В связи с этим Организационный комитет в августе подал запрос командованию фронта и получил разрешение сформировать 3-й Курземский латышский стрелковый батальон. В начале сентября было разрешено сформировать также 4-й Видземский латышский стрелковый батальон. Однако и новые батальоны не смогли принять всех желающих. Поэтому в ноябре командованием фронта было решено сформировать ещё четыре латышских стрелковых батальона и один запасный. Позже, в конце 1916 г., они были развёрнуты в восемь стрелковых пол-

ков численностью 38 тыс. солдат и 1 тыс. офицеров, а один запасный стрелковый полк насчитывал 10–15 тыс. бойцов. Сначала они были сведены в две стрелковые бригады, а затем в декабре 1916 г. в Латышскую стрелковую дивизию в составе 12-й армии Северного фронта.

С осени 1915 г. латышские стрелковые батальоны участвовали в ожесточённых боях на Рижском плацдарме в составе 12-й армии Северного фронта, где проявили исключительное упорство и героизм, потеряв к лету 1917 г. почти половину личного состава.

Массовый героизм, проявленный латышскими стрелками в годы Первой мировой войны, особенно рельефно проявился в Рижской оборонительной операции 19–24 августа 1917 г.

19 августа германские войска форсировали Западную Двину (Даугаву) и начали наступление. На участке, обороняемом 5-м Земгальским латышским стрелковым полком (командир полковник Иоаким Иоакимович Вацетис), бойцам пришлось выдержать натиск целой германской дивизии. Отвага стрелков этого полка дала возможность вывести из-под угрозы окружения 2-й и 6-й Сибирские армейские корпуса и избежать окружения всей 12-й армии. За проявленную стойкость и выдержку солдатскими Георгиевскими крестами было награждено 642 стрелка 5-го Земгальского полка, т.е. более трети его боевого состава.

Проявленный героизм частей 12-й армии лишил немецкие войска возможности продвигаться дальше. Путь на Петроград был закрыт.

Наибольшие потери в Рижской оборонительной операции понесли латышские стрелковые полки – 5,5 тыс. человек. На долю этих частей пришлось более 20% всех потерь 12-й ар-

мии, к тому же из общего числа потерь в обеих латышских стрелковых бригадах было около 3,5 тыс. убитых и пропавших без вести (более 40% всего числа убитых и пропавших без вести в 12-й армии). Тяжелее всего пострадал в этих боях 5-й Земгальский латышский стрелковый полк, потерявший из своего состава 80% офицеров и 67% стрелков, а 1-я и 5-я роты этого полка были уничтожены почти полностью.

В дальнейшем судьба солдат и офицеров латышских формирований сложилась по-разному. Часть их (около 18 тысяч) после ликвидации русской армии в 1918 г. осталась в Советской России и вступила в апреле 1918 г. в Латышскую стрелковую советскую дивизию (командир И.И. Вацетис), часть вернулась на родину. (См.: С.Н. Базанов. Полное презрение к смерти. Добровольческие национальные части в Русской армии в годы Первой мировой войны // «История», 2006, № 5).

Во время Октябрьской революции практически все военные операции в Петрограде были совершены латышскими стрелками, они же через несколько дней выехали в Москву и разогнали там юнкеров, которые достаточно успешно справлялись с местными красногвардейцами.

22 ноября 1917 года 6-й Тукумский полк 2-й Латышской дивизии в полном составе расквартировывается в Петрограде, как основная воинская часть нового – большевистского – правительства, которой поручено поддерживать порядок в городе и ликвидировать любые очаги контрреволюционных мятежей.

С конца ноября 1917 года создается отдельная сводная рота латышских стрелков. Эта рота стала основным подразделением охраны правительства и лично В.И. Ленина. Её бойцы обеспечивают охрану во время эвакуации правительства из Петрограда в Москву. Там из латышских стрелков создается

9-й Латышский стрелковый полк, перед которым поставлена задача обеспечить охрану Кремля и членов Советского правительства.

Исследователи, занимающиеся историей латышских стрелков, выделяют два основополагающих факта: 1) Военная победа большевиков, успех Октябрьской революции в Петрограде были, в основном, обеспечены латышскими стрелками. 2) Латышские стрелки пошли за той политической силой, которая обещала выполнить чаяния народа – предоставить Латвии независимость.

Дивизия латышских стрелков была самым боеспособным соединением Красной Армии. Она постоянно направлялась на самые опасные участки фронта, подавляла восстания в Москве, Ярославле, Муроме, Рыбинске, Саратове, Новгороде и других местах. Ее бойцов отличала железная дисциплина. На Восточном фронте в составе 5-й советской армии, которой командовал Тухачевский, свыше половины бойцов составляли латыши, а И. Вацетис был назначен командующим Восточным фронтом. Особенно значимой была роль латышских стрелков в боях за Казань. В мемуарах белогвардейского генерала А. Туркула «Дроздовцы в огне» описан эпизод, как взятые в плен латышские стрелки вместо слов о пощаде просят перед расстрелом дать им возможность спеть «Интернационал».

Латышская дивизия осенью 1919 г. участвовала в разгроме рвавшихся к Москве войск Деникина, фактически переломив ход Гражданской войны; отличилась в боях против войск Юденича под Петроградом. В 1920 г. вела бои с врангелевцами, в начале августа участвовала в захвате, а затем обороне Каховского плацдарма и в штурме Перекопа.

Латышские стрелки занимали видные посты в Красной Армии, ВЧК и партийном аппарате. Из их рядов, кроме И. Вацетиса, вышли известные советские военачальники: Р. Эйдеман, Я. Фабрициус, Р. Берзин, А. Алкснис, К. Стуцка, Я. Лацис, чекисты, политические деятели; первым начальником ГУЛАГа был Ф. Эйхманс, возглавлял советскую внешнюю разведку Я. Берзин, заместителем наркома внутренних дел Н. Ежова был уроженец Лиепайи латыш Генрих Штубис (псевдоним Заковский). Именно Заковскому принадлежит высказывание: «Дайте мне Карла Маркса, и он признается, что был агентом Бисмарка».

Вот как оценивает участие латышей вообще в становлении и удержании Советской власти в России латышский профессор Айварс Странга («Вестник Европы», 2001, №2): «184 тысячи латышей, более 10% нашей нации, остались в Советской России после революции, не вернулись в Латвию, не воспользовались условиями Рижского мира, не участвовали в строительстве независимой, свободной Латвии. 70 тысяч из них подписали себе приговор, который был приведен в исполнение в 1937 году). Эта цифра – 184 тысячи оставшихся здесь на руководящей работе, в том числе в ГРУ, в НКВД, – свидетельство того, сколь социально и идейно была расколота наша нация».

В стихотворении Александра Чака тонко передано чувство взаимосвязи латышских стрелков с Россией.

Песня девушки латышскому стрелку

...В темноте под ногами
Уляжется Зунд
Синей ситцевой лентой,
А дальше корпуса разоренных заводов, где до войны
Работали рослые парни –

Те, что погибли потом под Слокой,
На Югле, под Казанью далекой,
Под Пермью и Перекопом, а их сыновья,
Что у ласковых девушек русских
В степных деревнях народились,
Гонят к речке гусей,
На гитаре играют,
И не знают, кто их отцы,
По-латышски не знают ни слова.

(1931; перевод Вл. Невского)

Чак был участником Гражданской войны в России, большевиком, в 1920-е годы вернулся в Латвию и, как писалось о нем в антологии «Поэты Латвии», изданной в СССР, «после фашистского переворота поэт не избежал некоторых идейных заблуждений, некоторое время находился на позициях буржуазного национализма».

Нельзя сказать, что оставшиеся в России латыши надолго остались в рядах советской элиты. Большинство жили нормальной жизнью – строили дома, обрабатывали землю, трудились на заводах, в управлении различных учреждений, везде, куда бы ни забрасывала их судьба: в Витебской, Смоленской областях, на Кубани, в Башкирии и Сибири. Постепенно они создали систему поддержки национальной культуры. Еще в марте 1918 года при Наркомнаце Советской России был создан Комиссариат по латышским делам, что свидетельствует о масштабности участия латышей в жизни Советской России. В Советском Союзе было 150 латышских школ, 130 латышских библиотек и читален, около 200 латышских клубов, профессиональный театр «Скатуве» («Сцена»). Латыши имели возможность получать образование на родном языке в педагогическом техникуме, на рабфаке для латышей при Ленинградском университете, в Герценовском пе-

дагогическом институте. При обществе латышской культуры «Прометей» работали издательство, типография, книжный магазин. Издавалось много книг на латышском и русском языках, в том числе и произведения писателей, живущих в Латвии. Издавался литературный журнал «Целтне», ежедневная газета «Комунару циня», периодические издания для детей «Дарба берни», «Мазайс колективистс», а также учебники, календари, периодика на латгальском диалекте. Весьма активной была деятельность группы талантливых художников, среди которых были мастера с мировым именем (Александр Древиньш, Густав Клуцис и др.).

Однако в связи с началом индустриализации и обострением международной обстановки в СССР начались репрессии против т.н. «ленинской гвардии», среди которой было много сторонников «мировой революции». Они коснулись и латышской диаспоры. Латышские стрелки, мужественные защитники революции, пали как только революционный период закончился.

Например, 29 ноября 1937 г. в Академии Штаба РККА во время перерыва между лекциями Вацетис был арестован как участник «латышской фашистской организации» в РККА. Когда перемена закончилась, комиссар курса объявил слушателям: «Товарищи, лекция продолжаться не будет. Лектор Вацетис арестован как враг народа».

На допросах Вацетис признал себя виновным в подготовке контрреволюционного переворота и назвал более 20 человек, которые якобы вместе с ним участвовали «в фашистской шпионско-террористической латышской организации». В июле 1938 г. приговорён к смертной казни, в тот же день расстрелян.

Но будет неверно, если латышских стрелков мы будем числить исключительно по разряду «красных героев». (То,

что они были героическими людьми, и сегодня не вызывает сомнения). Кроме них, были и белые латышские стрелки. Имя Карла Гоппера, выдающегося офицера русской армии, героя Первой мировой войны, который единственным из латышей был награжден двумя орденами Св. Георгия (4-й и 3-й степеней, за бои в Галиции и под Ригой), вошло в историю Белого движения. Трижды ранен. В октябре 1917 года организовывал в Петрограде офицеров-латышей для защиты Учредительного собрания, летом 1918 года был одним из руководителей Ярославского восстания (в нем участвовали 30 офицеров-латышей). Затем командовал дивизией у адмирала Колчака. В 1920 году вместе с Имантским латышским полком, воевавшим в составе войск Колчака против большевиков, вернулся в Латвию. Был командиром Рижского гарнизона и в 1934 году, после государственного переворота был отправлен в отставку. В 1940 году, после присоединения Латвии к СССР, арестован и расстрелян.

Соратником Гоппера по антибольшевистской борьбе был и генерал Рудольф Бангерский (Бангерскис). Он был участником четырех войн – русско-японской, Первой мировой, Гражданской (в составе колчаковских войск), Второй мировой. Участвовал в создании латышских стрелковых полков в 1915 году. У адмирала Колчака командовал дивизией. Был министром обороны Латвии в 1924–1928 гг. В 1943 году стал генерал-инспектором Латышского легиона Ваффен СС, вступив на путь сотрудничества с нацистами в надежде, что после победы Германии Латвия получит независимость. (Последнее, как мы знаем, в планы Гитлера не входило).

Что ж, надо признать, латыши действительно были расколоты, это трагически проявилось и во время Второй мировой войны.

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА. ЛАТЫШИ В КРАСНОЙ АРМИИ И В ВЕРМАХТЕ

В 1941 после нападения Германии на СССР в составе Красной армии была сформирована 201-я Латышская стрелковая дивизия, в сентябре ее численность составляла 10348 человек, на 90 процентов это были латыши и граждане Латвийской ССР других национальностей, на 70 процентов это были добровольцы. Национальный состав дивизии был следующим: латыши – 51 процент, русские – 26, евреи – 17, поляки – 3, представители других национальностей – 6. Командиром дивизии был назначен полковник (впоследствии генерал-майор) Янис Вейкин. В декабре 1941 года дивизия приняла участие в Московской битве, освобождала Наро-Фоминск и Боровск, понесла тяжелые потери (до 55 процентов личного состава). В октябре 1942 года дивизии было присвоено звание 43-я гвардейская Латышская. В июне 1944 года был создан 130-й Латышский стрелковый корпус, в который вошли две дивизии, 43-я и 308-я Латышская, сформированная в феврале того же года (командир – генерал-майор Детлав Бранткалн). 43-я дивизия освобождала в 1944 году Ригу и участвовала в разгроме Курляндского котла. Всего же в Великой Отечественной войне участвовало 125 тысяч латышей.

По ту сторону фронта тоже воевали латышские формирования. В 1942 году латвийская гражданская администрация для помощи вермахту предложила немецкой стороне создать на добровольческой основе вооруженные силы общей численно-

стью 100 тыс. человек с условием, что после окончания войны будет восстановлена независимость Латвии. Гитлер отверг это предложение. Однако возрастающая потребность в живой силе вынудила нацистское руководство изменить отношение к участию в войне балтийских народов. В мае 1943 года на основе шести латвийских полицейских батальонов, действовавших в составе группы армий «Север», была организована Латвийская добровольческая бригада СС в составе 1-го и 2-го латвийских добровольческих полков. Одновременно был произведен набор добровольцев для 15-й Латвийской добровольческой дивизии СС, три полка которой были сформированы к середине июня. Подчеркнем, что далеко не все латыши хотели воевать на стороне немцев. По данным архивов ФРГ, всего в Латышском легионе служило около 150 тыс. человек, и только 20–25 тысяч из них поступили туда добровольно. В феврале 1944 года советское наступление было остановлено, однако угроза его возобновления сохранялась, что заставило оккупационные власти и местное латвийское самоуправление активизировать мобилизационные мероприятия.

За счёт полученного по мобилизации пополнения удалось увеличить численность Латвийской бригады СС и развернуть её в дивизию. Таким образом, в составе легиона оказались две дивизии: 15-я гренадерская дивизия Ваффен-СС (1-я латвийская) и 19-я гренадерская дивизия Ваффен-СС (2-я латвийская) (42, 43 и 44-й полки). Их численность по состоянию на 30 июня 1944 года составляла: 15-й – 18 412 солдат и офицеров, 19-й – 10 592. Командовал легионом немецкий генерал Хансен, генеральным инспектором был назначен генерал Р. Бангерскис, с одновременным присвоением ему чинов генерал-майора и бригаденфюрера.

24 марта 1943 года глава СС, рейхсфюрер Генрих Гиммлер, издаёт приказ, уточняющий понятие «латышский легион» в качестве общего обозначения для всех латышей, в том числе и для тех, которые уже проходили службу в латышских воинских формированиях, включая полицейские батальоны.

28 марта 1943 года в Риге каждый легионер давал присягу, обещая «неограниченное послушание главнокомандующему вооруженными силами Германии Адольфу Гитлеру».

Из 150 тысяч солдат и офицеров Латышского легиона свыше 40 тысяч погибли и почти 50 тысяч попали в советский плен. Такова печальная статистика участия латышей во Второй мировой войне.

Но эта картина будет неполной, к ней еще надо добавить антинацистскую борьбу в оккупированной гитлеровцами Латвии. Более полувека замалчивалась нелегальная деятельность в годы немецкой оккупации Латвийского центрального совета (Latvijas Centrālā padome), состоявшего из представителей ряда довоенных латышских партий и возглавляемого профессором медицины Константином Чаксте, сыном первого президента Латвийской республики Яниса Чаксте. Еще до создания этого центра в 1943 году сотни людей тайно или открыто участвовали в сопротивлении нацистскому режиму: изготавливали нелегальные воззвания, издавали листовки, распространяя информацию о преступлениях оккупантов в Латвии. Главной целью Центрального совета было восстановление после разгрома гитлеризма независимой демократической Латвии. В феврале 1944 года совет направил на Запад меморандум, в котором декларировал необходимость немедленного восстановления суверенитета Латвийского государства. Документ подписали 188 видных представителей латышской интеллигенции. Многие участники Центрального сове-

та были отправлены в концлагерь Штутгоф на территории Польши и погибли, некоторые в конце войны эмигрировали на Запад. Оставшиеся в Латвии попали в советские лагеря... В 1944 году гестапо арестовало многих из лидеров ЛЦС, в том числе Константина Чаксте, который в возрасте 44 лет умер по дороге из концентрационного лагеря в Штуттхофе в концентрационный лагерь в Лауенбурге в феврале 1945 года.

По поводу военных преступлений Латышского легиона до сих пор продолжаются идейные схватки. Прежде всего, они связаны с противоположными оценками, которые даются деяниям легионеров. Шествия бывших участников латвийских формирований Ваффен-СС в современной Латвии стали ежегодными.

Вот, например, как их оценивают в Израиле, где считают доказанным участие легионеров в истреблении десятков тысяч евреев на территории Латвии: «Если вас устраивает, что они маскируются под борцов за независимость, то вы, по-моему, не понимаете сути вещей. Правда в том, что людям приходилось принимать тяжелое решение. Но если вы выбрали неправильную сторону, если поддержали режим, который убил десятки миллионов людей, то не думайте, что вы – герои. ...Самое печальное, что я сегодня видел во время шествия молодых людей, которые шли с флагами современной, демократической Латвии, чтобы выразить почтение этим людям. Это создает представление о том, что в Латвии поддерживают людей, которые воевали за нацистскую Германию. И если кто-то это поддерживает, то он занял неправильную сторону». (Директор Иерусалимского бюро Центра Симона Визенталя Эфраим Зурофф о мероприятиях в Риге 16 марта 2010, посвящённых памяти солдат Латышского легиона СС.)

«Во время войны на территории Латвии были уничтожены 97 тысяч евреев. Сегодня в Латвии возрождается нацизм в его самых худших проявлениях. Ежегодно в Риге проводятся шествия ветеранов латвийского легиона СС, на которых регулярно присутствуют командующий вооруженными силами Латвии и депутаты латвийского парламента. В латвийском местечке Лестене в торжественной обстановке был открыт памятник солдатам эсэсовского легиона. Пора положить конец молчаливой реакции мировой общественности на этот нацистский беспредел в центре Европы. Мы требуем от правительства Израиля разорвать дипломатические отношения с Латвией». (Раввин Авраам Шмулевич, председатель израильского движения Беад Арцейну («За Родину»)).

Точка зрения официальной Риги противоположна: «Нет никакого основания для утверждения о прямой связи между Латышским легионом, который начали создавать в начале 1943 года, и более ранними военными или паравоенными отрядами в совершенных военных преступлениях. Создаваемая для Латвии неблагоприятной пропагандой связка: самозащита – полицейские батальоны – легион приписывает вину по принадлежности и не соответствует фактам. Латышские солдаты не участвовали в репрессивных действиях, а только сражались на фронте. Ни один латышский легионер ни в одном суде не был обвинен в военных преступлениях, которые были бы совершены в контексте действий легиона. Легион был создан примерно через год после последнего большого убийства евреев в Латвии. Если в конце войны в легион и попали лица из прежних СД, то есть нацистской партии, и структур подчиненных службе безопасности СС, которые совершили военные преступления, то это не делает весь легион преступным. Уже в приговоре Нюрнберг-

ского трибунала, который был оглашен 1 октября 1946 года, довольно четко определен тот круг лиц, которые включаются в преступную организацию СС, упомянув как исключение мобилизованных в принудительном порядке (в случае с латышами – большинство), если они не совершили военные преступления». (И. Фелдманис. Латышский легион: актуальные проблемы и решения исследований. – <http://www.latvia.ie/ru/latvia/history/latvian-legion/> (Материал с сайта МИД Латвийской республики).)

«Министр иностранных дел Латвии Марис Риекстиньш назвал речь директора Центра Симона Визенталя на международной конференции «Итоги Второй мировой войны: жертвы, праведники, освободители и палачи», в которой тот резко раскритиковал события в Латвии, происходящие ежегодно 16 марта, неприемлемой...

Выступая на международной конференции, которая состоялась в понедельник в Риге, директор Центра Симона Визенталя Эфраим Зурофф назвал происходящие ежегодно 16 марта в столице Латвии мероприятия памяти павших солдат легиона «Ваффен СС» «глорификацией нацизма», т.е. прославлением. Он напомнил, что в странах Балтии не было ни одного процесса против коллаборационистов, а националисты даже пытаются реабилитировать причастных к убийствам евреев людей, делая из них национальных героев.

Зурофф также подчеркнул, что, интерпретируя события Холокоста, нужно решить несколько вопросов, касающихся признания вины местных жителей и наказания виновных, памяти жертв, исторической интерпретации событий и ее преподавания в школах, а также возмещения ущерба. По его мнению, страны Восточной Европы пока не особенно преуспели в этом.

Риекстиньш назвал «аморальными» как эти высказывания Зуроффа, так и другие попытки поделить жертв Второй мировой войны на более и менее пострадавших.

«Это взвешивание боли я считаю аморальным по отношению к тем людям, которые потеряли родственников в бою, не важно, на какой стороне они воевали», – сказал министр.

Он добавил, что для Латвии неприемлема никакая тоталитарная идеология и она всегда осуждала преступления нацизма и сталинизма, Холокост.

«Шестнадцатого марта – ни в коей мере не торжественный день, как это пытаются интерпретировать радикально настроенные группировки. Это день памяти павших солдат», – сказал министр, который не видит преград в том, чтобы солдаты собирались частным образом и поминали своих товарищей.

В Латвии 16 марта ежегодно проводятся шествия бывших легионеров латышского легиона «Ваффен СС». Латвийский президент в марте 2008 года заявил, что не считает нацистами латышских эсэсовцев. Многие из них участвовали в массовых убийствах евреев и представителей других национальностей в Латвии и Белоруссии. Антифашистские организации Латвии и партии левой оппозиции 16 марта проводят акции протеста и пытаются помешать шествию, что иногда приводит к столкновениям». (Информация РИА «Новости», 17 марта 2010 г.).

Судя по всему, в ближайшие годы примирения сторон не произойдет. Для такого вывода есть серьезные основания, о которых еще будет достаточно сказано, а пока сравним официальную информацию внешнеполитических ведомств Латвии и России.

История оккупации Латвии (1940–1991) (Размещено на сайте МИД Латвии)

Холокост в Латвии, оккупированной Германией

Холокост евреев и цыган, развязанный и реализованный в 1941 году немецкими нацистами на территории оккупированной Латвии, был заранее продуманным, спланированным и безжалостным актом по истреблению этих национальностей по исключительно расистским причинам. Убийства латвийских евреев начались сразу после вступления на территорию Латвии оккупационной нацистской армии и закончились в конце 1941 года. В расстрелах принимали участие некоторые латыши, чем нередко манипулируется для создания видимости того, что латыши действовали по собственной инициативе и без участия нацистов.

Историческое введение

История евреев на территории Латвии восходит к шестнадцатому веку. В этом можно убедиться по многочисленным экспонатам Еврейского музея в Риге. Согласно уточненным подсчетам, в 1935 году из 2 миллионов населения независимой Латвии около 94 тысяч (5%) были евреи. Евреи и другие исторические национальные меньшинства в Латвии, наравне с латышами, пользовались одинаковыми либеральными правами. На территории Латвии никогда не возникали погромы и не создавались гетто. Антисемитское настроение хотя и существовало в обществе, но антисемитская идеология и риторика не выходила за рамки отдельных радикальных групп, среди которых Pērkonkrusts (Громовой крест) заслужил наиболее печальную славу. Авторитарный режим Карлиса Улманиса, который пришел к власти в 1934 году,

с одной стороны запретил некоторые организации и преследовал некоторых из их лидеров. Однако режим Улманиса заслужил расположение латышей благодаря экономическому и культурному развитию, а также при нем соблюдались права национальных меньшинств, в конце 1930-х даже было предоставлено убежище нескольким тысячам евреев, бежавших из Рейха, и выданы им паспорта Латвии. В результате секретного договора между нацистской Германией и Советским Союзом (Пакт Гитлера – Сталина от 23 августа 1939 года), в 1940 году Латвия была оккупирована и аннексирована Советским Союзом. Во время нападения Германии в конце июля 1941 года уже не существовало независимого Латвийского государства с местным самоуправлением; нацисты не позволили восстановить Латвийскую независимость во время своей оккупации в 1941–1945 годах.

Исследование Холокоста в Латвии

Исследование Холокоста во время Советской власти в Латвии (1944–1991 годы) не проводилось. Жертвы Холокоста были зачислены в раздел «Нацисты убивали мирных советских жителей», обычно с необоснованными и значительно завышенными цифрами. Исследования на Западе главным образом основывались на рассказах переживших Холокост и судебных делах против нацистских преступников. Лишь после восстановления независимости в 1991 году, латвийские историки начали расследовать ситуацию и собирать документы, находящиеся на месте. Более углубленное исследование Холокоста получило интенсивную поддержку после создания Комиссии историков Латвии под эгидой Канцелярии Президента. Первой задачей комиссии было изучение преступлений против человечества, совершенных во время советской и нацистской оккупации во временном интервале с

1940 по 1956 годы. Была создана специальная подкомиссия, для углубленного изучения Холокоста. За шесть лет интенсивной работы комиссия провела огромное количество основополагающих исследований и было достигнуто согласие по многим аспектам, ранее извращенным нацистской и советской дезинформацией и пропагандой.

Холокост в Латвии, оккупированной Германией

Einsatzgruppe организовала Холокост. В Балтийском регионе Холокост был организован и руководился специальным оперативным подразделением нацистской Службы безопасности (Sicherheitsdienst-SD) под командованием генерал-майора Вальтера Шталекера. Это подразделение прибыло вслед за войсками оккупационной армии. С ноября 1941 командование было передано генералу полиции и SS Фридриху Йёкельну, высшему командующему SS и полиции в северной России и восточных землях.

Сотрудничество с местными помощниками. Согласно данным документальных источников, Оперативное подразделение Шталекера было послано для организации на оккупированной Балтийской территории стихийных погромов с участием местного населения. Попытки достичь этого к успеху не привели. Однако некоторые латыши выразили желание стать помощниками в воплощении целей нацистов. Было сформировано несколько вспомогательных подразделений SD. Отряд под командованием Викторса Арайса (команда Арайса) просуществовал дольше всех и заслужил наибольшую черную славу. В 1941 году его численность была около 300 человек и он участвовал в Холокосте на территории Латвии; пополнение было набрано в 1942 году, когда подразделение было привлечено к выездным акциям и преступлениям нацистов на территории России и Белоруссии.

Антисемитская пропаганда. Расизм и антигуманная немецкая пропаганда, оправдывающая уничтожение евреев, была запущена сразу же, в первые дни оккупации: листовки, плакаты и статьи в газетах. Евреи были обвинены в коммунистических зверствах и убийствах в период с 1940 по 1941 годы. Жертвы, обнаруженные в массовых захоронениях, использовались для провоцирования антиеврейских настроений. Пропаганда была организована специальной группой по пропаганде из Германии. Евреи публично изолировались от общества, унижались и дискриминировались административно: им было приказано носить звезду Давида, приказывалось чистить брусчатку, выкапывать жертв коммунистического террора, запрещалось ходить по тротуарам, посещать публичные места, покупать в магазинах и т.д.

Первая фаза уничтожения: июль – август 1941 года. Первые массовые убийства латвийских евреев начались в июле и продолжались до сентября. Было приказано расстреливать евреев группами в Риге, Даугавпилсе и во многих других городах. Недавние исследования показывают, что все эти акции были организованы немецкими властями, но исполнялись обычно латышскими припешниками без прямого немецкого участия. В сентябре оставшиеся в Риге евреи были собраны в отгороженное гетто в Московском предместье города и взяты под стражу.

Вторая фаза уничтожения: ноябрь – декабрь 1941 года. Из Рижского гетто под прямым руководством Фридриха Йекельна, около 25 тысяч евреев были направлены пешком в Румбулу, на границе Риги и расстреляны там в течение двух операций – 30 ноября и 8 декабря 1941 года. Латыши были охранниками, жертв расстреливали люди из SS под командованием Йекельна. Около 3 тысяч евреев из Лиепаи были расстреляны с 15 по 17 декабря. Это было завершением массового уничтожения

около 70 тысяч латвийских евреев. К латышским евреям присоединились около 25 тысяч евреев, привезенных из Германии, Австрии и территории, являющейся ныне Чешской Республикой, из которых было убито около 20 тысяч.

Судьба оставшихся евреев. Рижское гетто было закрыто в 1943 году. Оставшиеся в живых евреи, те, кто еще были работоспособны, были перевезены в расположенные неподалеку концентрационные лагеря, самые большие из которых были расположены в Межапарке и Дундаге. В 1944 году большинство евреев, оставшихся в живых, были перевезены в Германию, где некоторые из них дожили до конца войны.

Латыши, спасавшие евреев. Беспрецедентные, массовые и стремительные преследования и убийства евреев в Латвии вызывали сочувствие у латышей. Такая реакция официально преследовалась. Несмотря на это, граждане Латвии спасли более 400 евреев, некоторые из латышей были осуждены нацистскими властями за предоставление убежища евреям.

Искажение роли латышей в Холокосте

«Были широко распространены расстрелы евреев местным населением без немецкого участия». В Латвийских исторических документах не имеется ни одного упоминания о яром антисемитизме до захвата страны нацистской Германией. Целью политики нацистской Германии было достижение видимости того, что латыши спонтанно убивали своих евреев; они наняли некоторых латышей и манипулировали ими, якобы они расстреливали евреев, а не нацисты. Выжившие евреи, не зная механизма командования, нередко допускали, что латышские соучастники действовали сами по себе. Позже советской пропаганде было удобно поддерживать впечатление, созданное нацистами, для запугива-

ния и подавления. В конце концов, обвинения латышей в сотрудничестве с нацистами, бесосновательные в большинстве случаев, хотя и не во всех, были направлены против выдающихся латышских личностей, находящихся в ссылке.

«Латвийские вспомогательные полицейские батальоны и Латышский легион были причастны к Холокосту». Убийства латышских евреев в основном завершились в конце 1941 года. Батальоны Schutzmannschaften были сформированы немецкими властями в конце 1941 года и в 1942 году. Были два Советских судебных процесса против членов двух этих батальонов, которые завершились обвинительными заключениями. Также известно, что на два батальона были возложены охранные функции в Варшавском гетто. «Латышский добровольческий легион СС» так официально назывался, несмотря на факт того, что большинство солдат были призваны, он был сформирован по указу Гитлера от 10 февраля 1943 года. В него вошли некоторые полицейские батальоны с линии фронта, некоторые члены команды Арайса, две дивизии Легиона, в основном состоящие из призывников, участвовали только в военных боевых акциях. Латышские легионеры, охраняющие заключенных на западе, были нелегально призванные, а не члены Гитлеровского преступного SS.

Первоисточники на латышском и английском языках

Anders, Edward and Juris Dubrovskis. Jews in Liepāja, Latvia 1941–45: A Memorial Book. Burlingame, CA., 2001. Ezergailis, Andrew. The Holocaust in Latvia 1941–1945: The Missing Center. Riga, Washington, DC. 1996. Ērglis, Dzintars et al., eds. Holokausta izpētes problēmas Latvijā / Проблемы исследования Холокоста в Латвии. Симпозиум комиссии историков Латвии 2. Рига, 2001. [Материалы конференции в основном на английском].

Nollendorfs, Valters, ed. Latvijas Okupācijas muzejs: Latvija zem Padomju Savienības un nacionālsociālistiskās Vācijas varas 1940–1991 (Латвия под властью Советского Союза и национал-социалистской Германии.) Рига: Музей оккупации Латвии, 2002. [Латышско-английская история оккупации.]

Об участии латышского легиона СС в военных преступлениях в 1941–1945 гг. и попытках пересмотра в Латвии приговора Нюрнбергского трибунала (справочная информация на сайте МИД РФ)

История латышских вооружённых формирований, входивших в годы Второй мировой войны в состав СС и известных под названием «латышский легион СС», тесно связана с историей латышского национал-шовинизма и коллаборационизма.

Организации профашистского толка стали возникать в Латвии сразу после окончания Первой мировой войны. Первыми из них стали «айзсарги» («охранники») и Латышский национальный клуб, созданные в 1919 и 1922 гг. соответственно. Военизированную организацию «айзсаргов» возглавлял лидер партии «Крестьянский союз» К. Ульманис, фактически использовавший «охранников» как вооружённую силу в борьбе за власть.

15 мая 1934 года при поддержке «айзсаргов» в Латвии был совершен переворот и установлена диктатура К. Ульманиса. В период его правления организация «айзсаргов» численностью до 40 тысяч человек по своим обязанностям и правам была приравнена к полиции.

Правительство К. Ульманиса резко ужесточило политику в отношении национальных меньшинств. Были распущены их общественные организации, закрыто большинство школ для национальных меньшинств. Даже этнически родственные латышам латгалы (22% населения) лишились возможности пользоваться латгальским языком в местных учреждениях и обучаться на нём в школах.

Деятельность Латышского национального клуба была запрещена правительством вскоре после его создания, но на его основе в 1927 году была создана группа «Огненный крест», переименованная в 1933 году в Объединение латышского народа «Перконкруст» («Громовой крест»). К осени 1934 г. она насчитывала в своих рядах около 5 тыс. человек. «Перконкруст» представлял собой радикальную националистическую организацию, выступавшую за концентрацию всей политической и хозяйственной власти в руках латышей и борьбу против «чужеземцев», прежде всего евреев. После прихода к власти К. Ульманиса организация «Перконкруст» формально была распущена.

После создания на территории Латвии на основе договора с СССР осенью 1939 года советских военных баз «айзсарги», члены бывшего «Перконкруста» и латвийская политическая полиция организовали систему шпионажа за частями Красной Армии в пользу Германии. Одновременно были арестованы сотни представителей национальных меньшинств, особенно евреев, за «симпатии к большевикам».

После вступления Латвии в СССР германская разведка активизировала связи с находившимися на нелегальном положении латышскими националистическими организациями с целью подготовки вооружённого мятежа к моменту нападения Германии на СССР. Благодаря действиям органов государственной безопасности СССР эти планы не были реализованы.

Бывшие члены латвийских националистических организаций вновь заявили о себе сразу после отхода Красной Армии. Летом 1941 года по Латвии прокатились еврейские погромы (*Приложение 1*). 29 июня 1941 года глава СД и Главного управления имперской безопасности Г. Гейдрих направил всем командирам «айнзатцгрупп» директиву, в которой предписывалось «не пре-

пятствовать устремлениям по самоочищению со стороны антикоммунистических и антиеврейских кругов на оккупированных территориях» (Europa untern Hackenkreuz. Okkupation und Kollaboration (1938–1945). Berlin. S. 219–220). 11 июля 1941 года латышская газета «Тевия» писала: «Еврейские грехи очень тяжелы: они хотели уничтожить нашу нацию, и поэтому они должны погибнуть как культурная нация» (Urteil des Landgerichts, Hamburg (37)5/76 gegen Viktor Arajš vom 27. Oktober 1980. S. 11).

Бывшие «айзсарги», военнослужащие латвийской армии и полиции, а также члены «Громового креста» на добровольной основе сформировали так называемые «отряды самооборонь». Штаб их находился в Риге. Во главе этих отрядов был поставлен подполковник бывшей латвийской армии З. Вейс (ЦА ФСБ. Ф. 14. Оп. 5. Д. 1075. Л. 313). Созданные подразделения использовались для обысков, арестов, облав и массовых расстрелов мирного населения. Приоритетными категориями граждан, предназначавшимися для уничтожения на местах, как и во всех зонах оккупации, были евреи, коммунисты, советские активисты, лица, сочувствующие советской власти. Одним из кровавых «показателей их работы» могут служить массовые расстрелы советских граждан, в том числе десятков тысяч евреев, летом-осенью 1941 г. в Риге, Даугавпилсе, Лиепаве (*Приложение 2*).

Кроме того в июле 1941 г. на территории Прейльской волости Двинского уезда такие карательные группы расстреляли 900 советских граждан, в том числе всё еврейское население г. Прейли. В этом же уезде в августе 1941 г. было расстреляно 110 жителей селения Дагла. Руками карателей-латышей на окраине г. Субатэ Илукского уезда 21 июля 1941 г. было расстреляно 700 советских граждан, в том числе женщины и дети. При этом во всех случаях всё имущество рас-

стрелянных делилось поровну между палачами (ЦА ФСБ. Ф. 4. Оп. 5. Д. 535. Л. 122).

5 июля 1941 года руководитель «Перконкруста» Г. Цельминьш, уже получивший к тому времени звание зондерфюрера, призвал латышей вступить в добровольную «команду безопасности», которой руководил В. Арайс, бывший капрал латвийской армии, выпускник Рижского университета, на момент формирования отряда возглавлявший всю рижскую полицию. Уже в первые недели после своего сформирования «команда Арайса» сожгла рижскую синагогу с забаррикадовавшимися в ней людьми и истребила около 2000 евреев и членов Коммунистической партии. Общая численность «команды Арайса» со временем доходила до 3000 чел. (ЦА ФСБ. Ф. 16. Оп. 312. Д. 308. Л. 147–152).

Личный состав «команды Арайса» носил обмундирование бывшей армии Латвийской Республики, на рукаве была повязка с изображением черепа и перекрещенных костей с надписью: «Вспомогательная полиция безопасности». Впоследствии отряд экипировали формой войск СС.

По данным архивов, с июля по декабрь 1941 г. систематически вместе с другими полицейскими батальонами личный состав этого подразделения производил расстрелы евреев в Бикерниекском лесу (общее число жертв – 46 500 чел.), а также в Лиенае, Талси и на станции Царникава (более 10 тыс. чел.). «Команда Арайса» также участвовала в массовых расстрелах в Румбульском лесу (за всю оккупацию – около 38 000 чел.). (А. Колтанов. Дело № 2783. Военные преступления не забыты. // Независимое военное обозрение, 2000, №16, с. 7). В последующие периоды Великой Отечественной войны подразделение В. Арайса периодически направлялось для проведения ка-

72

рательных операций в районах городов Великие Луки, Барановичи, Слуцк, Минск.

Кроме того, полицейские «команды Арайса», а затем латышские батальоны охраняли концлагерь в г. Саласпилс, куда заключённые поступали не только из Латвии, но и из Австрии, Чехословакии, Франции и других стран. (Палачи. // Военно-исторический журнал. 1990. №7. С. 34). За весь период оккупации в этом лагере было истреблено 101 100 советских граждан.

Всего в Латвии в 1941–1945 гг. было создано 46 тюрем, 23 концлагеря и 18 еврейских гетто. Согласно данным Чрезвычайной республиканской комиссии Латвийской ССР по злодеяниям немецко-фашистских захватчиков и их пособников только на территории Латвии было истреблено 313 798 мирных жителей (в том числе 39 835 детей) и 330 032 советских военнопленных.

Развернувшееся в немецком тылу партизанская война стала важным фактором, повлиявшим на решение Гитлера пойти на ранее не планировавшееся создание из числа жителей оккупированной территории СССР национальных вооружённых формирований. 25 августа 1941 г. командующий группой армий «Север» генерал-фельдмаршал фон Лееб официально разрешил принимать на службу литовцев, эстонцев и латышей и создавать из них особые команды и добровольческие батальоны. Осенью 1941 года в Латвии на базе «отрядов самообороны» стали формироваться регулярные полицейские батальоны, которым поручались карательные операции. В октябре 1941 года первый латышский батальон был направлен на борьбу с партизанами в Псковскую область, а в декабре того же года латышские полицейские участвовали в карательных акциях на территории Белоруссии.

Всего за годы войны был сформирован 41 такой батальон (для сравнения: в Литве – 23, а в Эстонии – 26). В среднем каждый батальон состоял из 300 чел., хотя численность отдельных достигала и 600 чел. Латышские батальоны действовали в Латвии, на Украине, в Белоруссии и др. регионах. Так, на Кавказе летом 1942 г. в тылу немецких войск «наводили порядок» 18-й и 27-й латвийские полицейские батальоны (Ю. Емельянов. Большая игра. Ставка сепаратистов и судьбы народов. М. 1990. С.191).

Тяжёлые потери, которые немецкая армия понесла в ходе зимнего (1941–1942 гг.) контрнаступления Красной Армии под Москвой, вынудили Гитлера передать полицейские подразделения германскому военному командованию в качестве резервных подразделений. В последующем ими «затыкали» бреши на передовой и продолжали активно использовать в борьбе с партизанами.

В феврале 1942 г. на базе 16, 19, 21 и 24-го латышских батальонов была создана 2-я механизированная бригада СС (2.SS-Infanterie-Brigade (mot), которая осенью 1942 г. была отправлена на Восточный фронт под Ленинград (R.I. Bender and H. Tailor. Uniforms, Organization and History of the Waffen-SS. San Jose, Calif, 1986. p.71–72). В ноябре 1943 г. из состава 39-го и 40-го латышских добровольческих полков была создана 2-я латышская добровольческая бригада СС. Она участвовала в боевых действиях против частей Красной Армии с ноября 1943 г. по 18 января 1944 г. на различных участках группы армии «Север».

В 1942 г. военный министр бывшего довоенного правительства Латвии генерал Р. Бангерскис и его сторонники из числа местных коллаборационистов выступили с инициативой создания «100-тысячной латвийской армии». Идею создания

какой-либо самостоятельной латвийской армии Г. Гиммлер отверг, но предложил сформировать «латышский легион» в составе СС для борьбы с советскими партизанами и получил принципиальное согласие на формирование «Латышского добровольческого легиона СС» (Lettische SS-Freiwilligen-Legion). 10 февраля 1943 года А. Гитлер подписал приказ о создании «добровольческого латышского легиона СС как единой боевой единицы» (*Приложение 3*).

24 марта 1943 года издаётся приказ Г. Гиммлера, уточняющий понятие «латышский легион» в качестве коллективного обозначения для всех латышей, проходивших службу в латышских воинских формированиях, включая полицейские батальоны (M. Windrow. *The Waffen-SS*. Lnd., 1989. P. 64).

В марте 1943 г. и марте 1944 г. в составе легиона немецким верховным командованием в Латвии были созданы соответственно 15-я (на базе 2-й механизированной бригады СС) и 19-я (на базе 2-й латышской добровольческой бригады СС) добровольческие дивизии СС. Командовал легионом немецкий генерал Хансен, генеральным инспектором был назначен генерал Р. Бангеркис, получивший звание группенфюрера СС. Вступавшие в легион лица приносили присягу лично А. Гитлеру.

В марте 1944 г. 15-я и 19-я дивизии вошли в состав 6-го корпуса СС, который в свою очередь был включен в состав 18-й армии (группа армий «Север»). В этот период она удерживала позиции по берегу р. Великой к северу от г. Остров и Псков (территория современной Псковской области).

В июне 1944 г. наименование «добровольческая» (Freiwilligen) дивизия было заменено на «Waffen». Соответственно, полное наименование, например, 15-й дивизии звучало теперь так: «15. Waffen-Grenadier-Division der SS (lettische Nr. 1)». Исчез-

новение термина «добровольческая» связано с тем, что всё более ясный исход войны не способствовал набору добровольцев, и оккупационные власти прибегли в декабре 1943 г. к мобилизации мужского населения 1918–1922 гг. рождения.

Наступление советских войск в июле 1944 года вынудило немецкую армейскую группу «Север» с входящими в её состав двумя латышскими дивизиями продолжить отступление на запад, а 13 октября 1944 года Рига была освобождена советскими войсками. Немецкая группировка, в состав которой входила и 19-я латышская дивизия СС, продолжала удерживать позиции в Курляндии, где и капитулировала в мае 1945 года. Попавших в «Курляндский котел» легионеров разоружали части 130-го латышского стрелкового корпуса Красной Армии. 15-я дивизия была разгромлена под Берлином в апреле 1945 года и её разрозненные подразделения сдались в плен советским и американским войскам.

Части и подразделения «латышского легиона» не только участвовали в боях с Красной Армией, но и использовались командованием СС для проведения массовых расстрелов, осуществления карательных операций против партизан и мирного населения на территориях Латвии, Польши, Белоруссии, Украины и России, несения охранной службы в гетто и концентрационных лагерях (Российский государственный военный архив (РГВА). Ф.451. Оп.6. Д.96. Л.221-222). *(Приложение 4)*.

12 июня 1943 г. в телефонограмме № 33 помощник шефа окружной полиции сообщал областному руководителю СС и полиции, что в соответствии с установкой, данной на 11 июня 1943 г. на совещании в Риге, командованием жандармерии Латвии и служб СД в д. Шкауне была произведена эвакуация

(так в рапортах назывались расстрелы) семейств, один или несколько членов которых перешли к «бандитам». Эвакуации были подвергнуты деревни: Шкауне, Рундени, Паспене и Брити. В общем было расстреляно 224 чел. по плану в течение трёх часов, а сделали это полицейские из 273-го латышского полицейского батальона. (ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 93. Д. 3695. Л.88–89.)

На Украине каратели 22-го Даугавпилсского полицейского батальона безжалостно действовали в районах Житомира и Луцка; 23-го Гауйского полицейского батальона – в районах Днепропетровска и Керчи, 25-го Абовского полицейского батальона – в районах Коростеня и Овруча, а 28-го Бартского полицейского батальона – в районе Кривого Рога.

В Белоруссии летом 1942 г. немецкая полиция безопасности передала охрану г. Слоним 18-му латышскому полицейскому батальону. Его командир Рубенис буквально в тот же день отдал приказ об уничтожении гетто (2000 чел.). Ю. Емельянов. Большая игра. Ставка сепаратистов и судьбы народов. М., 1990. С.191.

Подразделения латышского легиона принимали непосредственное участие в операции «Зимнее волшебство», проведённой с 15 февраля до начала апреля 1943 года и более известной как Освейская трагедия. Целью операции было создание нейтральной зоны шириной 40 км между Дриссой на юге, Зилупе и Смольна-таль на севере и охватывало район Освея – Дрисса – Полоцк – Себеж – Рассоны (Белоруссия, Россия). Эта полоса земли без жителей и населённых пунктов должна была лишить партизан их опорных пунктов. В операции, которой руководил лично обергруппенфюрер СС Ф. Еккельн, участвовали 7 латышских батальонов, одна украинская рота и одна литовская рота. Кроме того, им были приданы специальные подразделения. Общая численность составляла примерно 4000 чел.

По данным архивов, операция разворачивалась следующим образом: войдя в деревню, полицейские и приданные части СД расстреливали всех, кого можно было подозревать в принадлежности к партизанам (такowymi считались практически все жители-мужчины в возрасте от 16 до 50 лет), а также стариков и инвалидов, которым был не по силам долгий пеший марш. Остальные – в основном женщины с детьми – направлялись пешком к месту так называемого «второго шлюзования». Тех, у кого в пути отказывали силы, расстреливали. Из сборных лагерей людей направляли в другие лагеря, например в Саласпилс под Ригой, где женщин отделяли от их детей и направляли на работу в Германию.

Всего было уничтожено несколько сотен деревень, среди них и такие, где насчитывалось до тысячи и более жителей. «Палачи». Военно-исторический журнал № 6. 1990. с.32. Только в одном Освейском районе было сожжено 183 деревни, расстреляны и сожжены 11 383 человека (из них 2 118 детей в возрасте до 12 лет), 14 175 жителей были вывезены на работы – взрослые в Германию, дети в Саласпилский концлагерь (*Приложение 5*). Юстиция ФРГ квалифицировала операцию «Зимнее волшебство» как преступление против человечности.

Летом и осенью 1943 года 25-й полицейский батальон и рота Лидумса были отправлены проводить карательные операции против советских партизан в Припятских болотах (Белоруссия). Особыми зверствами на белорусской земле отличился 18-й полицейский батальон. За «подвиги» 73 самых «активных» карателя этого батальона были награждены начальником СС и полиции Белоруссии медалью «За Отвагу 2-й степени для представителей восточных народов».

В 1944 году в Белоруссии карательные операции проводили уже три полицейских полка. 1-й Рижский добровольческий полк действовал под Невелем, 2-й Лиепайский полк – вдоль железной дороги Даугавпилс – Полоцк. Карательные операции проходили до конца мая 1944 года. 3-й Цесисский полк уничтожил, судя по его военным журналам, «силы террористов, оценивавшиеся примерно в 20000 человек». Только в селе Кобыльники, по свидетельствам очевидцев, было убито около 3 тысяч мирных жителей.

В начале марта 1944 года латышские полицейские полки вместе с примерно 20 эстонскими и немецкими полицейскими батальонами участвовали в крупной карательной операции против партизан в районе города Ветрино (Белоруссия). Оставшиеся в том районе белорусские деревни, каратели, сожгли, а жителей расстреляли.

С августа по декабрь 1943 года полицейский батальон 282-А участвовал в карательной экспедиции в Литве и Польше с целью уничтожения партизан и угона молодёжи на принудительные работы в Германию. В карательных экспедициях против партизан в Польше и Латвии участвовал и 316-й батальон 2-го Лиепайского полицейского полка (*Приложение 6*).

278-й полицейский батальон (Добельский) находился в Польше, где также при содействии авиации прочёсывал леса и деревни в целях обнаружения лиц, ведущих борьбу против нацистских оккупантов. (*Приложение 7*).

Латышские бригады и дивизии СС также участвовали осуществлении карательных операций. Так, в 1942 году 2-й латышской бригадой СС были сожжены деревня Федоровка Чудского района Новгородской области и село Осино. Кроме того, личным составом бригады проводились массовые поджоги и

расстрелы в населенных пунктах Лубницы, Осец, Кречно в 60 км северо-западнее Новгорода, а также в лагере для военнопленных в Красном Селе под Ленинградом. В 15-й дивизии в звании штурмбаннфюрера служил В. Арайс.

19-я латышская дивизия СС, кроме общих функций на Восточном фронте, выполняла следующие задачи: борьба с советскими партизанами в тыловых районах немецких войск; проведение облав на мирных жителей, заподозренных в помощи партизанам; уничтожение мирных советских граждан; конфискация у населения скота, зерна, продуктов питания; сожжение населённых пунктов. В основном эти задачи выполнялись силами роты полицейской жандармерии, организационно входившей в штат 19-й латышской дивизии СС, но часто для их решения привлекался дополнительно и личный состав других боевых частей и подразделений соединения.

Дивизия принимала непосредственное участие в карательных акциях против советских граждан на территориях Ленинградской и Новгородской областей. В 1943 г. части дивизии участвовали в карательных операциях против советских партизан в районах г. Невель, Опочка, Псков (расстреляно 560 чел. в 3 км от Пскова). 18 декабря 1943 г. в д. Заля-Гора, западнее Новгорода, было расстреляно 250 чел. мирных жителей. Силами роты полицейской жандармерии в начале января 1944 г. массовые расстрелы проводились в г. Чудово Ленинградской области. А в д. Глухая 21 января 1944 г. латышские каратели загнали в сарай 200 чел. и расстреляли из пулемётов. Этими же силами было расстреляно 500 чел., содержащихся в концлагере под г. Порохово в Белоруссии. Всего с 18 декабря 1943 г. по 2 апреля 1944 г. личным составом 19-й латышской дивизии СС при проведении карательных акций было уничтожено 23 деревни,

из которых в 13 расстреляно 1300 человек (РГВА. Ф.451. Оп.6. Д.96. Л.221-236).

Участвовали военнослужащие латышских дивизий СС и в зверских убийствах захваченных в плен советских солдат, включая женщин. В частности, 6 августа 1943 года личным составом 43-го стрелкового полка 19-й латышской дивизии СС были замучены 15 военнопленных из 65-го Гвардейского стрелкового полка 22-й Гвардейской стрелковой дивизии, захваченных в районе деревни Бобрыни (Латвийская ССР). Этот факт подтверждает положение приговора Нюрнбергского Трибунала, устанавливающее, что «имеются доказательства того, что расстрел невооружённых военнопленных был обычным явлением в некоторых дивизиях СС», напрямую касается латышских дивизий, в которых пленных уничтожали и более зверскими способами (*Приложение 8*).

В значительной степени именно из состава 19-й дивизии формировались диверсионные группы для засылки в тыл Красной Армии с целью совершения диверсий (впоследствии многие из этих лиц превратились в так называемых «лесных братьев», на счету которых свыше 3 тысяч диверсионно-террористических актов, совершенных в период с 1944 по 1952 гг. и унесших тысячи жизней (*Приложение 4*).

Участники событий военного времени подтверждают, что латышские легионеры несут также ответственность за истребление мирного населения, в частности, убийства жителей деревень Князево (Красное), Барсуки, Розалино Витебской губернии, деревень Морочково и Кобьльники в 1944 году (*Приложение 9*).

Оставили свои следы легионеры и в центральных районах Польши. Как показывал немецкий генерал Ю. Штроп, в операции по уничтожению Варшавского гетто в 1942–1943 гг. использова-

лись в том числе и латышские формирования. В общей сложности в Варшаве было уничтожено 56065 человек (*Приложение 10*).

Преступность организации СС в целом была признана Нюрнбергским Международным военным трибуналом, который постановил, что «СС использовалась для целей, которые согласно Уставу являются преступными и включают преследование и истребление евреев, зверства и убийства в концентрационных лагерях, эксцессы, совершавшиеся при управлении оккупированными территориями, проведении в жизнь программы использования рабского труда, жестокое обращение с военнопленными и их убийства... Рассматривая вопрос об СС, Трибунал включает сюда всех лиц, которые были официально приняты в члены СС, включая членов “общих СС”, войск СС (“Ваффен-СС”), соединений СС “Мёртвая голова” и членов любого рода полицейских служб, которые были членами СС... Трибунал объявляет преступной согласно определению Устава группу, состоящую из лиц, которые были официально приняты в члены СС... были членами этой организации или оставались ее членами, зная, что эта организация используется для совершения действий, определяемых преступными в соответствии со статьей 6 Устава... Преступная деятельность была широко известна членам организации для того, чтобы оправдать признание СС преступной организацией». Более того, Трибунал установил, что «из статьи 10 Устава явствует, что решение о признании преступного характера обвиняемой организации является окончательным и не может подвергаться оспариванию на любом последующем процессе по делу отдельных членов организаций». И, как ясно следует из приговора, латышский легион также признан преступным, т.к. Трибунал включил в СС членов «Ваффен-СС» и членов любого рода полицейских

служб, подчеркнув, что «невозможно выделить какую-либо часть СС, которая не принимала бы участия в этой преступной деятельности». Отдельно Трибунал «отметил» деятельность дивизий СС, указав, что «дивизии войск СС ответственны за множество убийств и зверств на оккупированных территориях...» (Нюрнбергский процесс. Сб. мат-лов в 8 томах. Том 8. М., 1997. С.652).

Интересно также положение 10 статьи Устава Трибунала, в соответствии с которым «если Трибунал признаёт ту или иную группу или организацию преступной, компетентные национальные власти каждой из Подписавшихся Сторон имеют право привлекать к суду национальных, военных или оккупационных трибуналов за принадлежность к этой группе или организации... в этих случаях преступный характер группы или организации считается доказанным...».

После выхода Латвии из состава СССР латвийское руководство в целях оправдания коллаборационизма латышских националистов с гитлеровской Германией выдвинуло тезис об ответственности «тоталитарных режимов» Германии и СССР за «вовлечение некоторого числа жителей Латвии в преступления времен двух оккупаций».

Одновременно латвийскими властями отстаивается тезис о том, что латышский легион СС использовался исключительно в целях ведения боевых действий на фронте в борьбе за независимость Латвии и не имеет-де никакого отношения к карательным операциям на оккупированных нацистской Германией территориях. 29 октября 1998 года латвийский Сейм принял Декларацию «О латышских легионерах во Второй мировой войне», имеющую целью «восстановление исторической справедливости и доброй памяти латышских воинов». Декларация

подчёркивала, что «целью призванных, а также добровольно вступивших в легион латышей была защита Латвии от восстановления сталинского режима» и что «они (легионеры) никогда не участвовали в карательных акциях гитлеровцев, проводимых в отношении мирных жителей». Сейм при этом вменял в обязанность правительству «заботиться об устранении посягательств на честь и достоинство латышских воинов в Латвии и за её пределами».

Вслед за принятием упомянутой «Декларации о легионерах» Сейм внёс в том же 1998 году в календарь праздников и памятных дат «День памяти латышских воинов», приуроченный к крупному боестолкновению легиона с Красной Армией на реке Великая в районе Опочки 16 марта 1944 года (территория Российской Федерации). Однако состоявшиеся в этот день в 1999 году официальные торжества и шествие бывших эсэсовцев в центре Риги вызвали столь негативную реакцию со стороны жертв фашизма в самой Латвии и за рубежом, что власти, озабоченные международным имиджем страны, поспешили снять на следующий 2000 год с этой даты официальный статус «памятного дня». При этом формат мероприятия, ставшего «частным делом граждан», остался прежним, из года в год сопровождается богослужением в Домском соборе и возложением венков к памятнику «Отчизне и свободе». Формально же «поминовение» легионеров было перенесено на отмечаемый 11 ноября «День Лачплесиса», легендарного героя латышского эпоса. Тем самым легионеры были фактически приравнены к «народным героям».

Сдержанность официальных лиц Латвии в плане публичной демонстрации своего особого отношения к бывшим легионерам после полученного Ригой приглашения вступить в ЕС и

НАТО сменилась на решимость завершить начатый процесс превращения эсэсовцев уже официально в «героев сопротивления» и «борцов за свободу Латвии». Поводом для придания легионерам этого «статуса» стало официальное открытие мемориала латышским легионерам в поселке Лестене под г. Тукумсом, в котором принимали участие бывший президент страны Г. Улманис, министр культуры И. Рибане, исполнительный секретарь министерства обороны Р. Граубе, занимающийся интеграцией латвийской армии в НАТО.

Таким образом в Латвии с середины 90-х годов на официальном уровне на фоне попыток переписать итоги Второй мировой войны проводится линия на реабилитацию и прославление военных преступников. «Воинский и патриотический опыт» латышского легиона СС используется в воспитательной работе с подрастающим поколением в школах и в латвийской армии, в том числе в воссозданной в виде ополчения организации «айсаргов». К этой работе активно привлекаются бывшие легионеры и их нынешние поклонники, объединённые в Обществе национальных латышских воинов, организации «Соколы Даугавы» и Объединении национальных латышских партизан («лесных братьев»).

Возрождение националистической идеологии способствовало и активизации в Латвии экстремистских организаций. Так, последователи «Перконкруста» возобновили в 90-е годы деятельность своей организации, объявив целью свержение «не оправдавшей себя власти» и построение «латышской Латвии». На счету «Перконкруста» уже три попытки подрыва Памятника Освободителям Риги от немецко-фашистских захватчиков в Риге и взрыв теплотрассы «Ригас силтумс». В начале 2000 года наиболее активные члены этой организации были арестованы.

Однако приговор экстремистам оказался на редкость мягким: троих из них освободили прямо в зале суда, а другие получили либо условные, либо символические сроки.

Немаловажен исторический аспект и сохраняющегося в Латвии массового безгражданства. По сути дела признание навязываемой обществу концепции истории Латвии во Второй мировой войне ставится властями в качестве одного из главных условий прохождения экзамена по натурализации в рамках натурализации, что, естественно, неприемлемо для подавляющего большинства русских, белорусов, украинцев, евреев, жителей Латвии других национальностей. Такое отношение к проблемным вопросам истории усугубляет раскол латвийского общества.

Приложение 1

Из заявления Г.Л. Баринбаума в Чрезвычайную Комиссию Латвийской ССР по установлению и расследованию немецко-фашистских злодеяний: «...Латышские фашистские негодяи хотели в самом городе устроить погром и буквально перерезать всех евреев, что частью в некоторых районах города уже начали, но немецкое военное командование запретило это, но дало разрешение ночью арестовать и расстрелять 5 тысяч мужчин...»

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 93. Д. 1. Л. 59.

Приложение 2

Из обзора действий 2-й оперативной команды оперативной группы «А», СД и полиции безопасности (начало 1942 года)

К моменту вступления немецких войск в Латвию насчитывалось около 70 000 евреев. Во время большевиков в Латвии евреев жило значительно больше, однако значительная часть их бежала с большевиками.

Цель, стоявшая в самом начале перед 2-й оперативной командой, заключалась в радикальном решении еврейской проблемы путем поголовной экзекуции* всех евреев. Для этой цели во всём районе действия с помощью зондеркоманд и отборных сил латышской вспомогательной полиции... проведены обширные акции по очистке. Примерно к началу октября в районе действия команды подвергли экзекуции 30 000 евреев. К этому следует прибавить ещё несколько тысяч евреев, уничтоженных по инициативе самих отрядов самообороны, после того как им был сделан соответствующий намек...

До конца октября сельские районы Латвии были полностью очищены.

Чтобы полностью исключить из общественной жизни ещё необходимых для работы евреев, они собраны в гетто, устроенные в Риге, Даугавпилсе и Лиенае.

Одновременно было отдано распоряжение ввести для евреев опознавательный знак – еврейскую звезду. Полиция безопасности в отношении гетто ограничила себя чисто полицейскими функциями, в то время как изоляция района гетто и управление им, как и оплата труда, и снабжение заключённых, возложены на гебитскомиссаров, а использование евреев на работе на управление труда.

В начале ноября 1941 года в рижском гетто насчитывалось ещё около 30 000, в Лиенае – около 4 300 и в Даугавпилсе – около 7 000 евреев. После этого подвергнуты экзекуции 400–500 евреев... Кроме того, по ходу больших акций гетто было очищено от ограниченно трудоспособных, а также не нужных для работы евреев. Так, 9 ноября 1941 г. были подвергнуты экзекуции в Даугавпилсе 11 034 еврея, в начале декабря 1941 года в Риге, во время большой акции, проведённой по распоряжению и под руководством высшего руководителя СС и полиции, – 27 800, и в середине декабря 1941 г. в Лиенае, по желанию рейхскомиссара, – 2 350. Остальные евреи (в Риге – 2 500, в Даугавпилсе – 950 и в Лиенае – 300) были из этой акции исключены, поскольку они представляли собой квалифицированную рабочую силу, незаменимую для поддержания хозяйства, особенно военного хозяйства.

Мы обвиняем. Рига, 1967. С. 77–79.

* То есть уничтожения.

Приложение 3

Из объявления населению Латвии

Рига, 27 февраля 1943 г.

«Фюрер Великой Германии дал согласие на создание добровольческого латышского легиона СС. Во вновь созданный латышский легион как ядро уже влилась часть добровольческих соединений.

Легион организован как единая боевая группа, входящая в состав вооружённых частей СС, и его подразделениями будут командовать латышские офицеры...»

Мы обвиняем. Рига, 1967. С. 268.

Приложение 4

Из протокола допроса Тоне Бруно, 11 февраля 1945 года.

«В средних числах июля 1943 года я был назначен на должность командира роты 4-го латышского батальона СС, в составе которого нес охрану концлагеря, находящегося в местечке Саласпилс... Охрану лагеря рота несла до октября 1943 года, после чего была в числе других войск СС направлена на охрану границы Латвии с Советским Союзом, существовавшей до 1939 года, от проникновения подразделений советских партизан на территорию Латвии... Солдаты роты СС, которой я командовал, несли охрану вокруг концлагеря с целью исключения возможных побегов заключенных. Одновременно с этим конвоировали заключенных на работы по разработке торфяных болот и другие, на допросы в СД г. Риги, охрану карцера... В октябре 1944 года... я был откомандирован в распоряжение штаба 19-й латвийской дивизии СС. Прибыв в штаб, я встретился с другими шестью офицерами, отозванными из других частей, и последние мне рассказали, что в 19-ю латвийскую дивизию СС, где они служили, приезжал руководитель фашистской партии Латвии “Лидумнекс” Альфонс Райтумс, собрал их и предложил им в тылу Красной Армии заняться “партизанской” деятельностью против органов советской власти, на что они изъявили согласие... Наша группа офицеров была принята штурмбанфюрером СС Пехау... Пехау нам заявил, что в его распоряжении имеется вооружённый и обученный отряд из числа латышей в количестве 600 человек, предназначенный для переброски на территорию Латвии, освобожденную частями Красной Ар-

мии, для подрывной и террористической деятельности и в этом отряде мы должны занять командные должности...».

«Военно-исторический журнал». 1997. №2.

Приложение 5

Из спецсообщения об аресте отделом «Смерш» Кушкиса Альфреда-Августа:

«...О деятельности Кушкиса в карательной экспедиции (в Освейском районе) даёт показания очевидец зверств участников этого легиона (Латышского) Кроман Елизавета Петровна: "...17 февраля меня, также как и многих других, арестовали за связь с партизанами и привели меня к Кушкис Альфреду, тот меня допросил. После допроса всех жителей нашей деревни – стариков, девушек, детей и женщин (всего около 100 человек), согнали к двум рядом стоящим сараям, и по десять человек начали отсчитывать, загонять в сарай и расстреливать. Когда от сотни осталось человек десять, в числе которых была и я, нас поставили метрах в 20 от сарая. Сарай подожгли, оттуда раздавались крики запертых там, еще не добитых людей. Все сгорели вместе с сараями..."»

Центральный архив ФСБ.

Приложение 6

Из спецсообщения об аресте активных членов военно-фашистской организации «Айзсарги»:

«Лейманис А.Ю... в августе месяце 1943 года был зачислен в 282-А карательный полицейский батальон, в составе которого в течение пяти месяцев участвовал в карательной экспедиции в Литве и Польше по угону молодежи в Германию...». «С февраля 1944 года Берзиньш А.Я. служил в 316-м батальоне 2-го Лиепайского полицейского полка, в составе которого участвовал в карательных экспедициях против партизан в Польше и Латвии...».

Центральный архив ФСБ.

Приложение 7

Из спецсообщения от 23 января 1945 года об аресте гражданина Латвийской ССР Спудиньша Людвиг Карловича по ст. 58-1 «а» УК РСФСР. Выдержка из показаний задержанного:

«В августе 1943 года 278-й полицейский батальон передислоцировался в Польшу... где так же при содействии авиации прочесывали леса и деревни на предмет обнаружения в них лиц, ведущих борьбу против немцев... В декабре 1943 года 278-й полицейский батальон приехал в Россию в район озера Освее. В этом районе действовало несколько таких батальонов. Здесь нашему батальону были приданы специальные отряды СД и даже авиация. В России наш батальон часто переезжал вдоль латвийской границы. Самолеты в этих районах бомбили деревни, а отряды СД совместно с полицейскими батальонами действовали по лесным массивам, где вылавливали местных жителей, скрывавшихся от бомбежки. Лица, обнаруженные и пойманные в лесах, передавались отрядам СД, а впоследствии их расстреливали. Личный состав батальона питался за счёт награбленных продуктов у местных жителей...».

Центральный архив ФСБ.

Приложение 8

Из спецсообщения начальника Управления контрразведки «СМЕРШ» 2-го Прибалтийского фронта от 18 августа 1944 года «Об издевательствах немцев и их пособников из латышских частей “СС” над советскими военнопленными».

«В ночь на 6 августа с.г. 65 Гвардейский стрелковый полк 22 Гвардейской стрелковой дивизии в районе деревни Бобрыни (Латвийская ССР) производил наступательную операцию. Немцы и латыши из дивизии “СС” обошли боевые порядки гвардейцев, напали на них с тыла и отрезали небольшую группу советских солдат и офицеров от своих подразделений. При этом во время боя из группы было ранено 43 бойца и командира, которые, ввиду создавшейся тяжёлой обстановки, не могли быть эвакуированы и были захвачены немцами.

Захватив пленных, немецкие мерзавцы устроили над ними кровавую расправу.

Рядовому Караулову Н.К., младшему сержанту Корсакову Я.П. и гвардии лейтенанту Богданову Е.Р. немцы и предатели из латышских частей СС выкололи глаза и нанесли во многих местах ножевые ранения.

Гвардии лейтенантам Кагановичу и Космину они вырезали на лбу звезды, выкрутили ноги и выбили сапогами зубы.

Санинструктору Сухановой А.А. и другим трем санитаркам вырезали груди, выкрутили ноги, руки и нанесли множество ножевых ранений.

Зверски замучены рядовые Егоров Ф.Е., Сатыбатынов, Антоненко А.Н., Плотников П. и старшина Афанасьев.

Никто из раненых, захваченных немцами и фашистами из латышей, не избежал пыток и мучительных издевательств.

По имеющимся данным, зверская расправа над ранеными советскими бойцами и офицерами была произведена солдатами и офицерами одного из батальонов 43 стрелкового полка 19 Латышской дивизии СС».

Центральный архив ФСБ.

Приложение 9

Из рапорта офицера особых поручений Штаба Русской Освободительной Армии поручика В. Балтинша, 26 мая 1944 года, полковнику Позднякову, представителю Русской Освободительной Армии в г. Риге.

В середине декабря 1943 г. по делам службы мне пришлось (с несколькими сотрудниками) быть в районе Белоруссии (быв. Витебской губернии), в деревнях Князево (Красное), Барсуки, Розалино и др. Эти деревни занимали немецкие части и терпимо относились к населению, но когда им на смену пришли латвийские части СС, сразу начался беспричинный страшный террор. Жители были вынуждены по ночам разбегаться по лесам, чтобы не быть убитыми. Вокруг этих деревень лежало много трупов женщин и стариков. От жителей я узнал, что этими бесчинствами занимались латвийские СС.

23 апреля 1944 г. мне пришлось быть в деревне Морочково. Вся она была сожжена. В погребах хат жили эсэсовцы-латыши. В день моего прибытия туда их должна была сменить немецкая часть, но мне всё-таки удалось поговорить по-латышски с несколькими из них, правда фамилий их не знаю. Я спросил у одного из них, почему вокруг деревни лежат трупы убитых женщин, стариков и детей, сотни непогребённых трупов, а также убитые лошади. Ответ был таков: «Мы их убили, чтобы уничтожить как можно больше русских».

Когда эта латышская часть уходила, она взяла с собой в качестве наложниц нескольких русских женщин и девушек. Им вменялось в обязанность, кроме того, стирать бельё солдатам, топить бани, чистить помещения и т.п.

На следующий день мы перешли маленькую речку и нашли вблизи неё несколько уцелевших хат и жителей. При виде нас по-

следние испугались, но нам удалось быстро успокоить их. Мы показали им семь свежих крестов на могилах, в которых мы захоронили трупы, и рассказали о том, что видели. Крестьяне горько рыдали и рассказывали о том, что им пришлось пережить за время пребывания здесь латвийских СС.

В начале мая в районе деревни Кобыльники в одной из ложбин мы видели около 3 тыс. тел расстрелянных крестьян, преимущественно женщин и детей. Уцелевшие жители рассказывали, что расстрелами занимались «люди, понимавшие по-русски, носившие черепа на фуражках и красно-бело-красные повязки на левом рукаве», то есть это были латвийские СС.

«Источник». 1998. №2. С. 74–75.

Приложение 10

Из приговора Нюрнбергского трибунала:

«Обдуманый и систематический характер преследования евреев лучше всего иллюстрируется докладом бригадного генерала СС Штропа, на которого была возложена ответственность за уничтожение гетто в Варшаве, фактически проведенное в жизнь в 1943 году. Этот отчет был представлен Трибуналу в качестве доказательства...и на его первой странице была сделана надпись “Еврейское гетто в Варшаве больше не существует”. Штроп говорит в своем отчете, что в результате его мероприятий в Варшаве уничтожено 56 065 человек».

Нюрнбергский процесс. Сб. мат-лов в 8 томах. Т.8. М., 1997. С. 633–634.

Латвия, пожалуй, единственная страна, которая на официальном уровне стремится доказать, что сотрудничество ее граждан с нацистской Германией может быть оправдано условиями того времени. Действительно, многие рассматривали легион как ядро будущей национальной армии, и напрямую связывали участие в войне против СССР с борьбой за восстановление независимости Латвии. Однако логикой войны они с неизбежностью были втянуты в противостояние силам антигитле-

ровской коалиции, и здесь никому не было дела до их первоначальной мотивации.

Такая же судьба была и у «Русского корпуса», в рядах которого на стороне Германии сражались тысячи русских эмигрантов, бывших участников Белого движения, – они уповали на то, что при помощи немцев будет воссоздана независимая демократическая Россия. То же самое можно сказать и о многих участниках Русской освободительной армии генерала А.А. Власова. Однако их иллюзии были разбиты в жестокой и кровавой борьбе, в которой они осознанно участвовали и затем были осуждены за свои преступления. Возможно, сегодня может показаться, что преступления были вынужденными, даже освященными благородной идеей? Для биографии частного человека такая мысль вполне приемлема, но мировая политика ее не учитывает.

Раскол Второй мировой войны прошел по всему миру, и, когда страны антигитлеровской коалиции собирали этот расколотый мир воедино, они руководствовались соображениями общей безопасности и собственными интересами. Как когда-то говорил Бисмарк, «Национальные вопросы и решаются железом и кровью».

Нам не хотелось бы отворачиваться от драматических нюансов истории. Приведем фрагмент сообщения начальника Полиции безопасности и Службы безопасности Латвии оберштурмбанфюрера СС Р. Ланге от 1 августа 1943 года: «...Замечено, что военнослужащие латышской бригады, которые находятся на фронте, вследствие общих фронтовых событий, выступают за сотрудничество с немцами, однако в латышских вооружённых подразделениях, которые проходят обучение на родине, всё чаще отмечаются явно националистические настроения и не-

приятие всего немецкого. Офицерский корпус очевидно находится в рядах нарастающего *шовинистического* влияния. Это выражается в недисциплинированности и враждебном отношении к немцам в войсковых частях...»

Добавим к этому документу, что в целой картине он ничего не меняет. Более того, из истории сопротивления нацизму в Прибалтике невозможно удалить факт трезвого мужества и самопожертвования групп литовских офицеров, которые, подобно генералу Бангеркису и его коллегам, были тоже были поставлены перед выбором. И в Литве легион СС не был создан. Почему? Ответ прост: чтобы обойти международные законы, запрещающие формирование военных частей из населения оккупированных стран, Гитлеру требовалось «добровольное» желание представителей титульной нации создать национальные военизированные подразделения. Литовское высшее офицерство наотрез отказалось воевать иначе, чем под литовскими знаменами и под лозунгом свободы для Литвы. Однако подобное не входило в замыслы Гитлера. Литовцев пытались заставить силой, расстреляли несколько десятков офицеров, но это ничего не изменило. В конце концов, эсэсовцы поняли, что литовцев не сломить, и отказались от идеи создания легиона. Так, литовские офицеры, жертвуя собой, сохранили будущее нации – литовскую молодежь.

Можем ли мы сказать такое о латышских генералах и полковниках? Они позволили латышских юношей нарядить в форму СС и послали на смерть – 150 тысяч прошло через легион (50 тысяч погибло, столько же покалечено), и все они до сих пор вынуждены оправдываться за символы СС на петлицах. Сказать, что высшее латышское офицерство повело себя не-

дальновидно, – мало. Оно предало свой народ, который было件язано защищать, не щадя своих жизней.

Вторую группу коллаборационистов, которые и породили славу легиона как скопища отъявленных нацистов и палачей, составляли те, кто добровольно сотрудничал с гитлеровскими репрессивными структурами – вступившие в полицейские батальоны и члены «команды Арайса». Они запятнали себя карательными операциями и зверствами на оккупированных нацистами территориях, охраной лагерей и гетто, особенно участием в уничтожении евреев.

И не будем путать палачей с жертвами. Хотя некоторые из них явно предпочитают спрятаться за спинами насильно и противозаконно отправленных на фронт латышских парней.

Нас могут спросить: «Что же делать тем старикам, бывшим легионерам, которые уже испили свою горькую чашу до дна и сегодня хотят только одного – чтобы их поняли и признали их “свою правду”?»

Ответ может быть только один: оставить стариков в покое, но не делать из них символов мести, пересмотра истории, а тем паче объектов политических игр. Пересмотр истории всегда приводил к манипуляциям общественным сознанием (уводу от реальных проблем) и к жертвам среди молодого поколения.

ИСТОРИЯ ЛАТВИИ КАК ЧЕРНОВИК БУДУЩЕГО

Существует много «историй Латвии», написанных с разных точек зрения. Для немцев – это одна история, для латышей – другая, для русских – третья, для поляков – четвертая, для социал-демократов – пятая, для нацистов – шестая. И каждая по-своему правдива, так как отражает определенную реальность.

Но какую можно назвать объективной? Такой, наверное, еще нет, она только пишется, в том числе и на сессиях нашего Балтийского форума, где сопрягаются различные позиции и различные интересы.

В данной главе мы хотим предложить читателям взглянуть на латвийскую историю из Риги и Москвы, чтобы понять, какие обстоятельства прошлого до сих пор определяют настоящее и что политики хотят скрыть и вычеркнуть из сознания общества, а что преподнести с позиций сегодняшних интересов соответствующих групп.

Когда-то один из первых советских историков М.Н. Покровский всю предшествовавшую марксистской историографию определил как «политику, опрокинутую в прошлое». В дальнейшем обиходе эту характеристику стали распространять на всю историю в принципе, и с этим подходом сложно спорить. Мы лишь добавим: не только «опрокинутая в прошлое», но и «формирующая будущее».

Недавно (в апреле 2010 года) советник президента Латвии Валдиса Затлерса по вопросам истории, профессор Антонийс Зунда сообщил, имея в виду Яниса Урбановича, что Валдис За-

тлерс после парламентских выборов вряд ли выдвинет в премьеры «человека, который отрицает историю Латвии». Профессор не уточняет, как можно «отрицать» историческую реальность. Видимо, он имел в виду отрицание весьма определенной трактовки.

Что ж, далеко не во всех странах Европы есть «советники президентов по вопросам истории», позволяющие к тому же предвосхищать ход политического процесса. Но если такие советники существуют, то значит – это отражение насущной политической борьбы и даже признание, что официальная история далеко не бесспорна, если нуждается в подпорках.

Итак, перед нами две работы: Дайна Блейере, Илгварс Бутулис, Антонийс Зунда, Айварс Странга, Инесис Фелдманис. «История Латвии. XX век» (Рига, 2005) и Людмила Воробьева. «История Латвии от Российской империи к СССР» в 2-х кн. (М., 2009, 2010). Сравним их. Для удобства будем называть первую «История-1», вторую – «История-2»

В предисловии к Истории-1, написанном тогдашним президентом Латвии Вайрой Вике-Фрейбергой, сказано: «Это попытка подняться над интересами одной нации, одной группы общества и объективно понять происходившее».

В авторском предисловии к Истории-2 говорится: «Линия Латвии и других прибалтийских стран на российском направлении обставляется активным политическим мифотворчеством. Сам по себе процесс создания мифов типичен для формирующихся наций и молодых государств, а также стран, переживающих кризисные и переломные периоды своего политического и общественного развития... В результате действительность отражается не во всем многообразии, а путем эмоционального и идеализированного раскрывания отдельных фактов, событий

личностей. При этом замалчиваются или очерняются другие явления, которые выступают как конкурирующие».

Итак, перед нами принципиальный спор. Будем сравнивать доводы сторон и делать выводы.

РУСИФИКАЦИЯ БАЛТИИ В XIX ВЕКЕ

***История-1.** «Развернутая русификация Балтии началась ревизией сенатора Манасеина в Курземе и Видземе. Целью реформы было ограничение и ликвидация привилегий балтийских немцев. Латышские общественные деятели, надеявшиеся, что будут соблюдены национальные интересы латышей, глубоко разочаровались: реформы были откровенно русификаторскими, игнорировали национальные движения и национальную культуру. В учебных заведениях Курземе и Видземе в качестве языка обучения был введен русский язык, были заменены чиновники, критериями стали лояльность и знание русского языка» (С. 29).*

***История-2** «В 1882–1883 гг. сенатор Н. Манасеин провел ревизию в Лифляндии и Курляндии. Откомандированные сенатором чиновники собрали в волостях множество данных в доказательство бесправного положения латышей и эстонцев. Позиция сенатора побудила в крестьянском населении надежды на коренное изменение неблагоприятных условий их жизни. В Риге латыши и эстонцы подали тысячи петиций, схожих по содержанию. В них предлагалось создать на базе трех прибалтийских губерний две административные единицы с языковой границей, заменить рыцарские ландтаги на земства, распространить на прибалтийские губернии судебную реформу 1864 г., а также в вести эстонский и латышский язык в качестве языка обучения в начальных школах и как предмет обучения в Дерптском университете... Прежний порядок управления был упразднен, и руководство школьным делом было поручено*

правительственным чиновникам. Они получили право смещения и назначения учителей, в результате применения которого влияние евангелическо-лютеранского духовенства и немецкого рыцарства на школу было устранено... Борясь за свои интересы, прибалтийско-немецкая верхушка выступала от лица всего местного населения, для обозначения которого даже было изобретено название “балтийцы”... Дело в том, что от введения обучения на русском языке пострадали главным образом немцы, поскольку в системе среднего и высшего образования доминировали немецкоязычные училища, гимназии, вузы.... Главным образом с немецкого голоса меры по ограждению общегосударственных интересов в Прибалтийском крае стали квалифицироваться в пропагандистской, да и в исторической литературе как “насильственная русификация”... По свидетельству современников, “масса крестьянского населения, изнемогая, в фактическом, отчасти в юридическом, бесправиши под гнетом немецкого дворянства, вполне искренно шла навстречу реформе, призывая в края русский суд, русскую администрацию, русскую школу с непременно с русским языком обучения”» (С.49–54).

Наш комментарий

Сравнивая вышеприведенные трактовки одного и того же процесса, видим, что История-1 отличается от фактической картины. Благодаря политике Петербурга по утверждению в прибалтийских губерниях единого государственного управления, во многом выиграли представители латышской интеллигенции. Вспомним биографию К. Волдемара и его просветительскую деятельность. Как подчеркивалось в одной из работ того времени, «крайне трудные условия борьбы, а также необходимость искать поддержки в русских общественных кругах, придали первому национальному латышскому движению

характер русофильства. Это обеспечило латышам сочувствие и известную поддержку в славянофильских кругах. Это вынужденное славянофильство первых латышских националистов позволило им кое-что сделать для родной культуры. Они положили начало независимой от немецкого влияния латышской прессе, латышской литературе и общественной жизни. (К. Ландер. Латышская интеллигенция и ее социальные стремления // Эсты и латыши, их история и быт. Сб. статей под ред. М.А. Рейснера. М., 1916. С. 191. Цит. по: История-2. С. 58).

Кстати, о самом понятии «русификация» исследователь из Германии Г. фон Пистолькорс, которого не назовешь ангажированным, говорит, что оно не подходит для определения национальной политики российского правительства; оно некритически заимствовано из прибалтийско-немецкой публицистики и не отражает сути явления, не может употребляться как научно-аналитическое понятие. (Н.С. Андреева. «Остзейский вопрос» в реформаторских планах правительства (1900 – февраль 1917 года) // «Исторические записки». 2009. № 12 (130). С. 204).

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ

История-1. «В торговле доминирующие позиции в начале XIX века занимали евреи и балтийские немцы, которым принадлежали крупные торговые фирмы, предприятия высших категорий. Латыши, участие которых в торговле возрастало с каждым годом, владели в основном предприятиями более низкой категории... Местная финансовая сфера находилась под

контролем балтийских немцев. Особенно это касалось банков: из 11 частных банков в 9 работал немецкий капитал и у руководства стояли балтийские немцы. Исключением был латышский Елгавский коммерческий банк и контролируемый русскими Даугавпилсский банк... Большинство латышей было занято в промышленном производстве и торговле. Половину домашней прислуги составляли латыши, домовладельцами в основном были тоже латыши. Однако среди зажиточной буржуазии позиции латышей были довольно слабыми.

Позиции зажиточных русских в Риге были достаточно скромными. Правда, некоторые русские стали домовладельцами, однако их удельный вес среди домовладельцев был ниже, чем немцев и латышей. Русским принадлежали торговые предприятия, небольшие и средние промышленные предприятия. Единственным крупным предприятием, принадлежавшим русским, был фарфоровый завод Сергея Кузнецова. Экономические позиции русских в Риге были слабыми и ни в чем не могли сравниться с позициями немцев и евреев... Хотя количество говорящих по-русски возросло, обрусение рижанам нерусской национальности не угрожало, поскольку говорившие на русском языке не представляли однородной группы – ни по своему мировоззрению, ни образованию или социальному положению. Они плохо владели другими языками, не знали чужой культуры, образовательный уровень их был достаточно низок... Немцы по-прежнему сохраняли сильные позиции в экономической, социальной и духовной жизни города, в городском самоуправлении... В начале столетия в Риге сформировалась уникальная многонациональная среда. Здесь царил удивительное разнообразие языков, культур, традиций. Тем не менее, рижане в целом терпимо относились друг к другу, если не принимать во внимание традиционные “трения” между латышами и немцами. Латыши – наиболее крупная национальная группа населения Риги – демонстрировали высокую степень толерантности по отношению к представителям других национальностей». (С. 43–48).

История-2. «Наименьшую выгоду от индустриализации и реформ получили русские... Культурное развитие русских, за исключением сравнительно небольшого числа лиц интеллигентского слоя, находилось на низком уровне. По данным переписи 1897 года, 60% русских в Курляндской губернии было совсем неграмотным, в то время как окружавшее их местное население было почти поголовно грамотным. Причиной такого положения был дефицит начальных русских школ в городах и практически полное их отсутствие в сельской местности.

То, что русские в Прибалтийском крае не обладали сколько-нибудь значительным имущественным положением и были представлены ничтожным процентом образованных людей, имело самые негативные последствия для «русского дела» в Прибалтике. По свидетельству православных священников, лучшие силы обычно направлялись во внутренние губернии России. Русское же население края не представляло адекватно силу и мощь России, утвердившейся со времен Петра Великого на берегах Балтики, и, конечно, не могло конкурировать с прибалтийскими немцами. Это облегчало для рыцарства и лютеранских пасторов задачу отстаивания своих привилегий и своего влияния в Прибалтийском крае. Все окружающее здесь говорило о немецком богатстве и влиянии: благоустроенные имения, фабрики, оборудованные закупленной в Германии передовой техникой, лучшие магазины, образцовые школы – все было немецкое. В этих условиях идеологам немецкого «культуртрегерства» не составило большого труда привить местному населению, по сути дела, своим холопам, пренебрежительное отношение ко всему русскому как к чему-то темному, отсталому, не стоящему внимания, и в то же время утвердить среди местного населения культ всего немецкого как образцового, достойного подражания и усвоения. Ненависть к рыцарям как угнетателям, конечно, не исчезла, но она причудливым образом уживалась с преклонением перед всем немецким» (С. 62–63).

Наш комментарий

Вряд ли можно утверждать, что имперское правительство в экономическом плане проводило специальную «русификацию». Наоборот, со времени аграрной реформы премьер-министра П.А. Столыпина во всей России, равно как и в Прибалтийском крае, отделения Крестьянского поземельного банка стали предоставлять крестьянам, независимо от их национальности, крупные долгосрочные кредиты на очень льготных условиях для приобретения земли. (Практически все проценты по кредиту оплачивались из казны).

РЕВОЛЮЦИЯ 1905 ГОДА

История-1. «Идеи социализма стремительно распространились в Латвии... Это была революция масс, в которой примерно 30 000 активных революционеров были поддержаны рабочими, крестьянами, безземельными, большинством интеллигенции. Революцию не поддержала меньшая часть латышского общества, умеренная буржуазия.

У латышской буржуазии не было сильных политических организаций, которые сумели бы взять на себя руководство революцией. С 13 января революцию возглавили латышские социал-демократы. В рядах ЛСДРП в 1905 году насчитывалось 6000, а осенью – уже 18 000 человек...

Невиданно широкий размах приобрели революционные события на селе (в Видземе и Курземе). Уже осенью 1905 года они носили характер гражданской войны между балто-немецким дворянством и латышским крестьянством...

Революция 1905 года стала настоящей трагедией в отношениях между балтийскими немцами и латышами. Безусловно, на стороне крестьян была историческая правда, однако это не оправдывает жестокость и уничтожение культурных ценностей... (С. 57–66)».

История-2. «С конца 1890-х гг. значительно ускоряется рост разного рода сельскохозяйственных, профессиональных, певческих и других обществ, которые становятся не только институтами национального самосознания, но и очагами недовольства порядками в крае. Это недовольство сразу обретает социал-демократическую идеологическую окраску, поскольку, по свидетельству современников, сложившиеся в Прибалтийском крае отношения собственности, национальной и сословной розни явились факторами превращения местного населения в “прирожденных социал-демократов”...»

Профессор А.С. Будилович, выступивший 30 декабря 1905 г. с анализом революционных событий в Прибалтике, отметил, что уцелевшие еще от древности феодальные замки остзейских рыцарей были разрушены городскими рабочими и мызными батраками с таким остервенением, которое напоминает отдаленные века их борьбы с меченосными рыцарями Ливонского и Тевтонского орденов. В этой обстановке помещики были вынуждены спасаться бегством в городах или же скрываться в лесах.

«Во время революции латышский пролетариат и латышская социал-демократия занимали одно из первых, наиболее важных мест в борьбе против самодержавия и всех сил старого строя...». В.И. Ленин. (С. 65–79).

Наш комментарий

Слабость государственного строя стала очевидной. Углубился раскол между немцами и латышами, которые требовали радикальной аграрной реформы за счет немецкого землевладения. Правительство же, как и во всех подобных ситуациях на окраинах империи, предпочитало опираться на местную правящую элиту.

ОБ ОТНОШЕНИИ ВОЕННОГО КОМАНДОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ К ЛАТЫШСКИМ СТРЕЛКАМ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

***История-1.** «...Победы, одерживаемые стрелками, задевали честь русского генералитета, вывалили чувство зависти, порой и ненависти, поэтому стрелков, зачастую без подкрепления, отправляли на самые опасные участки фронта, стараясь за их счет выделиться» (С. 80).*

***История-2.** «...Подчеркиваются (современной латышской историографией) подвиги латышских стрелков, тогда как подвиги их русских окопных товарищей попросту замалчиваются...*

Например, в современных исследованиях и учебниках истории Латвии не упоминается о том, что вместе с 1-м Усть-Двинским и 7-м Бауским латышскими стрелковыми полками своей атакой у озера Бабите прославились в “рождественских боях” (23 декабря 1916 г. – 2 января 1917 г.) 11-й пехотный Псковский и 56-й пехотный Житомирский полки» (С. 89).

Наш комментарий

В российской армии как такового «русского» генералитета не было. В состав же российского генералитета и офицерского корпуса входили представители различных национальностей, в том числе этнические поляки, грузины, армяне, дагестанцы, литовцы, латыши, эстонцы, украинцы, немцы. Соответственно, не могло быть и речи ни о какой «ненависти» российского командования к собственным военным частям. Широкое награждение орденами отличившихся латышских стрелков демонстрирует уважительное отношение к ним командования.

БОРЬБА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ ЛАТВИИ

История-1. «Народный совет Латвии был образован 17 ноября 1918 года....Председателем совета был избран Янис Чаксте... По предложению Крестьянского союза первым премьер-министром Латвии был избран К. Улманис, которому было доверено составить временное правительство. Трудно себе представить на его месте другого политика. Никто другой не обладал его удивительной энергией и упорством...В то время К. Улманис был буквально одержим идеей независимого государства, что для истории оказалось решающим...

На рубеже 1918–1919 годов Временное правительство оказалось в безнадежной ситуации... 3 января в Ригу вошли большевики... Власть захватило правительство П. Стучки, которое формально представляло Латвийскую Советскую Социалистическую Республику...

Временному правительству, обосновавшемуся в Лиенае, в борьбе с большевиками серьезную, но и чреватую последствиями помощь оказывала Германия, которую беспокоила активность Красной армии вблизи границ Восточной Пруссии...

После прибытия фон дер Гольца (германский главнокомандующий в Курземе и Северной Литве) в Лиенаю резко ухудшились и постепенно сошли на нет отношения между правительством Улманиса и Германией...(16 апреля немцы свергли проанглийски настроенное правительство Улманиса и создали пронемецкое правительство пастора и писателя А. Ниедры).

К. Улманису остались верны латышские военные формирования, правительство А. Ниедры защищали войска балтийских немцев и регулярные немецкие части, а правительство П. Стучки – Красная армия.

Решающее вооруженное столкновение под Цесисом 19–23 июня (Цесисские бои) закончились разгромом ладсвера и Железной дивизии. Правительство А. Ниедры вынуждено было сойти с политической арены. 27 июня Временное правительство Улманиса возобновило свою деятельность в Лиенае и через полторы недели вернулось в Ригу...

18 ноября 1918 года Народный совет принял Политическую платформу – первые наброски Конституции Латвии... Все жители Латвии, независимо от национальности, готовые признать демократическую и независимую Латвию, были приглашены участвовать в формировании демократической Латвии на равных правах и с равной долей ответственности....

Народный совет 23 августа принял другой важный закон, дух и буква которого были чрезвычайно либеральный закон о латвийском подданстве (гражданстве). Гражданами Латвии могли стать: все бывшие подданные России, в 1919 году проживающие на территории Латвии; все, кто проживал здесь на 1 августа 1914 года (не имеет смысла сравнивать – как это пытаются все еще делать – законы о гражданстве 1919 года и 1994 года. Сами ситуации несравнимы: в результате оккупации Латвии в 1940–1991 гг. в Латвию нелегально въезжали сотни тысяч мигрантов, что, в соответствии с сформулированным ООН в 1948 году принципом геноцида, можно было приравнять к геноциду – насильственной смене состава населения оккупированной страны) (С. 123–139).

История-2. «Независимость» Латвии была провозглашена в здании Рижского Второго городского театра. Черновой набросок декларации НС был составлен А. Виннигом (германский генеральный уполномоченный по балтийским землям), который впоследствии в своих мемуарах назвал церемонию провозглашения Латвийской демократической республики «опереточной игрой», ибо правительство К. Улманиса существовало исключительно «под защитой германских штыков и на германские деньги». И это была правда. Немецкие власти были единственным источником финансирования временного правительства Улманиса и выделило ему в период с 22 ноября 1918 г. по 4 января 1919 г. 3 млн 750 тыс. оккупационных марок...

Дело в том, что правительство Улманиса, хотя и существовало благодаря германским войскам и сотрудничало с ними в борьбе против советской власти в Латвии, ориентировалось, однако, преимущественно на страны Антанты. Оно

понимало, что в конечном итоге судьба «независимой» Латвии будет зависеть от держав-победительниц в Первой мировой войне, а не от потерпевшей поражение Германии, которая сама была вынуждена подчиняться распоряжениям из Лондона, Вашингтона и Парижа. Явные симпатии Улманиса к англичанам не вписывались в далеко идущие планы Германии... Заняв город (Ригу), немецкие стратеги намеревались овладеть Прибалтикой, а потом вместе с войсками Н.Н. Юденича – Петроградом... Далее они хотели заключить с новым правительством России военный союз и при его поддержке добиться отмены кабальных условий перемирия, навязанных Германии странами Антанты... В своих действиях генерал фон дер Гольц опирался также на значительную поддержку США в лице представителя американской военной миссии в Латвии подполковника Грина, который, представляя интересы своей страны, не хотел допустить чрезмерного усиления позиций Великобритании в Латвии...

В конечном итоге английские представители настояли на своих подходах в вопросе о политике стран Антанты в Прибалтике...

30 января 1920 г. был подписан договор о перемирии между Россией и Латвией... (11 августа 1920 г. был подписан мирный договор)...

Несмотря на признание Латвии Советской Россией, правительства США и Франции продолжали заявлять, что они продолжают выступать за восстановление «единой и неделимой» буржуазной России и в том числе против отделения от нее Прибалтики...

Лишь 22 июля 1922 г. США признали Эстонию, Латвию и Литву «де-юре». Одновременно с этим американское правительство опубликовало официальное заявление, в котором разъяснялось, что признание прибалтийских стран не означает нарушения принципа территориальной целостности России. Окончательное урегулирование вопроса о границах России, в том числе о судьбе Прибалтики, предусматривалось Соединенными Штатами после восстановления в России буржуазных порядков» (С. 137–177).

Наш комментарий

Вряд ли стоит считать, что западные державы в вопросе признания независимости Латвии руководствовались исключительно идеями гуманизма и демократии. Как видим, все было наоборот. Это понимал и Улманис. Не случайно, будучи зависимым от немецкого командования, он пошел навстречу его требованиям предоставить гражданство Латвии 50 тысячам немецких солдат с наделением их земельными участками, что фактически являлось актом нового закрепления немцев в Прибалтике.

Кроме того, геополитические интересы великих держав диктовали им очень взвешенное отношение к перспективам латвийской независимости. Они не скрывали, что готовы разыграть эту карту так, как им будет выгодно. Накануне Второй мировой войны они это продемонстрировали.

Для истории оказались «решающими» вовсе не личные качества отдельных латвийских политиков, а борьба за передел мира, которая велась после окончания Первой мировой. В дальнейшем страны Балтии еще не раз будут свидетелями этой борьбы.

ЭКОНОМИКА ЛАТВИИ ПОСЛЕ ОБРЕТЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ

История-1. Здесь эта тема практически отсутствует, лишь коротко указывается, что «экономика страны возродилась стремительными темпами», «Огромная по масштабу и социальным последствиям аграрная реформа была осуществлена столь быстро и действенно, что на ней почти не сказались противоречия между партиями» (С. 152).

История-2. «Ориентация на Запад изменила характер промышленного производства в стране. До Первой мировой войны Латвия была в капиталистическом отношении одним из самых развитых краев России... Через латвийские порты – Ригу, Лиенаю, Вентспилс – проходило более четверти всего экспорта России... После войны латвийские власти оторвали экономику страны от естественной базы – российского рынка сбыта и сырья и переориентировали ее на систему западноевропейского хозяйства. В результате был закреплен процесс аграризации страны... Латвия стала рынком сбыта для промышленных товаров западных стран и поставщиком туда сельскохозяйственной продукции и сырья (лен, древесина).

Более половины населения составляли малоимущие и неимущие слои города и деревни... В общем ситуация давала много поводов для недовольства, а происходившая на этом фоне частая смена правительств явно свидетельствовала о слабости социальной базы латышской буржуазии и внутренней неустойчивости общества

Что касается сельского хозяйства и торговли сельскохозяйственными продуктами, то здесь господствовал национальный капитал, организованный в кооперативы и акционерные общества. Однако условия торговли диктовали западные партнеры. Например, поступавшее в Англию сливочное масло продавалось на лондонском рынке по самым низким ценам...

К 1929 г. германский акционерный капитал занял в Латвии первое место среди других иностранных инвестиций. Обогнав Великобританию, Германия закрепилась на первом месте по объему торгового оборота с Латвией. Например, она стала потребителем более трех четвертей латвийского экспорта сливочного масла. Это предопределило исключительную заинтересованность лидеров Крестьянского союза, включая К. Улманиса, в германском рынке. С созданием прочных экономических позиций в Латвии Берлин обрел достаточно возможностей и для влияния на внешнюю политику этой страны...

Заметное оживление в латвийскую экономику вносила транзитная торговля СССР с Западом через балтийские пор-

ты... С 1927 по 1929 гг. экспорт латвийских товаров в СССР увеличился более чем в 10 раз. В результате Советский Союз занял в экспорте Латвии третье место (вслед за Великобританией и Германией)...

Начавшись во второй половине 1930 г. кризис в экономике быстро развивался, расшатывая промышленность, торговлю, финансы, аграрный сектор...

Правительство пришло на помощь в основном только крупным экспортерам сельскохозяйственной продукции и сырья, которым были вынуждены сбывать свой товар на внешних рынках по демпинговым ценам. Финансовые потери экспортеров государство компенсировало дотациями из госбюджета, что привело к росту его дефицита. В целях увеличения доходной части госбюджета правительство ввело новые косвенные и прямые налоги, которые легли на плечи главным образом трудящихся города и села, мелких и средних предпринимателей. Такая политика сопровождалась демагогией о “взаимопонимании всех классов”, об “экономии” и “справедливом распределении бремени кризиса”. Одновременно была развернута кампания проповеди национализма» (С. 190–191, 201–202, 215).

Наш комментарий

После аграрной реформы, которая разрушила крупное помещичье землевладение, и передачи земли населению (в первую очередь офицерам и солдатам), появилось множество крестьянских хозяйств среднего уровня (от 1 до 10 га – 35 процентов, от 10 до 20 га – 32 процента). В связи с резким сокращением промышленности на ведущее место в политическом отношении выдвинулся Крестьянский союз. При этом в стране был высок уровень бедности: 34 тыс. хозяйств были безлошадными, а 17 тыс. не имели ни лошадей, ни коров. В перспективе это сулило рост протестных настроений. Из года в год росло число политических заключенных. Мировой экономический кризис качнул политический барометр влево.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ

История-1. «В 1925 году с критикой в адрес демократии выступил сам Карлис Улманис... В этом году он баллотировался на должность президента с лозунгом “Латвия – для латышей”... Выборы он проиграл Чаксте, но идеологический прецедент имел место”.

(Избранный после смерти Я. Чаксте президентом Г. Земгалс придерживался принципа “Латвия – государство народов Латвии”).

Самые опасные тенденции нарастали в крупнейшей партии Латвии – Латышском Крестьянском союзе, среди членов которого экономические трудности породили требование “крестьянского правительства”, отстаивающего интересы только крестьянства: если демократия не может удовлетворить их интересы и убеждения, пусть ее не будет вообще. Большинство членов партии, особенно айзсарги, все радикальнее выступали за окончательную ликвидацию демократии. Организация айзсаргов, в марте 1919 года и в то время выполнявшая чрезвычайно важные функции по охране внутренней безопасности, утратила свое государственное значение. В Латвии было спокойно, и полиция сама прекрасно справлялась со своими задачами, так что никаких оснований для существования организации, насчитывающей около 60 000 человек, не было, поскольку она не ставила своей целью внешнюю защиту государства. Айзсарги, не вписавшиеся в либеральную демократию, все активнее требовали от Улманиса организации “марша на Ригу”, подобно походу Муссолини на Рим в 1922 году, однако осторожный Улманис все выжидал...

Демократия в Латвии была уничтожена не в силу экономических конфликтов или безвыходной ситуации, причина ее падения – предательство самого крупного политика 18 ноября и готовность многих политиков следовать за ним или неготовность других – из трусости, незнания или глупости – предотвратить этот шаг.

Выборы в Сейм в 1931 году доказали, что звезда Улманиса клонится к закату... Выборы 1934 года обещали быть еще более трудными...

Поздним вечером 15 мая (1934), в 23.00, началось решающее действие – айзсарги и армейские части заняли центральные государственные учреждения, начались аресты...

Важное место в авторитарной идеологии занимала идея единения народа. Особенно назойливо культивировалось представление о сплоченности латышского народа в достижении общих идей, без различия между буржуазией и рабочими, городом и деревней, старым и молодым поколением» (С. 155–16, 172).

История-2. *«В начале 1931 г. состоялись выборы в IV сейм. Они прошли в обстановке углубления экономического кризиса и роста недовольства масс политикой коалиционного правительства правых партий.... Важным результатом выборов был успех левых сил... В IV сейме была создана “рабоче-крестьянская фракция” в составе семи депутатов. Представители левых рабочих в 1931 г. прошли во многие городские думы....*

Несмотря на депутатскую неприкосновенность, члены “рабоче-крестьянской” фракции неоднократно подвергались преследованиям и арестам, обыскам и избиениям. В 1933 г. центристское правительство добилось принятия закона об охране республики. Опираясь на него, сейм лишил членов этой фракции депутатского иммунитета...

Ликвидация “рабоче-крестьянской” фракции явилась прологом правого государственного переворота и конца буржуазного парламентаризма.... На роль “вождя” Крестьянский союз прочил своего лидера К. Улманиса, который летом 1933 г. ездил в Германию, где “изучал” режим Гитлера и был принят нацистским фюрером.

Пропагандистская машина нового режима выставила Улманиса спасителем народа от последствий кризиса, установленную им диктатуру квалифицировала как народную власть, стоящую над классами.

Военное положение давало формальное право подавлять все выступления против нового правительства. А такие выступления все-таки были. 16 мая была расстреляна демонстрация коммунистов, а 17 мая была подавлена силой оружия стачка рабочих-деревообрабочников. Были арестованы также солдаты и офицеры в некоторых взбунтовавшихся армейских частях. Всего в ходе путча военные, полиция и айзсарги арестовали около 10 тыс. человек» (С. 216–223).

Наш комментарий

Переворот был не таким мягким, как представляется. («Авторитарному режиму К. Улманиса были присущи кажущиеся противоречия, выразившиеся в несоответствии между явно антидемократической формой управления страной и сравнительно ограниченным применением полицейской власти. Диктатура, установившаяся в Латвии, была щадящей, для режима не были характерны массовые репрессии, она не была антигуманной... После 15 мая 1934 года латыши впервые почувствовали себя настоящими хозяевами страны» (История-1. С. 168–169).)

Как надо относиться к этим словам? Значит, латыши стали людьми первого сорта, а остальные граждане – «вторым сортом»?

Например, уже месяц спустя после путча в Рижской городской управе не осталось ни одного представителя национальных меньшинств. Новая государственная политика в области языков дискриминировала представителей нелатышских национальностей. Была издана специальная инструкция, согласно которой использование русского, польского и иных «чужих языков» на собраниях, публичных лекциях и выступлениях разрешалось только с разрешения министерства внутренних дел. В сфере трудоустройства царил лозунг «Работу латышам».

И все же в официальной истории Латвии отмечается «преувеличенный латышский национализм», культивируемый после переворота. Действия Улманиса прямо названы «предательством». Это – честный взгляд.

На этом прервем анализ этих двух исторических трудов. Вполне возможно, найдутся критики нашего сравнительного подхода, нас начнут обвинять в предвзятости, в неправильной оценке ключевых моментов создания и развития латышской государственности. Но, перефразируя Льва Толстого, подчеркнем: «Наш герой – это правда». Мы считаем, что честный взгляд на прошлое, без самообмана, полезен и целителен для всех национальных элит.

Могут ли быть здесь исключения?

Конечно, могут.

Ответ на этот вопрос всегда дают сами политики. Если они надеются, повторяя ошибки государственных деятелей минувших времен, все же добиться успеха, то рано или поздно их ждет провал. Равно как и тех, кто рискнул за ними идти.

Давно сказано, что прошлое – черновик будущего. Что вы прочитываете в прошлом, то вы тиражируете и в будущем.

Как оценить режим Улманиса с учетом трех разрушительных волн, прокатившихся по Латвии – гражданской войны, немецкой оккупации и советской аннексии? Первоначально это было своеобразное повторение мирового процесса огосударствления экономической и общественной жизни в 30-е годы. В разной форме этот процес происходил в Германии, Италии, СССР, США, Польше, Испании, Литве, Эстонии. Улманис

выбрал путь с опорой на включение этнонациональной энергии титульной нации и ограничение прав национальных меньшинств. Видимо, он предполагал, что эти ограничения будут временными и в любом случае помогут Латвии укрепить государственность.

Был ли у страны иной путь? Собственно, с учетом тогдашних международных реалий, все возможные варианты так или иначе были испробованы, и ни один из них не стал панацеей. Ориентация на Великобританию, на Германию, на Советский Союз не спасли от потрясений.

Размышляя на этой драматической историей, невольно наталкиваемся на мысль о роковых закономерностях в судьбе республики.

Прочитав оба исторических исследования, отражающие взгляды латвийских и российских историков, мы не будем выступать в роли арбитров. Единственное, на что нам хотелось бы обратить внимание как латвийской, так и российской общественности, это на бесперспективность еще одной попытки повторить прошлое.

Игорь Юргенс. Думаю, повторение этнонационального акцента в постсоветской Латвии было отчасти вынужденным по причине значительных изменений в национальном составе республики, а отчасти эмоционально обусловленным.

Янис Урбанович. А дальше? Если наша правящая элита собирается еще сто лет держать латышей в состоянии перманентной экзальтации, то это, прямо скажу, лишает нас потенциала развития. Я могу, как говорили древние римляне, «без гнева и пристрастия» смотреть на прошлое, но при этом обязан

говорить нашим избирателям, страдающим от такой экзальтированной политики, что пора избавиться от плена старых фантомов. Если улманисовская Латвия находилась «между молотом и наковальней», то сегодняшняя Латвия обязана в конце концов быть просто рациональной.

И.Ю. А как ты относишься к заявлению «советника по истории»?

Я.У. А как я должен к нему относиться? Вместо признания своих серьезнейших ошибок, они снова морочат людям голову. Пора признать, что политический проект латвийских правых, привел страну в тупик. Когда аналитики крупнейших американских банков заявляют, что «вкладывать в Балтийский регион бесперспективно», то это означает, что на нас надвигается «девятый вал».

И.Ю. Когда-то Бисмарк написал о войне Пруссии с Австро-Венгерской империей: «...во всех случаях важно было следующее: будет ли настроение, в каком мы оставим наших противников, непримиримым и окажутся ли раны, которые мы нанесем их самолюбию, неисцелимыми» (О. Бисмарк. Мысли и воспоминания. В 3 тт. М., 1940. Т.2. С. 37).

Речь шла ни более ни менее как о захвате немцами столицы военного противника – Австрии, чему Бисмарк категорически воспротивился. Сегодня половина населения России считает Латвию враждебным государством. О чем это говорит?

Я.У. Да, окажутся ли раны «неисцелимыми»... Мы обязаны это преодолеть. Еще не поздно.

ПЕРВАЯ ЛАТВИЙСКАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ

Для того чтобы понять, где находится современная Латвия, надо взять несколько основных реперных точек.

Начнем с времен Российской империи.

Одновременно с отменой крепостного права в России, в Риге были отменены ограничения на строительство и организацию предприятий, связанные с тем, что Рига входила в перечень крепостей империи и существовали ограничения на гражданское строительство в ней. Эти ограничения были отменены в 1866 г., что, вместе с наличием значительных капиталов, созданных торговлей, дало прекрасные условия для промышленного развития в Риге. Город стал превращаться в промышленный центр. В нем с самого начала концентрировалось 89% всего промышленного производства Лифляндской и Курляндской губерний.

Промышленное развитие началось уже в 60-х годах XIX века. Его стимулировала также таможенная политика России, ориентированная на умеренный протекционизм и поддержку внутреннего промышленного производства. Промышленные предприятия в Риге строились для замещения товаров, проходивших через рижский порт в Россию.

В результате, уже в 1879 г. Рига стала по числу рабочих на фабриках и заводах третьей в Российской империи, после Петербурга и Москвы, а по стоимости произведенной продукции (19 млн руб.) её, кроме столиц, ещё обгонял только центр текстильной промышленности – Иваново-Вознесенск.

В этот период были построены железные дороги Рига-Орёл, Рига-Лиепая-Ромны, Вентспилс-Москва-Рыбинск, Рига-Псков (соединялась с линией Петербург-Варшава). Это создало удобные связи с внутренними районами России, прекрасные условия для развития Рижского порта, что вывело Рижский порт по товарообороту на первое место в империи, обеспечив капиталом начавшуюся индустриализацию Риги.

Развитие экономики выразилось в таких данных. С 1897 до 1913 года число занятых в сфере промышленности и ремесленничества только в Риге возросло с 120,8 тыс. человек до 226,3 тыс., или на 87,3%. Среднегодовые темпы прироста промышленности составляли: по числу рабочих – 5,2%, по объему производства – 7,3% в год, а в 1908–1913 гг. прирост составил уже 8% по числу работающих и 12,1% по объему производства, а доля средних и крупных предприятий в общем объеме достигла 57%. (Здесь и далее см.: Эрнест Буйвид. Латвийская промышленность: история и перспективы. – <http://riga-lv.com/history/prom.htm>)

В Риге концентрировалось около 90% всего местного производства, т.е. эти темпы роста репрезентативны и для всей Латвии. Как мы видим, к 1913 г. работа в промышленности становится занятием более половины населения. Темпы развития промышленности были действительно революционные – прирост от 8 до 12% в год. Сейчас такие темпы трудно себе представить. Это было серьезное промышленное строительство – доля средних и крупных предприятий в общем объеме достигла 57%. Например, завод резиновых изделий «Проводник» (на его месте теперь РЭЗ) по объему производства резиновых изделий занимал второе место в России и четвертое в мире, а по шинам – второе место в мире.

В промышленности иностранный капитал распределялся следующим образом: российский – 52,5%; немецкий – 14,6%;

французский – 23,3%; скандинавский – 1,8%; других стран – 2,6%.

Были построены крупные предприятия: упомянутый выше «Проводник» (12 000 рабочих), Русско-Балтийский вагоностроительный завод (3 800), судовой верфь «Ланге», второй вагоностроительный завод «Феникс» (2 500), машиностроительный завод «Фельцер и Ко», электротехническая фабрика «Юнион» (будущий ВЭФ), первый в России завод суперфосфата в Милгрависе (закрытый в 60-х годах), цементный завод. В 1913 г. в Риге было уже 323 промышленных предприятия с числом рабочих в среднем 238 на каждом, а на 16 предприятиях – более 1 000 чел. Сейчас таких заводов в Риге уже не осталось. Основной объем продукции промышленности – 63% отправлялся в Россию. Хорошие связи с российскими регионами, наличие морского порта вывели Ригу на первое место по темпам развития в Российской империи.

Быстро развивались машиностроение и металлообработка. Промышленность Латвии производила для всероссийского рынка станки, железнодорожные вагоны, электрооборудование, металлические изделия, велосипеды, резиновые изделия, бумагу, стекло, минеральные удобрения и т.д. Из России поставлялись лес, металл, хлопок и другое сырье.

Все основные промышленные предприятия были высокодоходными (выплачиваемые дивиденды составляли 10–22,5% годовых), это обеспечивало высокие темпы их развития.

Одновременно с развитием промышленности, происходило строительство и благоустройство Риги. Был построен Понтонный мост, просуществовавший до 1981 г., строились 3–6-этажные дома. Практически весь сегодняшний центр построен в дореволюционные годы. Строительство велось очень бурно – только

в 1913 г. было утверждено 1082 строительных проекта и построено домов с 6700 квартирами.

Одновременно очень быстро росло население Риги: в 1867 г в Риге было 102,5 тыс. жителей, в 1897 г. – 255,9 тыс., а в 1913 г. – 482,1 тыс., и Рига стала более латышской: в 1867 г. латышей здесь жило 23,6%, а в 1913 г. уже 39,6%. Все это время у власти в городе находились немцы: в Рижской думе даже в 1913 г. национальный состав депутатов был следующий: немцы – 41; латыши – 23; русские – 14; другие – 2.

Первая мировая война завершила исторический период первой латвийской промышленной революции. С наступлением немецких войск в 1915 году, ряд важных производств был эвакуирован вглубь России: резиновый гигант «Проводник», судостроительный «Ланге и сын», Балтийский судостроительный и судоремонтный, оба вагоностроительных завода – Русско-Балтийский и «Феникс», электротехнический «Унион», металлообрабатывающие и машиностроительные заводы «Этна», «Фельзер и Ко», «Мотор», чугунолитейный завод «Сириус» и др. Всего было эвакуировано 427 промышленных объектов из Риги и 75 из Даугавпилса. Были эвакуированы и рабочие с семьями.

После 1920 года экономика Латвии разительно изменилась. Страна стала независимой, но потеряла связи с российскими рынками. Это решило судьбу промышленности – необходимость в крупных предприятиях просто отпала. Но возник послевоенный дефицит многих гражданских товаров. На рынке отсутствовала конкуренция, что способствовало развитию мелкого местного производства для удовлетворения местных потребностей. В результате характер латвийской промышленности коренным образом изменился.

Динамика латвийской промышленности (1913–1939 г.)

Год	Число предпр.	Колич. рабочих, тыс.	Объем продукц., млн лат	Рабочих на одном предприятии	Продукции на одном предприятии, тыс. лат
1913	754	108,0	830,0	143,2	1100,8
1925	2839	54,5	276,2	19,2	97,3
1929	2948	71,7	446,9	24,3	151,6
1934	4288	84,7	373,1	19,7	87,0
1939	6067	117,5	728,2	19,4	120,0

Как видно, в период независимости средний размер предприятия как по числу рабочих, так и по объему продукции уменьшился примерно в 10 раз. Это уже были совсем другие предприятия, фактически – мелкие мастерские. По правилам латвийской статистики для того, чтобы предприятие относилось к промышленным, оно должно было обладать не менее чем одним двигателем или пятью рабочими.

По общему объему продукции промышленности Латвия не смогла достичь показателей довоенного 1913 года. В 1939 г. объем производства составил 87,7% от показателей 1913 года, а в машиностроении и металлообработке – 40%.

Глубину провала промышленности в период первой республики можно понять на примере вагоностроительного завода. До первой мировой войны этот завод (один из двух вагоностроительных заводов Риги), вагоностроительный завод «Феникс», изготавливал в среднем 5000 вагонов в год, за 10 лет первой республики изготовил 1425 вагонов по заказам СССР, а в 1933 г. полностью прекратил их производство, т.к. СССР стал сам себя обеспечивать и заказы прекратил. Правда, сегодня даже эти 140 вагонов в год – недостижимая мечта для РВЗ, существующего на базе одного из цехов старого завода.

Был один крупнейший по тем временам завод – ВЭФ (2690 рабочих), который делал всё, что требовалось в Латвии –

радиоприемники, телефоны, электросчетчики, электролампочки, фотобумагу, фотоаппараты, даже выпустил 2 небольших самолета. Завод был государственный, а благодаря низкому курсу лата, иностранной конкуренции он не испытывал. Но рынок Латвии был крайне узкий.

К концу периода первой республики Латвия оставалась ярко выраженной сельскохозяйственной страной, где в сельском хозяйстве было занято 65,9% населения, в промышленности (и ремесленничестве) – всего 13,5%. При этом 11,1% населения было неграмотным, а в Латгалии число неграмотных достигало 31,1%.

Картина аграрного бизнеса была следующей. Около 70 тыс. крестьянских хозяйств были безлошадными, 45 тыс. не имели коров. Долги крестьянских хозяйств с 1930 г. составляли 230 млн латов. За неуплату долгов было продано с молотка с 1925 по 1930 год 4764 крестьянских хозяйства, а с 1935 по 1939 год – уже 26 тыс. крестьянских хозяйств. В 1940 г. уже советской властью были списаны различные долги крестьянских хозяйств на сумму более 350 млн латов.

Основной статьей экспорта был экспорт масла, его объем составил в 1937 г. 19 тыс. тонн, или 10 кг на одного жителя (в Дании тот же показатель тогда – 41 кг на 1 жителя), но в денежном выражении это составило всего 8,4 млн долларов, по 4,4 доллара на 1 жителя (курс в то время колебался от 5,1 до 5,5 лата за доллар США).

В промышленности было занято 94 тыс. человек (41,5% от уровня 1913 г.). Объем промышленного производства в Латвии в 1938 г. составил 56,1% от достигнутого в 1913 г. В 1934 г. общий объем производства составил 373 млн латов, или 192 лата на одного жителя, что составляло всего 10,5% от уровня Дании. За весь период независимости Латвии не удалось достигнуть в

промышленном развитии уровня 1913 года. Например, корпуса упомянутого выше крупнейшего завода «Проводник» так и простояли пустыми все 20 лет.

Отгороженная от российского рынка республика была малопривлекательной для иностранных инвесторов, а собственных средств на развитие страны сельское хозяйство заработать не могло. Представление о темпах развития и возможностях его обеспечивать может дать число занятых в строительстве – в 1929 году там работали 815 человек

По сравнению с довоенной структурой, вдвое уменьшились доли машиностроения и металлообработки и химической промышленности. Изменилось и региональное распределение предприятий. Поскольку исчезло большинство крупных предприятий, расположенных в Риге, то распределение промышленности (и ремесленничества) по регионам стало более равномерным.

Как Латвия в это время выглядела в сравнении со своими соседями? В таблице ниже приведены сравнительные данные по балтийским соседям Латвии и скандинавским – Швеции и Норвегии.

Латвия и её соседи (1934 г.)

		Норвегия	Швеция	Латвия	Литва	Эстония
Занятия населения (%)	Сельское хозяйство	35,3	38,7	65,9	79,4	58,0
	Промышленность	26,5	29,6	13,5	6,4	17,2
Промышленное производство на душу населения, лат		426	659	192	43	80

Как видно, Латвия была впереди своих балтийских сестер, но примерно в три раза отставала от скандинавских стран, уже тогда принадлежавших к числу промышленно-развитых.

Этот период окончился в 1940 г., когда республика оказалась в составе Советского Союза.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРВОЙ РЕСПУБЛИКИ. ОДИН ШАНС ИЗ СТА НА СПАСЕНИЕ

Переворот 1934 года совпал с окончанием мирового экономического кризиса. В 1934–1938 годах промышленное производство превысило докризисный уровень 1929 года, в сельском хозяйстве в связи с увеличением спроса на продукты питания были расширены посевные площади, выросли урожайность агрокультур и продуктивность животноводства. Вырос экспорт сельскохозяйственной продукции. По экспорту сливочного масла Латвия заняла шестое место в мире. К 1939 году доходность сельскохозяйственного производства по сравнению с 1930 годом выросла более чем в три раза, с 11 лат в среднем на гектар до 34,7 лата.

Однако картина была бы неполной без упоминания о том, что основным источником доходов госбюджета были косвенные налоги на товары народного потребления, Росли различные государственные займы, на 1 января 1939 года государственный внутренний долг, обусловленный правительственными займами, составил 55 млн латов.

Внешний долг на 1 января 1939 года составлял 130 млн латов, основная его часть приходилась на военный долг Англии, Франции и США, относившийся еще к 1919 году.

Огосударствление экономики распространялась на торговлю сельскохозяйственной продукцией, выросло число акционерных обществ с государственным капиталом, сократилось число частных банков.

Опора режима на зажиточных крестьян-латышей была, на первый взгляд, политически действенной, однако начавшаяся в сентябре 1939 года Вторая мировая война внесла резкие изменения в политическое и экономическое положение Прибалтики. Во-первых, в связи с прекращением свободного судоходства в Балтийском море Латвия оказалась отрезанной от источников сырья и рынков сбыта. Во-вторых, торговые отношения с Англией были прерваны. В-третьих, в связи с дефицитом энергоресурсов и сырья стало свертываться промышленное производство и расти безработица.

Если мировой кризис начала 30-х годов послужил толчком к государственному перевороту Улманиса, то новый кризис привел к политической нестабильности, которая с каждым днем усиливалась, так как фактически не было возможности восполнить перерыв в торговле с Англией расширением торговли с восточным соседом и компенсировать экономические потери.

Давление безработицы вынудило власти пойти на непопулярные меры: рабочих принудительно направляли на торфоразработки и лесозаготовки, на хутора зажиточных крестьян. При этом их заработная плата была низкой. В мае 1940 года был издан закон об обязательной трудовой повинности, согласно которому безработные, а также учащиеся и служащие подлежали направлению в деревню, что было расценено как покушение на личные свободы.

Фактически только Германия оставалась реальным потребителем латвийского продовольственного экспорта. При этом Берлин использовал экономические отношения в своих целях: с приходом Гитлера к власти приобретались товары только у тех стран, которые были лояльны по отношению к нацистскому режиму. В 1935 году Германия еще крепче привязала к себе Лат-

126

вию: был подписан новый торговый договор, основанный на привязке латвийской торговли к обязательной покупке немецких товаров. Часто Германия навязывала Латвии ненужные товары (например, в чрезмерных объемах детские игрушки) нарушала свои обязательства и отказывалась продавать или поставлять товары, в обмен на которые Латвия уже поставила масло или бекон. «К 1939 году Германия была должна Латвии товаров на 20 миллионов латов! (Латвия фактически кредитовала Германию, что ничего не давало Латвии)» (История Латвии. XX век. С. 199). Как подчеркивают авторы цитируемого труда, «Германия стала абсолютным торговым партнером Латвии – первым номером как в экспорте, так и в импорте – со всеми вытекающими отсюда политическими последствиями».

При этом финансовое положение большинства крестьянских хозяйств было тяжелым; в 1930 году их долг различным банкам, фирмам и бюджету составлял 277,3 млн лат. В 1939 году разорились 5106 крестьянских хозяйств, не выдержавших конкуренции со стороны крупных землевладельцев. Поэтому как признак растерянности надо воспринимать замысел Улманиса (1939) провести радикальную земельную реформу с перераспределением земли за счет крепких крестьянских хозяйств с таким расчетом, чтобы остались только небольшие хозяйства, в которых не применялся бы наемный труд. С точки зрения экономической науки это был бы шаг назад, деградация агросектора.

Полпред СССР в Латвии И.С. Зотов, анализируя обстановку, писал в Москву о «невозможности выхода из экономического бедствия, кроме обращения за помощью в Советский Союз».

В декабре 1940 года Гитлер принял решение о нападении на Советский Союз «План Барбаросса», причем, удар северной армейской группировки в направлении Ленинграда и

Минска должен был состояться из Восточной Пруссии через Прибалтику.

В докладе Сталину наркома обороны СССР К.С. Тимошенко «Об основах развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и на Востоке в 1940 и 1941 гг.» указывалось, что главный удар Германии предполагался именно из Восточной Пруссии через Литву на Ригу, Ковно, Двинск, Полоцк или на Ковно, Вильно, и далее на Минск. Одновременно предполагался удар из Польши в тыл советской Львовской группировке и овладение Западной Украиной.

Отсюда был всего один шаг до принятия руководством СССР решений о контроле над стратегически важным регионом. Могли ли быть в этом вопросе у Риги какие-либо иллюзии?

В сентябре 1939, после того, как немцы разгромили Польшу и части Красной армии заняли Западную Украину и Западную Белоруссию, перед правительствами Франции и Великобритании, которые согласно гарантиям польскому правительству объявили войну Германии, встала проблема: объявлять ли войну и СССР как агрессору? Лондон и Париж решили не объявлять. Их позицию так объяснил английский посол в СССР Криппс: «Советский Союз вступил в Польшу сразу после того, как выяснилось, что альтернативой его вступлению может быть только полная оккупация немцами этой страны» (Конфиденциальный доклад английского посла в СССР Криппса от 27 сентября 1941 г. на имя Идена. Цит. по: Е. Зубкова. Указ. соч. С. 61).

Латвия оказывалась в критическом положении. Ее руководство прекрасно это осознавало. Поэтому понятно, чем было вызвано выступление министра общественных дел А. Берзиньша на закрытом собрании актива айзсаргов в марте 1939 года, когда он сказал, что малые страны не имеют перспектив на будущее по

128

сохранению своей независимости и должны присоединиться к какой-нибудь державе; этой державой должна быть Германия, так как Латвии ближе западноевропейская культура.

Соответственно, когда британское и французское правительства уклонились от дачи гарантий защиты от германской агрессии правительству Латвии, как того добивался СССР, Москва бесцеремонно пошла на экстраординарные меры, руководствуясь соображениями собственной безопасности.

В итоге давления Москвы, вплоть до угрозы применить военную силу, правительство Латвии (как и Литвы, и Эстонии) согласилось на размещение на собственной территории советских военных баз.

Имеет ли значение, что Сталин первоначально не планировал изменения государственного строя в прибалтийских республиках? Если и имеет, то лишь как свидетельство неустойчивости всей международной обстановки, главным и разрушающим регулятором которой выступала нацистская Германия.

Во время переговоров в Москве Сталин заявил латвийскому министру иностранных дел В. Мунтерсу: «Я вам скажу прямо: раздел сфер влияния состоялся. Если не мы, то немцы могут вас оккупировать... Но мы не желаем злоупотреблять... Нам нужны Лиепая, Вентспилс» (Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 – август 1940. М., 1990. С. 77).

При этом после заключения пактов о взаимопомощи со странами Прибалтики и организации на их территории военных баз советское руководство дало категорическое указание своим дипломатическим представителям под страхом суровейшего наказания не вмешиваться во внутренние дела «суверенных государств».

Вслед за заключением пакта в октябре 1939 года в Москве было подписано советско-латвийское торговое соглашение, в результате которого более трети внешнеторгового оборота Латвии пришлось на Советский Союз, Латвия получила право транзитной торговли через порты Белого и Черного морей, ей стали поставляться сырье, горюче-смазочные материалы.

Однако ситуация быстро менялась. В мае 1940 года Гитлер заявил в узком кругу: «Все балтийские государства должны быть включены в состав рейха». После захвата вермахтом Норвегии и Дании германский контроль над северными морскими коммуникациями стал подавляющим, а после разгрома Франции о балансе сил в Европе уже можно было не говорить. Ухудшающаяся обстановка не оставляла никаких иллюзий. Новая тактика ведения боевых действий, применяемая немцами, с высадкой десантов и танковыми прорывами ставила под угрозу окружения расположенные в Прибалтике контингенты советских войск. В этих условиях, как определил в своем аналитическом докладе посол Англии в СССР Криппс, кремлевское руководство было вынуждено «продвинуть, где только возможно, советские границы, чтобы отделить от них жизненно важные центры русской промышленности и получить большее пространство для маневра в случае немецких атак».

16 июня 1940 года советское правительство направило латвийскому правительству ноту, в которой указывалось на нарушение латвийской стороной условий пакта о взаимопомощи и дружбе, было высказано требование о создании нового кабинета, способного обеспечить выполнение условий пакта и в виду усиления опасности со стороны Германии предлагалось увеличить численность советских гарнизонов на латвийской территории. В тот же день кабинет министров Латвии принял решение

удовлетворить советские требования и вышел в отставку. Показательно, что Улманис не инициировал дипломатических протестов и не призвал к вооруженному сопротивлению.

Рано утром 17 июня новые части Красной армии пересекли латвийскую границу. Вечером Улманис выступил по радио с обращением, сообщив об отставке правительства и о том что сохраняет за собой пост президента. О вводе советских войск он сказал, что это «происходит с ведома и согласия правительства», что, в свою очередь, «вытекает из существующих дружественных отношений между Латвией и Советским Союзом». Кроме того, уполномоченный латвийской армии согласовывал ночь 17 июня порядок введения советских частей.

Таким образом, с юридической точки зрения произошедшее нельзя было трактовать как оккупацию. А как было в действительности?

Согласно донесениям советского посла в Лондоне И.М. Майского, британское правительство с пониманием отнеслось к действиям Москвы. Это объяснялось сложным военным положением, в котором оказалась Англия после разгрома немцами Франции. Геополитические интересы диктовали англичанам требование быть реалистами. В дальнейшем этих же принципов придерживался и президент США Франклин Рузвельт.

Но что происходило в эти критически важные дни в самой Латвии? Значительная часть ее населения приветствовала происходящее демонстрациями в Риге, что привело к крупным столкновениям с полицией и айзсаргами. Были убитые и раненые. 17 июня в Риге, а 19 июня и во всей республике было введено осадное положение. Полиция производила аресты политически активных граждан.

Представители буржуазных политических партий, пользуясь ситуацией, пытались вернуть страну к демократическим порядкам, отстранить от власти Улманиса. Однако Москва, предприняв накануне решительные действия, не намеревалась отступить в тень.

Улманис продолжил политическое маневрирование и 20 июня утвердил новое правительство Латвии, нацеленное на тесное сотрудничество с СССР. Его возглавил активный участник революционных действий 1905 года профессор А. Кирхенштейн, известный писатель В. Лацис стал министром внутренних дел.

21 июня в Риге прошла 70-тысячная демонстрация в поддержку нового правительства. Была объявлена амнистия политзаключенным.

На первом заседании правительства президент Улманис, в частности, сказал: «Убедительно призываю благожелательно содействовать размещению находящихся в нашей стране воинских частей Советского Союза и урегулированию условий их жизни».

Однако 22 июня весь мир был потрясен известием о капитуляции Франции. Военная катастрофа Парижа не оставляла Кремлю надежд на более или менее благополучный для него исход европейской войны.

26 июня, соблюдая требования дипломатического протокола, А. Кирхенштейну представились послы Великобритании, США, Бельгии, Германии и других государств. Таким образом, произошла международная презентация нового правительства. Разумеется, в случае непризнания легитимности происшедших в Латвии перемен, западные послы едва ли бы пошли на этот шаг. Они, безусловно, понимали смысл перемен, но исходили из требований чрезвычайности момента.

Янис Урбанович. А здесь поговорим о вариантах исторического процесса. Ведь ввод войск в Латвию стал фактически первым шагом к ее советизации и утрате независимости. Соображения вынужденности и чрезвычайности не отменяют этого факта. Думаю, это понимал и Улманис. Итог: никаких других вариантов развития тогдашних драматических событий не просматривалось.

К тому же в недавних исторических воспоминаниях еще был жив факт что во время Первой мировой войны латышские националисты «безоговорочно встали на сторону России, полагая, что в случае победы в войне Германии Прибалтика будет полностью онемечена» (Е. Зубкова. Указ. соч. С.17).

Игорь Юргенс. А как бы развивались события, если бы Советский Союз повел себя по-другому? Что было бы, если советские войска в 1939–1940 года не выдвинулись на запад в Прибалтике, Бессарабии, Западной Украине и Западной Белоруссии? Представим, что советские границы на 200–300 километров восточнее, удар немцев в июне 1941 года совершается в темпе блицкрига и не вязнет на целую неделю в Прибалтике, Западной Белоруссии и Западной Украине. Румыны тоже не тормозятся в Бессарабии.

Отсутствие у обороняющейся стороны этой недели позволяет немцам быстрее захватить Киев и Смоленск, опередить советское командование, которое не успевает подтянуть резервы, и, соответственно, освободить с Восточного фронта несколько десятков дивизий для высадки в Англии и прорыва через Египет к нефтяным месторождениям Ближнего Востока и Баку.

Что было бы, если нефть оказалась в руках Германии, трудно представить, так как, судя по высказываниям фюрера, именно Ирак, Иран и Баку были энергетической целью его стратегии.

Более того, не исключено, что Москву и Ленинград пришлось бы сдать, а британское правительство эвакуировалось бы в Канаду. На сколько лет затянулась бы в таком случае война, одному Богу известно. К тому же вполне вероятно, что немцы успели бы сделать атомную бомбу.

Я.У. Допустим, твои доводы имеют под собой реальную почву. Но почему же правящая элита не оказала хотя бы морального сопротивления? Не думаю, что дело в одном банальном приспособленчестве. Скорее всего, выбор между гитлеровской Германией и сталинским СССР был настолько трудным, почти иррациональным, что мы можем только догадываться, что творилось в душе тогдашних политиков.

И.Ю. Однако большинство латышей простили Улманису его соглашательство и коллаборационизм. Значит, косвенно признали, что у него выбора, увы, не было.

Я.У. Вспоминаю несколько поразительных по чрезвычайности (и аморальности) фактов истории XX века. Например, Мюнхенский договор между Великобританией, Францией, нацистской Германией и Италией в 1938 году, согласно которого Чехословакия была расчленена. Затем атака британского военного флота на французский флот (после капитуляции Франции в 1940 году), чтобы французские корабли не достались немцам. Эта жестокость по отношению к недавним союзникам, тем не менее, была продиктована военной необходимостью, по поводу чего У. Черчилль прямо сказал: «Стало ясно, что английский военный кабинет ничего не страшится и ни перед чем не остановится» (У. Черчилль. Вторая мировая война. М., 1991. Т. 2. С. 205).

В этом же русле надо рассматривать и решение президента США Рузвельта спровоцировать японское руководство на напа-

дение на военно-морскую американскую базу Перл-Харбор на острове Оаху в Тихом океане с целью переломить изоляционистские настроения американского общества и получить разрешение конгресса на вступление в войну, которая в итоге сделала США первой страной мира.

А захват Польшей после Мюнхенского договора Тешинской Силезии в Чехословакии?

А выдача СССР в 1945 году бывших белогвардейцев из Русского корпуса, воевавших на стороне вермахта? Ведь они не попадали под Ялтинские договоренности, так как никогда не были советскими гражданами.

И таких примеров предостаточно. Что я хочу этим сказать? Думаю, Улманису надо было сопротивляться, пусть не военными средствами, но сопротивляться. Возможно, тогда Латвия в конце концов не стала бы советской республикой, а получила бы статус, как Польша или Чехословакия, то есть не утратила бы независимости. Ты согласен?

И.Ю. В политике не бывает одноходовых решений. Иногда последствия того или иного шага могут сказаться через пятьдесят лет. Позволю себе напомнить об одном решении, которое в момент принятия казалось бесспорным, а через пятнадцать лет привело к власти Гитлера. Я имею в виду нарушение Лондоном, Парижем и Вашингтоном условий соглашения о перемирии с Германией, принятого в ноябре 1918 года. В нем был пункт, что союзники при заключении мирного договора не будут использовать угрозу применения оружия и продовольственной блокады. А при заключении Версальского договора союзники про этот пункт «забыли» и под угрозой голодной блокады навязали правительству Германии крайне тяжелые условия мира. Немцы испытали страшное национальное унижение. Остальное понятно.

Думаю и Сталин, проводя в Латвии после войны политику насильственной коллективизации, как в СССР в 30-е годы, а также чистки и высылки, не предполагал, что совершает переворот в настроении почти половины латвийского населения, которое ранее приветствовало советскую власть.

Все-таки Латвия была преимущественно страной западноевропейской культуры, силой изменить идентичность очень трудно. Когда-то, уходя от давления немецких баронов, латыши массово переходили в православие, так и в советский период они заспешили в антисоветизм.

Впрочем, может быть, абсолютно безошибочных решений в политике просто не существует.

БОРЬБА ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ ЗА ЛАТВИЮ

Итак, накануне нападения Германии на СССР Латвия стала советской республикой. Согласно проекту новой конституции, национализация крупных предприятий должна была проводиться в щадящем режиме – постепенно и с предоставлением собственникам права частичного выкупа. Крупные помещичьи хозяйства предлагалось превратить в государственные, а вопрос о коллективизации вообще не ставился. Устанавливалась предельная норма владения землей – 30 гектаров, допускалось существование небольших частных промышленных и торговых предприятий.

Другими словами, это в значительной степени походило на НЭП, то есть сочетание социалистических и капиталистических форм экономики. Москва стремилась избежать радикальной национализации. Однако возможно ли было в реальности совместить прибалтийский НЭП и советскую тотальную огосударствленность? Можно ли было сделать Латвию подобием Гонконга в составе современного коммунистического Китая?

Первые нестыковки сразу проявились в исчезновении из свободной торговли ряда товаров первой необходимости. Тогда были введены карточки на сахар и кусковое хозяйственное мыло, что вовсе не прибавило энтузиазма местному населению. Если еще совсем недавно проходящие по улицам части Красной армии дружески приветствовались, то теперь они провожались мрачным молчанием. Стали происходить антисоветские акции, которыми оказались особенно отмечены 17 и 18 ноября (двадцатая годовщина провозглашения независимости Латвии).

В общем, Гонконга не получалось.

Национализация крупных землевладений, банков, крупных и средних торговых, промышленных и транспортных предприятий, частных издательств, крупных домовладений полностью изменили экономическое лицо Латвии. За один год цены на промышленные изделия массового потребления, особенно одежду и обувь, выросли в несколько раз. В мае 1941 года было введено нормированное распределение продуктов питания.

С весны 1941 года ситуация стала быстро изменяться и в сельской местности, советское руководство приняло решение создать машинно-коннопрокатные пункты, национализировав для этого в каждой волости крупное крестьянское хозяйство со всем инвентарем. Это был первый шаг к коллективизации. Были увеличены сельскохозяйственные налоги, доходившие в крупных хозяйствах до 50 процентов. 14 мая 1941 года было принято постановление ЦК компартии Латвии о создании 18 совхозов за счет 134 крупных хозяйств, оно не было выполнено из-за начавшейся войны.

Тогда же состоялось постановление советского правительства «О высылке из Прибалтийских республик, Западной Украины, Западной Белоруссии и Молдавии социально чуждых элементов». Под «социально чуждыми элементами» подразумевались группы населения, способные в случае войны стать «пятой колонной» и оказать поддержку противнику, как то уже произошло во многих странах Европы, в том числе в Чехословакии и Польше. В ночь с 14 на 15 июня, за неделю до нападения Германии на СССР, были арестованы и депортированы в Сибирь 16 564 жителя Латвии, среди которых были не только латыши, но в частности, и бывшие белогвардейцы.

Итак, несмотря на первоначальные планы «мягкого» вхождения Латвии в СССР, действительность оказалась иной.

Москва в предвидении войны полностью изменила свои планы, на западе СССР стали создаваться три рубежа обороны – фронтовой, стратегический и государственный.

Для понимания всех обстоятельств надо вспомнить, что 10 мая 1941 года заместитель Гитлера по партии Р. Гесс перелетел на самолете в Англию для ведения переговоров о заключении мира.

Также 14 мая в газете «Известия» появилось сообщение ТАСС, целью которого было выяснение намерений немцев и стремление втянуть их в длительные, желательно, до осени, переговоры с тем, чтобы наступавшая в конце сентября распутица не позволила Германии начать военные действия.

Как отмечают латвийские историки, «”Страшный год”, особенно депортация 14 июня, вызвал такую ненависть населения к советскому террору и такой страх перед ним, что мгновенно изменилось складывавшееся веками представление о том, что главный враг латышей – немцы («черные рыцари»), теперь их место заняли коммунисты, Россия. Именно это изменившееся представление стало причиной того, что буквально через неделю захватившую Латвию немецкую армию зачастую встречали как освободительницу от коммунистической тирании, хотя освободительницей она, безусловно, не была». (История Латвии. XX век. С. 245).

В июне и июле 1941 года в Латвии действовало 129 партизанских групп, нападавших на отступающие советские части. Вскоре они стали сотрудничать с немцами в качестве отрядов самообороны, а потом и как полицейские подразделения.

Конечно, далеко не все латыши приветствовали гитлеровцев. Например, в героической обороне Лиепайи в течение недели с 23 по 29 июня в полном окружении вместе с небольшим гарнизоном Красной армии сражался отряд рабочих во главе с Артуром Петерсонсом, Микелисом Букой, Янисом Зарсой.

Захватив Латвию, немцы ввели настоящий режим оккупации, который согласно международным законам определяется как уничтожение государства и непредоставление местному населению прав оккупантов. Вся государственная и частная собственность перешла в руки немцев, в Германию отправлялись сырье, продовольствие, производственное оборудование. Обязательным языком стал немецкий, были закрыты множество школ, гимназий, а Латвийский университет был переименован в «Университет города Риги». Культурные ценности стали вывозиться в Германию. Латыши не получили германского гражданства, его приобрели, как это было и в Австрии после аншлюса, только местные немцы. Кроме того, в связи с дефицитом рабочей силы в рейхе, туда к началу 1944 года было насильно отправлено около 16 800 латышей.

Согласно планам германского министра Восточных территорий А. Розенберга, Латвия подлежала германизации, ее территорию должны были колонизировать немцы, в основном, участники Первой мировой войны и ветераны армии генерала фон дер Гольца. Все три прибалтийские республики должны были войти составной частью в Великую Германскую империю.

Надежды сотрудничавших с немцами латышских политиков на восстановление независимости были быстро развеяны. В прессе было запрещено даже употребление понятия «Латвийская республика».

Таким образом, подтвердился прогноз некоторых дальновидных латышских интеллигентов: методичные немцы гораздо быстрее, чем русские ликвидируют национальную Латвию. Фактически в форме германского оккупационного режима возвращались времена Тевтонского ордена. На полную германизацию региона отводилось 20–30 лет.

Характерно, что крестьяне не имели права самостоятельно распоряжаться произведенной продукцией и могли ее реализовывать только по разрешению немецкой администрации с учетом выполнения обязательных поставок по очень низким закупочным ценам. Попытки уклониться от сдачи немцам продукции карались заключением в концлагеря или отправкой на каторжные работы в Германию с конфискацией имущества.

Гитлеровский офицер сменил «черного барона». «Второсортность» латышского населения стала очевидной.

Игорь Юргенс. В общем, веселая картина, дальше некуда! Добавим к этому, что в начале 1944 года в связи с приближением Красной армии немецкая администрация прибегла к тактике «выжженной земли», стали вывозить в Германию или уничтожать на месте производственное оборудование, сырье, сельскохозяйственную продукцию. Взорвали Кегумскую электростанцию, ряд заводов, мосты, портовые сооружения.

Янис Урбанович. У меня сердце сжимается от боли, когда я пытаюсь поставить себя на место людей, оказавшихся под пятой оккупации. Для подавляющего большинства – безвыходное положение! Да, в Латвии воевали три партизанские бригады под руководством Латвийского штаба партизанского движения, который возглавлял полковник Красной армии Артур Спрогис. Действовал Латвийский Национальный Совет (про-

фессор Константин Чаксте), ориентированный на союзников, но предпочитавший не оказывать поддержки «советским партизанам». В октябре 1944 года восстал Рижский полк айзсаргов, созданный немцами для действий против советских войск и организации диверсий в советском тылу.

Разные люди, разные судьбы... Одни, как генерал Бангерскис, утверждали смертные приговоры латышским парням, не желавшим воевать в легионах СС, а другие сопротивлялись. Тем не менее, самое главное – в ином. Самое главное на войне – не сама война, а спасение беззащитных детей, то есть будущего народа. Все-таки бороться с оружием в руках – проще, чем ежедневно выполнять эту миссию спасения, вся тяжесть которой легла на плечи женщин.

И.Ю. Ты прав. Помнишь фильм Акиро Куросавы «Великолепная семерка»? Поле боя остается за слабыми и беззащитными крестьянами.

Я.У. В итоге они побеждают.

ПОСЛЕВОЕННАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА ФОНЕ МИРОВОЙ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Мало кто задумывается над тем, почему Советский Союз во Второй мировой войне получил огромную политическую поддержку Соединенных Штатов, а Сталин и Рузвельт чаще всего выступали союзниками против Черчилля в Большой тройке. Этот вопрос касается напрямую судьбы Прибалтики, т.к. в 1943 году на Тегеранской конференции и в 1945 году на Ялтинской конференции Рузвельт пошел на «большую сделку», поддержал вхождение Прибалтики в состав СССР, согласившись на выборы там без международного контроля. Это объясняется вовсе не симпатиями американского президента, а геополитическими интересами США, которые еще в 20–30 годах вступили с Британской империей в конкуренцию за мировое доминирование.

В конце 20-х годов между ними шла настоящая финансовая война, которая вполне могла перерасти и в горячую. Американский финансовый и промышленный капитал рвался в английские колонии и доминионы, англичане же сопротивлялись, как могли. Америка, ставшая после Первой мировой войны промышленным и финансовым лидером мира, рано или поздно должна была стать и политическим лидером. В августе 1941 года в бухте Аржентия на острове Ньюфаундленд на встрече Рузвельта и Черчилля была подписана Атлантическая хартия о борьбе с гитлеровской Германией и принципах мироустройства, в одном из пунктов которой говорилось о свободном досту-

пе к источникам сырья и о свободной торговле. Британский премьер понимал, что американцы отныне будут беспрепятственно конкурировать с англичанами по всему миру, но был вынужден подписать хартию, т.к. прежде всего думал о военной безопасности своего государства, воюющего с Германией. Показательно, что Рузвельт в кругу своих советников подшучивал над стремлением Черчилля сохранить империю: сохранение этой империи не входило в планы американцев.

Именно поэтому внутри Большой тройки Рузвельт поддерживал Сталина против Черчилля, который ставил целью оградить британские интересы в Европе от конкуренции Москвы.

Послевоенный мир далеко не сразу пришел к «холодной войне». Во время Ялтинской конференции Рузвельт сказал, что американцы будут держать в Германии оккупационные войска не больше двух лет, что означало будущее доминирование СССР в Европе. Намерение англичан расчленить Германию на несколько государств не было поддержано Сталиным, который искал устойчивый послевоенный баланс сил. Однако в апреле 1945 года президент США скончался, и вместе с его уходом стали быстро исчезать надежды на дальнейшее геополитическое сотрудничество Америки и Советского Союза. На первое место в Вашингтоне и Лондоне стала выходить идея иного переустройства послевоенного мира.

После Победы наступил короткий период осмысления каждым победителем своих новых возможностей. Как предварительный анализ обстановки надо рассматривать утверждение 12 мая 1945 года Черчиллем плана «Немыслимое», в котором рассматривалась перспектива ведения военных действий против СССР в Европе (10 германских и 47 американских и англ-

лийских дивизий). Вывод был отрицательный: в этом случае перевес Красной Армии над английской был бы подавляющим, в четыре раза – в пехоте, в два – в бронетанковых войсках. Кроме того, указывалось, что начнется «тотальная война с Россией» с непредсказуемым результатом.

Американцы тоже проанализировали результаты возможного военного столкновения с СССР, и Комитет по стратегическим вопросам при Объединенном комитете начальников штабов Великобритании и США пришел к выводу, что ни США, ни СССР не смогут нанести друг другу поражения.

Военное давление отпадало. К тому же в скором будущем предстояло участие СССР в войне с Японией. Поэтому надо было договариваться.

17 июля 1945 года конференция глав правительств открылась в пригороде Берлина Потсдаме. Эта дата как будто бы нейтральна, но на самом деле она находится по другую сторону, в новой исторической эпохе. День назад прошло успешное испытание атомной бомбы.

Черчилль знал о готовящемся взрыве, «который (по его словам) дал возможность закончить Вторую мировую войну и, пожалуй, многое другое». Теперь Запад мало зависел от СССР на завершающей фазе войны с Японией. Если до испытания А-бомбы победа без привлечения Красной Армии должна была стоить миллион американских солдат и полмиллиона английских, то теперь новое оружие решало все проблемы. Сталин же лишился главного козыря, благодаря которому имел преимущество в Тегеране и Ялте. Конечно, у американцев было всего две А-бомбы, а японские войска занимали огромный регион, который невозможно было ими поразить, но все понимали, где есть две, то скоро будут и три, и четыре, и пять... Однако у Совет-

ского Союза оставались два сильных козыря – 12-миллионная армия победителей и мощные позиции левых сил в Европе. Предстоял трудный торг.

Интересы СССР были выражены следующим образом: изменение режима судоходства в черноморских проливах и устройство рядом с ними военной базы; возвращение городов Ардаган и Карс; создание военных баз в Норвегии на островах Шпицберген и Медвежий, а также в Дании на острове Борнхольм; получение в управление подмандатной территории Триполитании (нынешняя Ливия); получение трети золотого запаса Германии; получение на 10 млрд долларов репараций и т.д.

У советского руководства были реальные основания надеяться на успешное завершение конференции. Дух Большой тройки не улетучился окончательно, и идеи Рузвельта о советско-американском сотрудничестве еще не были перечеркнуты. Так, СССР подписал документы Бреттон-Вудской финансовой конференции (в том числе уставы Международного валютного фонда и Всемирного банка), детища Рузвельта, желавшего создать новую мировую финансовую систему. Американская инициатива привлечь СССР к созданию послевоенного финансово-экономического порядка имела все шансы завершиться геополитическим примирением с СССР. В этом плане оба лидера могли договориться. Во всяком случае, Рузвельт считал вполне реальным движение Советского Союза по пути «демократического социализма». И Сталин, планируя будущее восточноевропейских стран, видел их правительства не коммунистическими, а коалиционными, многопартийными, что одновременно позволило бы и избежать конфронтации с Западом, и обезопасить западные границы.

Однако после того, как президент США Г. Трумэн объявил Сталину об успешном испытании атомной бомбы, наступило новое историческое время. Теперь СССР надо было в кратчайшие сроки, не считаясь с затратами, овладеть ядерными технологиями.

В Потсдаме Москва получила еще одно свидетельство своего изменившегося положения. Трумэн переиначил идею своего предшественника (создать международную валютную систему как аналог коллективного Совета Безопасности ООН, где у СССР были бы реальные права) на сугубо американское управление международными финансами. Германское золото бесцеремонно увели от советских претензий, объявив, что оно принадлежало оккупированным странам, а не Германии, и должно пойти на укрепление МВФ, ВБ и «международного доллара». Созданные для реализации этого плана МВФ и ВБ также должны были получить все «бесхозное» золото мира: «нацистское» «еврейское», свергнутых монархов Италии и Югославии, а также и «царское золото» (свыше трех тысяч тонн), отправленное Николаем II для закупки оружия в США, Англию и Францию. К осени 1917 года Россия получила из заказанного объема всего на четверть стоимости отгруженного золота.

Очевидно, наступивший мир был совсем не таким, каким его ожидали увидеть советские победители. В зеркале Истории стали отражаться труднейшие времена Гражданской войны и интервенции: Запад смотрел на Москву все более враждебно. Сталину пришлось маневрировать и отступать. Его главная идея – иметь на западных границах страны с дружественными правительствами, а также свободный выход к южным морям – постоянно оспаривалась. Поэтому в Потсдаме СССР очень многое не получил. Фактические его приобретения были гаран-

тированы не доброй волей союзников, а присутствием в Европе советских войск.

Дальнейшее расхождение геополитических позиций союзников обозначилось во время войны с Японией. 8 августа СССР объявил войну Японии. 6 и 9 августа были повергнуты атомной бомбардировке города Хиросима и Нагасаки.

14 августа Токио капитулировал. В это время советские войска продолжали военные действия, чтобы обеспечить (что было оговорено в Тегеране) занятие Ляодунского полуострова, где размещались Порт-Артур и порт Дальний, а также Южного Сахалина и Курильских островов.

Американцы не собирались допускать союзника в Японию. Ранее согласованный с американцами советский десант на остров Хоккайдо был в последний момент ими отменен, хотя в Москве уже планировали включить этот остров в свою зону оккупации. Возражение американцев против совместного с разделением на зоны управления побежденной Японией показало Сталину, что они начали реализовывать не осуществленную в войне с немцами линию Черчилля: максимально отодвинуть Советский Союз от победных завоеваний.

Вскоре Трумэн в категоричной форме потребовал от Сталина предоставить право базирования американских ВВС на Курильских островах. Советский руководитель ответил, что так разговаривают с побежденной страной, но Советский Союз не побежден.

14 сентября 1945 года, спустя две недели после капитуляции Японии, делегация членов конгресса США под руководством М. Колмера прибыла в Москву и встретила Сталина. В обмен на экономическую помощь американцы выдвинули ряд требований: вывести советские войска из Восточной Евро-

пы; не оказывать политической поддержки правительствам этих стран; раскрывать содержание торговых договоров с этими странами; сообщить, какая часть советского производства идет на вооружение; раскрыть важнейшие данные об экономике и дать возможность контроля правдивости этой информации; гарантировать защиту американской собственности; предоставить свободное распространение в СССР американских кинофильмов, газет и журналов.

Если ранее руководство СССР желало получить помощь США, то после предъявления условий это желание исчезло. Сталин понял, что с ним разговаривают, как со слабым, если не обреченным. Наличие у США атомной бомбы делало их позицию сверхсильной.

Перед переговорами 4 сентября командованию ВВС США была поставлена задача «отобрать приблизительно 20 наиболее важных целей, пригодных для стратегической атомной бомбардировки в СССР и на контролируемой им территории». В список городов для бомбардировки были включены: Москва, Горький, Куйбышев, Свердловск, Новосибирск, Омск, Саратов, Казань, Ленинград, Баку, Ташкент, Челябинск, Нижний Тагил, Магнитогорск, Пермь, Тбилиси, Новокузнецк, Грозный, Иркутск, Ярославль.

Анализ ситуации показал, что даже после ядерного удара СССР будет в состоянии захватить Западную Европу и не будет выключен из военных действий. Планирование ядерной атаки продолжилось и продолжалось в полной уверенности в собственной неуязвимости до 25 сентября 1949 года, когда Советский Союз заявил, что у него тоже есть атомная бомба.

Становилось очевидным, что не будут реализованы предыдущие планы Москвы создать в странах Восточной Евро-

пы дружественно настроенные, некоммунистические правительства.

30 января 1946 года Трумэн запросил конгресс о предоставлении Лондону займа почти на 4 млрд долларов. В ответ англичане должны были открыть свои рынки для американских услуг и товаров. Британская империя фактически еще раз (после Атлантической хартии) подписывала капитуляцию перед заокеанским партнером.

Практически в то же время, когда оформился заем англичанам, 23 января Сталин встретился с американским послом А. Гарриманом и стал зондировать возможность получения кредита, но услышал в ответ: возникшие трения затрудняют решение этого вопроса. На дипломатическом языке это означало категорический отказ.

Американская разведка считала, что в течение 15–20 лет (примерно до 1965 года) СССР будет занят восстановлением разрушенного хозяйства и транспортной инфраструктуры. Такой же срок отводился Москве и для создания атомной бомбы.

На мировой шахматной доске расставлялись фигуры для продолжения борьбы.

Отказ Москвы от роли младшего партнера Запада неизбежно должен был привести ее к пересмотру первоначальных планов политического устройства Польши, Чехословакии, Румынии, Болгарии. Вместо многопартийных дружественных правительств там быстро появлялись только однопартийные коммунистические.

Ничего не вышло из усилий СССР сохранить демилитаризованную единую Германию. Имея огромные экономические интересы в своей зоне оккупации, Советский Союз по репарационным соглашениям вывез оттуда значительные объемы

оборудования, – целые технологические линии производства (оптика, радиотехника, металлообработка и др.), а также использовал немецких специалистов в атомной области и ракетостроении. Создав в своей зоне советско-германские предприятия, работавшие на советскую экономику, Москва фактически отделяла Восточную Германию от Западной. В отличие от СССР американцы предпочли вывозить не оборудование, а лицензии на новые технологии.

В феврале 1948 года в Чехословакии было сформировано коммунистическое правительство. В ответ американское военное командование 12 марта приказало проверить планы мобилизации. 13 марта в США было решено ввести воинскую повинность и усилить охрану атомных арсеналов. Военный министр Ройол предупредил Трумэна, что в случае войны американские войска в Европе и Японии будут уничтожены.

23 февраля началась Лондонская конференция, в которой участвовали США, Англия, Франция, Бельгия, Нидерланды, Люксембург. Будущее Германии решалось без участия СССР, что стало подтверждением окончательности происходящего расхождения. По результатам конференции было решено создать новую валютную систему западных зон оккупации Германии. Отсюда был всего один шаг до воссоздания проамериканского германского государства.

В начале марта советская военная администрация стала выборочно ограничивать движение в западные зоны оккупации Берлина. Выяснилось, что никаких юридических прав на передвижение по советской зоне (кроме как в воздушных коридорах) у бывших союзников не имеется. Перекрыв в Берлине железные и автомобильные дороги, а также отключив электричество, советская администрация перевела тлеющий конфликт в опасную

стадию. (При этом под «зонтиком» берлинской блокады, отвлекающей все внимание противников, Мао Цзэдун и Сталин осуществили в Китае решающий удар по проамериканскому режиму Чан Кайши).

Американцы стали снабжать Западный Берлин по воздушному коридору всеми имеющимися транспортными самолетами, а 29 июня 1948 года англичане разрешили им перебазировать на Британские острова 60 бомбардировщиков Б-29, способных нести атомные бомбы. Еще один отряд бомбардировщиков прибыл на Окинаву. На обоих флангах СССР обозначилась атомная угроза.

Дело явно зашло далеко. В мае – июле 1948 года Объединенный комитет начальников штабов провел штабную игру «Пэдрон», были проанализированы возможные действия между СССР и США в Европе, на Ближнем и Дальнем Востоке в течение двух первых недель конфликта. Выводы американских штабистов были неутешительны. Советские войска быстро захватывают Берлин и Вену, выходят к Рейну, успешно действуют в Иране и Корее, а советские союзники – в Греции, советские десанты занимают район Нома на Аляске. Только в одном пункте на Аляске, в районе Фэрбэнкса и Анкориджа американцы отбивают десанты. Выяснилось, что у советских войск будет подавляющее превосходство в воздухе. На совещании в министерстве обороны США начальник штаба ВВС Х. Вандерберг признал, что у него нет полной уверенности в эффективности атомной бомбардировки советской территории.

Кремль располагал информацией разведки, что «американский ядерный арсенал был слишком мал для начала большой войны против СССР».

Проводя силовое давление, СССР добивал последние крохи союзничества и подталкивал Запад к организации системного сопротивления. Отсюда до создания НАТО был один шаг.

Блокада Берлина ничего не дала Москве. СССР проигрывал и в экономическом противостоянии. Рассчитывая на послевоенный кризис производства и сбыта в Европе, как это было после Первой мировой, советское руководство совершало ошибку, приведшую в конце концов к печальным результатам.

Неудивительно, что внутренняя жизнь СССР сделалась еще суровее, так как возникшие было надежды оказались миражами. На 12-миллиардную американскую помощь Европе (на четыре года) Советский Союз мог ответить только усилением идеологической и политической борьбы.

В странах Восточной Европы также усилилось идеологическое давление, начались поиски врагов и шпионов. Используя это обстоятельство, ЦРУ разработало операцию «Расщепляющий фактор», дискредитировав ряд коммунистических лидеров в Польше, Чехословакии, Венгрии, Болгарии и спровоцировав органы безопасности СССР на их аресты, а потом и казни. (Эти события вскоре напрямую ударят и по латвийской политической элите).

Социалистический лагерь во главе с Советским Союзом возник как результат жестокого противостояния Москвы и Запада. Разные по истории, культуре, религии страны оказались под советским патронажем. Но здесь далеко не всегда было возможно повторение советского опыта. Польша, например, избежала коллективизации сельского хозяйства, и ее экономика представляла симбиоз государственной и частной собственности. Отношение к религии в восточноевропейских странах также было гораздо терпимее.

1949 год был отмечен событиями, показавшими миру силу СССР – успешные испытания советской атомной бомбы, провозглашение Китайской Народной Республики. Но при этом происходила дальнейшая консолидация Запада – образованы Федеративная Республика Германия и НАТО, на что Москва ответила созданием Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ) и Германской Демократической Республики. Пришел конец надеждам на то, что Германия будет нейтральной. Надо было переходить к традиционной для России политике – оборона на Западе, активность на Востоке. Это означало, что СССР должен принять на себя новые большие расходы.

В целом геополитическое объединение, именуемое социалистическим лагерем, в своей основе опиралось на идеологический фундамент, не имея прочной историко-культурной, цивилизационной базы. Это означало, что в случае ослабления военного присутствия и экономических дотаций межгосударственный союз утратит свое единство.

Ожидая разрушительного кризиса на Западе, советское руководство надеялось найти баланс сил в Европе. Но его ожидания не исполнились. 4 марта 1947 года, в Дюнкерке был подписан договор о взаимопомощи между Англией и Францией, возрождающий воспоминание об Антанте. Он был направлен против возможной агрессии Германии, которая на тот момент была разделена на оккупационные зоны и не имела государственности. Вскоре поняв, что германская опасность эфемерна, англичане выступили инициаторами создания в Европе военно-политического блока, направленного против СССР.

4 апреля 1949 года был подписан Североатлантический договор (США, Канада, Великобритания, Франция, Бельгия, Нидерланды, Люксембург, Исландия, Норвегия, Дания, Ита-

лия, Португалия). Образование блока НАТО базировалось на «доктрине Трумэна» (противодействие советской угрозе).

7 октября 1949 года в советской зоне оккупации была провозглашена Германская Демократическая Республика (ГДР).

После этого образование противостоящих друг другу лагерей встало на прочную основу. Французы, опасавшиеся неконтрольной эволюции западногерманской промышленности, выступили инициаторами создания Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), которое уже в наше время трансформировалось в Европейский союз.

В октябре 1950 года в Пражском заявлении министров иностранных дел СССР, Албании, Болгарии, ГДР, Венгрии, Польши, Румынии, Чехословакии говорилось, что ЕОУС создано для возрождения военной промышленности Западной Германии «в целях подготовки новой войны в Европе и приспособлении западногерманской экономики к планам англо-американского военного блока».

В марте 1950 года было принято Постановление Совета министров СССР, согласно которому советская национальная валюта стала исчисляться не на основе американского доллара, а на золотой основе. Советский Союз и его союзники вышли из мировой финансовой системы и стали независимы от политики Федеральной резервной системы США. Это «тихое» решение сильнее любых бомбовых ударов свидетельствовало, что в мире идет беспощадная борьба.

После этого международного обзора, вернемся в Прибалтику. Здесь весной 1949 года начались операции по высылке «кулаков» и их семей. Безусловно, депортации были связаны не только с внешнеполитическими событиями, но одно накла-

дывалось на другое: неудающаяся коллективизация и сопротивление так называемых «лесных братьев», антисоветских партизанских отрядов, ведущих вооруженную борьбу при широкой поддержке крестьян, – это в конце концов подтолкнуло власти к репрессивным методам. Начался заключительный этап скрытой гражданской войны.

Обратимся к выводам современных латвийских историков: «Существенным отличием между Балтийскими и другими республиками СССР было существование в Балтии частного сектора в торговле, в сфере услуги особенно в сельском хозяйстве. Если проследить за политическими изменениями по этому вопросу, то наметятся известные параллели между возникновением “холодной войны”, укреплением позиций СССР в Восточной Европе и событиями в Балтийских республиках, где в 1947–1948 годах наметился резкий поворот в экономической политике» (История Латвии. XX век. С. 307). Несмотря на то, что эти историки объясняют случившиеся вскоре изменения исключительно сталинской агрессивностью, их попытка увязать новые тенденции в международных делах с внутрилатвийскими событиями принципиально верна.

Идея Сталина о демократической и лояльной Восточной Европе схлопнулась, а вместе с ней – и идея сохранения некоторых либеральных явлений в Прибалтике, избегая жестких средств закрепления влияния.

До середины 1947 года Москва пыталась учитывать местные особенности, – не форсировать коллективизацию, не покушаться на индивидуальные крестьянские хозяйства и частное предпринимательство, выдвигать на руководящие должности представителей титульных наций, сохранять национальный язык как основной и т.д.

В 1947 году политика Кремля стала жесткой.

1946 год вошел в историю СССР страшной засухой, в результате чего в ряде регионов (Поволжье, Украина, Молдавия) начался массовый голод.

Для Москвы вопрос хлебозаготовок стал вопросом выживаемости. И Латвию не миновали новые трудности.

Однако первоначально, до весны 1947 года, Кремль не рассматривал коллективизацию в Прибалтике как обязательное условие укрепления здесь советской власти. «Первые колхозы появились там в течение 1946–1947 гг., по исключительно местной инициативе, и таких хозяйств насчитывались единицы. Только 16 апреля 1947 г. на Оргбюро ЦК ВКП(б) обсуждался вопрос «О создании колхозов в Литве, Латвии, Эстонии». Была организована специальная комиссия под председательством А. Жданова, которой поручалось в трехдневный срок представить проект директивы ЦК по этому вопросу. «Директива должна исходить из того, – подчеркивалось в решении ЦК, – что в деле организации колхозов в этих республиках не должно быть допущено никакой торопливости и что практическая задача заключается в создании, прежде всего из крестьян-бедняков, небольшого количества колхозов, хорошо оснащенных современной техникой и являющихся во всех отношениях хорошими и примерными колхозами... Под колхозные земли намечалось отдать бывшие помещичьи имения и часть земель крупных хозяйств, попадавших в категорию кулацких. Основной социальной базой колхозного движения должны были стать бедняцкие слои крестьянства» (Е. Зубкова. Указ. соч. С. 177).

До 1948 года власть не оказывала давления на крестьян, рассчитывая на действие экономических стимулов, в том числе, и налоговой политики.

Впрочем, латышские крестьяне не спешили выполнять обязательные хлебопоставки государству. Ситуацию усугубляла непродуманная налоговая политика, согласно которой прогрессивным налогом облагалась вся земля крестьянского хозяйства без учета ее качества, включая болота, которых в Прибалтике великое множество. Фискальные органы руководствовались соображением: раз земли у хозяина много, то и доход должен быть большим, а если доход скрывается, то хозяин – кулак. Этот топорный подход отнюдь не укреплял доверия к новой власти. Наоборот, крестьяне стали отказываться от ставшей обузой земли, сохраняя только часть ее, необходимую для самообеспечения.

В начале 1949 года успехи местных властей в деле коллективизации были незначительны, в колхозы вошли только восемь процентов крестьянских хозяйств.

Весной 1949 года в Прибалтике ситуация резко изменилась. Это было напрямую связано с радикальными переменами в Западной Европе, о чем мы уже говорили, и они не могли не отразиться на внутреннем положении СССР.

К марту 1949 года было создано 1 443 колхоза, а с конца марта по начало апреля, за 11 дней, было организовано еще 1 740 новых хозяйств. К 1 мая 1949 года было охвачено коллективизацией 71,6 процента крестьянских хозяйств.

Нельзя сказать, что все в Латвии были слепы и не понимали, что сюда нельзя механически переносить советский довоенный опыт, игнорируя местные особенности. Высокая интенсивность сельского хозяйства, его хуторская раздробленность, избыток экспроприированных, но не освоенных земель, дефицит рабочих рук, – на все это указывал, например, инспектор ЦК компартии Латвии Я. Диман в докладной записке руково-

158

дству республики. По его мнению, выселение кулаков не могло дать должного эффекта, т.к. условия тогдашней Латвии и довоенной России далеко не схожи. И Диман, как мы еще покажем, был далеко не один.

«Принудительные высылки били сразу по нескольким “мишеням”, однако в число их жертв, в первую очередь, все равно попадали крестьяне – самая многочисленная категория балтийского населения. Точно так же очевидна роль депортаций в процессе ускорения коллективизации балтийской деревни. В противостоянии крестьянства и государственной машины преимущество оказалось на стороне сильного. Массовые репрессии заставили крестьян смириться с колхозами, о чем свидетельствует быстрое увеличение удельного веса коллективных хозяйств» (Е. Зубкова. Указ. соч. С. 182).

Депортации, кроме борьбы с «кулаками», имели целью ликвидацию социальной и экономической опоры «лесных братьев», подавление повстанческого движения. Антисоветское сопротивление можно сравнить с массовыми крестьянскими восстаниями в СССР, среди которых наиболее известно Тамбовское («Антоновщина»), подавленное армейскими частями под командованием будущего маршала М.Н. Тухачевского.

В 1945 году в Латвии было примерно 20 тыс. повстанцев, т.е. их численность была сопоставима с численностью двух армейских дивизий. Власть (или влияние) партизан распространялось фактически на всю сельскую местность, что ставило крестьян в положение «меж двух огней». А если учесть непрекращающиеся случаи силового давления местных чиновников, их самоуправства и слабого контроля за ними центральной власти, то единственным заступником хуторянина и его же жестоким судьей в случае сотрудничества с «советами» был «лесной брат».

Для Москвы и Риги и именно партизанское сопротивление, в своей основе национальное, являлось наибольшим препятствием в советизации региона, и поэтому голоса таких работников, как Диман или Юргенс, звучали как отголоски благих идей недавнего прошлого, которые были отвергнуты действительностью.

Первоначально в 1944–1945 гг. в Латвии действовало несколько крупных партизанских организаций, опирающихся на добровольную поддержку населения. Они издавали свою газету «Защитник Отечества», организовывали группы поддержки среди школьников и студентов. Размеры их активности и связанные с ней риски для властей показывает факт заключения в сентябре 1945 года 10-дневного перемирия с партизанами отделом НКВД Валкского уезда.

Однако к 1947 году силами госбезопасности и армейских подразделений все подпольные и партизанские организации Латвии были уничтожены, их лидеры погибли или были арестованы. «С 1944 по октябрь 1953 года было ликвидировано около 900 отрядов национальных партизан, насчитывавших 9764 человек, легализовалось 10 268 партизан, 2422 человека погибло. За этот период партизаны осуществили 2659 нападений» (История Латвии. XX век. С. 343). На территории республики ими было убито 1070 только гражданских лиц – парторгов, работников исполкомов, членов избирательных комиссий и т.д. На председателя Совета министров Латвии Вилиса Лациса дважды организовывались покушения, вовремя раскрытые спецслужбами.

Сопротивление продолжилось трудноуловимыми малыми группами (террор против советских чиновников и активистов, колхозников, нападения на волисполкомы и т.д.), а также акциями гражданского неповиновения.

В целом впервой половине 1950-х годов партизанское движение иссякло, передав эстафету сопротивления инакомыслящей интеллигенции.

Когда, например, проходило массовое возжигание свечей на Братском кладбище в Риге в день поминовения усопших и на могиле первого президента Латвии Яниса Чаксте или когда выступали фольклорные ансамбли или создавались экологические дружины, то подтекст данных действий был понятен всем, и населению, и властям. В какой-то период (это было уже в брежневские времена) борьба латышей за независимость слилась со всем советским диссидентским движением.

Янис Урбанович. Скрытая гражданская война закончилась не поражением сопротивления, как трактовалось официальной пропагандой, а поражением власти, которая молчаливо признала, что не в состоянии полностью советизировать Прибалтику.

Игорь Юргенс. Думаю, «скрытая гражданская война» (беру этот термин в кавычки) присутствует в любом обществе наличием различных позиций и интересов. Но в горячую фазу она вступает далеко не всегда, только тогда, когда ни одна из сторон не желает компромисса. Полезно это помнить и сегодня.

ВТОРАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЕЕ ОТТОРЖЕНИЕ

Пусть и не по своей воле, но Латвия вошла в народнохозяйственный комплекс огромной страны, где происходила невиданная по темпам индустриализация. Экономика республики вернулась к условиям, которые определяли её стремительное экономическое развитие перед первой мировой войной – наличие портов, хорошие связи с внутренними регионами Союза, огромный неудовлетворенный спрос бурно развивающегося Союза, простой доступ к сырью.

Инвестиции и развитие промышленности начались сразу. Уже в 1940 г. началась реконструкция вагоностроительного завода «Вайрогс» (б. «Феникс»), завода «ВЭФ», Лиепайского металлургического завода и ряда других. С окончанием войны этот процесс возобновился.

Вагоностроительный завод в результате реконструкции уже в 1947 г. приступил к выпуску новой моторвагонной секции для электропоездов, а к 1950 году объем производства завода превысил уровень 1940 года в 4,7 раза. Общий объем инвестиций составил в ценах того времени 312 млн рублей.

В пустующих с 1915 г. корпусах завода «Проводник» началось создание электромашиностроительного завода «РЭЗ», который уже с 1946 г. начал выпуск продукции – электрооборудования для комплектации электропоездов, выпускаемых вагоностроительным заводом. Завод стремительно рос и модернизировался, в результате чего объем производства на заводе с 1947 по 1950 г. увеличился в 40 раз, а с 1950 по 1958 г.–

ещё в 6 раз. Было создано 4000 рабочих мест, оснащенных новейшей техникой того времени.

Вкладываемые в развитие промышленности инвестиции обеспечили 45-процентный среднегодовой прирост промышленного производства в Латвии в 1945–1950 годах. Уже в 1950 г. объем промышленного производства превысил уровень 1940 года в 3 раза.

В течение первых послевоенных 20 лет были построены крупные заводы «Автоэлектроприбор», «Гидрометрприбор», Рижский дизелестроительный завод, Рижский электроламповый завод, завод микроавтобусов «РАФ», рижский завод «Компрессор», Валмиерский завод стекловолокна, Резекненский и Даугавпилский заводы электроинструмента, заводы сельскохозяйственного машиностроения «Ригасельмаш», «Елгавсельмаш», «Лиепайсельмаш», Резекненский завод доильных установок, Болдерайский завод силикатного кирпича, объединение электронной техники «Альфа», даугавпилские заводы химволокна, автомобильных приводных цепей, кабельный, Олайнский химкомбинат, Огрский трикотажный завод и другие.

Для обеспечения гигантского для Латвии роста промышленности построены Рижская и Плявиньская гидроэлектростанции, две ТЭЦ в Риге, расширена Кегумская ГЭС, в результате чего выработка электроэнергии увеличилась в 28 раз.

В 1960-х годах были построены предприятия, сегодня являющиеся гордостью и основой экономики Латвии – нефтепровод Полоцк – Вентспилс и Вентспилская нефтебаза (теперь – «Вентспилс нефта»).

Темпы вложения инвестиций и промышленного развития в Латвии в 1940–1960 годы были в два раза выше, чем общесоюзные. В 1955 году был достигнут среднесоюзный уровень

промышленного производства, а за 20 лет развития в составе Союза, к 1965 г. объем промышленного производства превысил уровень 1940 г. в 17,4 раза. Промышленность давала 66% всего объема продукции республики, а в сумме с другими производственными отраслями (транспорт, связь, строительство) – 75,2%. По сравнению с довоенной это была качественно другая промышленность – производительность труда в ней была в 65 раз выше, чем в 1940 году. Из сельскохозяйственной республика стала индустриально развитой страной.

В дальнейшем интенсивное развитие промышленного производства продолжалось, и к 1982 г прирост продукции промышленности составил 4750% (в 48 раз) относительно 1940 г.; машиностроение выросло в 650 раз, нефтехимическая промышленность – в 693 раза.

К этому времени Латвия превратилась в один из наиболее насыщенных промышленностью регионов Союза. По промышленному потенциалу среди регионов Союза Латвия занимала 3 место, сразу после Московской и Ленинградской областей. По своей отраслевой структуре, промышленность Латвии соответствовала структуре промышленно развитых стран.

По объему производства в 80-х годах Латвия показала прирост за 10 лет 50%. Этими показателями закончилась вторая промышленная революция в Латвии и вообще советский период ее истории.

Какие же уроки скрыты в двух латвийских промышленных революциях?

Первый урок очевиден. В обоих случаях развитие промышленности начиналось с появлением свободных транспортных связей и свободного доступа к внутренним районам России, являвшимся рынками сбыта и источниками сырья. В первый раз

это было вызвано строительством железнодорожных магистралей во внутреннюю Россию, во втором случае – восстановлением этих связей после ликвидации государственной границы.

Закрытие восточной границы в 1920 г., при свободном движении на Запад превратило экономику Латвии преимущественно в аграрную страну, притом с бедным сельским хозяйством.

После 1991 г., когда у Латвии снова прервались связи с рынками сбыта и источниками сырья, началась фактическая деиндустриализация. Падение производства в промышленности происходило катастрофическими темпами. Объем продукции в августе 1992 г. составил: на заводе ВЭФ 63,4%, ЭЛЛАР 57,8%, Радиотехника – 49,4%, Дамбис – 28,1% первоначального уровня. Уже во втором полугодии 1992 г было уволено 20,6 тыс. рабочих.

К 1995 г. объем производства в промышленности составил 35,2% от уровня 1990 г. Число рабочих сократилось на 182 тыс. чел.

Исчезли практически полностью все отрасли промышленности, где Латвия имела наибольшие успехи и занимала ведущее положение в Союзе – машиностроение, химия, радиоэлектроника.

В 1990 г. в промышленности Латвии работало 391 тыс. человек. Учитывая, что сегодня рабочее место со всей требуемой инфраструктурой стоит в среднем 100–120 тыс. долл., для восстановления потерянной промышленности Латвии требуется 47 млрд долл. (28,2 млрд лат). Можно посчитать, сколько это займет времени при современном темпе вложения инвестиций.

Экономический ущерб, понесенный Советским Союзом в результате войны, был огромным. Велики были потери и в Латвии: почти полностью был уничтожен железнодорожный, ав-

томобильный транспорт, порты, электростанции, заводское оборудование, сельское хозяйство осталось без скота. Однако уже по итогам 1948 года валовая продукция советской промышленности составила 118 процентов от уровня 1940 года. Это было достигнуто за счет возвращения к довоенным, мобилизационным методам управления и беспрецедентного налогового давления на крестьян. «Светлое будущее» для советских людей отодвигалось на неопределенное время.

В Латвии стали создаваться новые заводы и производства, главным образом – машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности.

При этом в послевоенном восстановлении в основном закреплялись главные признаки третьего технологического уклада (ключевой фактор – электродвигатель, сталь), тогда как Запад уже широко осваивал четвертый технологический уклад (ключевой фактор – двигатель внутреннего сгорания, нефтехимия) и входил в пятый уклад (микрoeлектронные компоненты).

Многоукладность в экономике самым непосредственным образом отражалась на социальной атмосфере в обществе, часть которого, образно говоря, жила еще в XIX веке, «веке угля и пара», часть – в довоенном времени, а кто-то уже стоял одной ногой в будущем. Соответственно, в советском обществе и внутри латвийского общества одновременно действовали различные тенденции. Если основной советский тренд заключался в борьбе с Западом за мировой арене, догоняющей модернизации и безоговорочном доминировании Центра, то в образованной части населения, научной и творческой интеллигенции уже было заметно стремление к удовлетворению локальных интересов, среди которых видное место занимали вопросы сохранения традиционных культурных ценностей.

Поскольку доминирующий технологический уклад базировался на энергозатратных производствах и создавал продукцию более низкого передела, то и управленческие технологии в СССР мало учитывали проблемы психологического самочувствия отдельных групп населения и вообще ценности человеческой жизни. Если отбросить идеологические противостояния в Прибалтике, то именно водораздел по линии западноевропейской традиции, основанной на договорных отношениях личности и государства, и византийской, цезаристской практики советского образца создавал огромное напряжение.

С выводами историков не приходится спорить: «Союзные министерства не интересовали вопросы сбалансированности развития регионов Латвии и наличия рабочей силы, поскольку рабочую силу в неограниченном количестве можно было ввозить из-за пределов республики, поэтому они стремились открывать новые производства в Риге с развитой коммунальной и социальной инфраструктурой, где можно было обойтись меньшими капиталовложениями. Охране природы и труда в этот период уделялось самое минимальное внимание» (История Латвии. XX век. С. 351).

Вместе с тем надо признать, что по сравнению с другими союзными республиками в Прибалтике структура производства все же была более «щадящей», товаров народного потребления производилось больше чем продукции тяжелой промышленности. Поэтому, глядя из Москвы, могло казаться, что в Латвии все развивается достаточно гармонично, однако в Риге не могли так считать. Наоборот, обостренно чувствуя свою ответственность за сохранение традиционных культурных и исторических ценностей, латвийская интеллигенция не ослабляла своего критического отношения к существующим порядкам. При этом она часто находила поддержку у российской интеллигенции.

Поэтому без преувеличения можно сказать, что процесс промышленного развития как в целом в Союзе, так и в Латвии при всех его выдающихся результатах заключал в себе трудно-разрешимые проблемы, которые, в свою очередь, с ростом урбанизации и образованности населения вызывали к активной гражданской деятельности все более широкие круги.

Темпы роста национального дохода, производительности труда и благосостояния жителей Латвии были одними из самых высоких среди всех союзных республик. И все же, как стало понятно позже, далеко не все интересы замыкались на материальной стороне жизни.

Из латвийской экономической кардиограммы часто делают два совершенно разных политических вывода.

Первый – мощное индустриальное развитие Латвии в составе СССР было обусловлено, как и во времена Империи, задачами, которые стояли перед СССР, приближенностью к транзитным путям и т.д.

Второй – главная цель была в изменении национального состава населения республики, уменьшении процентного состава латышей.

Как эти выводы оценивать?

Вложение колоссальных финансовых средств в экономику Латвии позволяет считать первый более достоверным. К тому же надо учесть, что профессионально подготовленных кадров для освоения инвестиций в республике было недостаточно. Поэтому вряд ли есть основания говорить о «демографической бомбе» или о «геноциде».

Перемещение нелатышского населения из других советских республик в Латвию можно сравнить, например, с созданием Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, в котором

участвовали, помимо русских, украинцы, азербайджанцы, татары, башкиры и представители других народов, в том числе, и латыши. Создание этого комплекса значительно изменило национальный состав региона.

Тем не менее, второй вывод имеет немало сторонников. Дело в том, что в сознании многих латышей наслоилося несколько разных исторических явлений: революционные события 1905 и 1917 годов; гражданская война, борьба за независимость; экономический кризис; политическое и военное давление СССР в 30-е годы; ввод частей Красной армии; советизация; сопротивление – все это суммарно формировало сильное психологическое напряжение. И оно не могло не сказаться.

Янис Урбанович. Впоследствии обретение независимости в условиях проживания в Латвии огромного числа нелатышей, которые ощущали себя гражданами СССР, породило в национально ориентированной латышской элите потребность создать новые исторические образы, способные активно воздействовать на электоральные настроения латышей. Так возник политический заказ на создание образа России как постоянного врага Латвии, защититься от которого можно было, только противопоставив ей сплоченный вокруг национальной идеи народ.

Игорь Юргенс. Думаю, поэтому исторические события, относившиеся к советскому периоду, были автоматически включены во всю историю России, включая и постсоветский период. При этом не учитывалось, что как раз благодаря руководству демократической России и большому числу демократически настроенных нелатышей, проживающих в Латвии, стал возможен безболезненный выход республики из состава СССР.

ГОНКОНГ НА БАЛТИКЕ, ИЛИ ПОПЫТКА ВЫЙТИ ИЗ БЕЗНАДЕЖНОГО ПОЛОЖЕНИЯ

5 марта 1953 года умер руководитель СССР И.В. Сталин. С его смертью многие проблемы, уже осознаваемые в Кремле и не решаемые в силу политической инерции, вышли на первый план. В том числе и ситуация в Прибалтике.

Для понимания обстановки вспомним своеобразное завещание вождя, его теоретическую работу «Экономические проблемы социализма в СССР» (1952), в которой он высказал либеральные идеи, главная из них – в стране существует товарное производство и действует закон стоимости. Этим было указано на возможное движение в направлении, впоследствии получившем название «китайский путь». В новом пятилетнем плане, принятом на XIX съезде КПСС, темпы прироста тяжелой и легкой промышленности уже были примерно равными.

Триумвират наследников (председатель правительства Г.М. Маленков, министр внутренних дел Л.П. Берия, секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев) начал управлять страной. Простившись с покойным, они должны были устроить ревизию унаследованному хозяйству и даже самому Сталину.

Положение было безрадостное. Государственные финансы не выдерживали огромных расходов. Надо было пересматривать всю бюджетную политику и, более того, – сокращать расходы в Восточной Европе, на вооружение армии, ядерные исследования, ВПК в целом и тяжелую промышленность. Хотя

на селе укрепилась промышленная база (в 1950 году тракторов выпускали в три раза больше, чем в 1940 году), его положение тоже было плачевным.

Уже 10 марта 1953 года на заседании Президиума ЦК Маленков, касаясь советской печати, заявил: «Считаем обязательным прекратить политику культа личности». Новые руководители хотели скорее выйти из сталинской тени. Требование Маленкова хотя внешне и относилось к области пропаганды, в основе своей было нацелено на пересмотр всей политики.

Инициативу взял на себя Берия, предложив провести амнистию заключенных по не опасным для общества преступлениям.

4 апреля 1953 года Берия издал приказ «О запрещении применения к арестованным каких-либо мер принуждения и физического воздействия». Он предложил ликвидировать экономическую структуру ГУЛАГа, передав в ведение соответствующих министерств строительные, гидротехнические, рудные, лесные и прочие подразделения МВД.

Кроме того, Берия стал активно заниматься внешней политикой. Он предложил отказаться от затрат на строительство социализма в ГДР, настаивал на объединении Германии в единое нейтральное демократическое государство. Он хотел нормализовать отношения с Югославией, перевести связи со странами народной демократии в прагматическое русло.

Его инициативы в национальном вопросе (повышение роли местных кадров в республиканских органах власти) при общем укреплении положения Российской Федерации в СССР свидетельствовали о намерении внести глубокие изменения в устройство государства. Уже 8 мая 1953 года Берия обращается в ЦК партии с запиской, в которой анализируется положение дел в Литве, и признает, что неудачи в борьбе с националисти-

ческим подпольем объясняются «главным образом, тем, что как в центральном аппарате МВД, а ранее МГБ Литовской ССР, так и в областных и районных органах почти отсутствуют работники-литовцы» (Е. Зубкова. Указ. соч. С. 322).

Берия предложил в принципе изменить кадровую политику в республике, сделав основную ставку на национальные кадры, изменить отношение к литовскому языку, а также «проверить, нет ли серьезных извращений в вопросах колхозного строительства, элементов администрирования, проверить налоговую систему и, если есть необходимость, – пересмотреть ее».

Предложения Берии поддержал Хрущев. 26 мая 1953 года вышло Постановление Президиума ЦК КПСС о положении в Литовской ССР. Его можно назвать революционным. Во-первых, вооруженное сопротивление рассматривалось не как главная причина политической нестабильности, а как следствие – пренебрежения национальными особенностями, ошибками в кадровой и языковой политике. Во-вторых, осуждались широкое применение репрессий, враждебное отношение к католическому духовенству. В-третьих, предлагалось изменить налоговую политику в отношении крестьянства и т.д.

Ставка на национальные кадры была определена как главная задача для республиканских властей, отменялась практика назначения «нелитовцев» вторыми секретарями райкомов и горкомов партии, заместителями председателя Совета министров республики и заместителями председателей исполкомов и председателей местных советов. Предписывалось делопроизводство вести на литовском языке, а в районах с преобладанием польского населения – на польском.

Таким образом, Кремль брал новый курс, отменяя ускоренную советизацию. 8 июня Хрущев предложил для озна-

комления членам Президиума ЦК записку «О положении дел в Латвийской ССР», в которой констатировалось, что в «борьбе с националистическим подпольем были допущены крупные ошибки и извращения». Содержание записки в общих чертах повторяло Постановление по Литве: о необходимости выдвижения национальных кадров, языковой проблеме, тактичном отношении к духовенству, диалогу с интеллигенцией. Особое внимание в записке было уделено ошибкам в проведении коллективизации. Подобный документ готовился и по Эстонской республике. Маятник государственной политики качнулся в сторону либерализации.

Самый активный в правящем «триумvirате» Берия имел далеко идущие планы по реформированию СССР, в чем-то напоминающие недавнюю практику руководства Великобритании, из-за экономических проблем пошедшему на фактическую ликвидацию колониальной империи. Его бурная деятельность вызвала у остальных членов Президиума ЦК КПСС опасения, что вскоре они утратят влияние и власть, и Хрущев возглавил заговор против всесильного министра МВД.

В этот короткий период нестабильности в Москве события в Прибалтике развивались в русле нового курса. Во всех прибалтийских республиках прошли партийные пленумы, на которых обсуждались планы реализации задач, обозначенных в Постановлении по Литве. Вслед за ними последовали решительные действия по массовой замене русских чиновников местными работниками, что вызвало возмущение русскоязычного населения. Появились слухи о принудительной высылке русских, о роспуске колхозов. Были случаи, когда запрещалось транслировать передачи на русском языке, разговаривать по телефону в служебное время на русском языке. Во многих ми-

нистерствах Латвии было предписано вести заседания коллегий только на латышском языке. Назревал конфликт общегосударственного масштаба.

После ареста Берия Москва резко нажала на тормоз, осудив все его новации, в том числе и в национальной политике. Хрущев дезавуировал свои предложения по Прибалтике. Однако общий ход дел в Советском Союзе вынуждал Кремль к переменам, и поэтому линия на либерализацию, пусть и в менее конфликтном виде, была продолжена.

Янис Урбанович. После XX съезда КПСС (1956 год) прибалтийские республики получили больше свобод: они были первыми в СССР открыты для посещений иностранцев, их населению было разрешено переписываться с родственниками за границей и получать от них посылки, католическая и протестантская церкви обрели больше прав. Можно сказать, было негласно признана «особость» Прибалтики, ее уникальность среди всех советских регионов.

Игорь Юргенс. Не кажется тебе, что вооруженное сопротивление партизан, акции гражданского неповиновения, скрытая и явная оппозиционность интеллигенции привели к первому этапу реформирования СССР? Следующий шаг был сделан во время горбачевской перестройки, когда народные депутаты от Прибалтики на Съезде народных депутатов СССР прямо поставили вопрос о независимости своих республик. Тогда и начался процесс дезинтеграции советского государства, т.е. осознание всем советским обществом неадекватности государственного управления.

НАЦИОНАЛ-КОММУНИСТЫ, ЛЕГАЛЬНАЯ ОППОЗИЦИЯ

Игорь Юргенс. Мы подошли к важнейшему поворотному пункту в истории Латвии. Да и не только Латвии, а всего мирового социалистического проекта. Я имею в виду так называемый «национал-коммунизм». Так историки именуют политическое течение, согласно которому необходимо было учитывать особенности каждой социалистической страны, а не стричь их под одну гребенку. Принято считать, что национал-коммунизм и порожденные им проблемы возникли в послевоенной Югославии, где у коммунистов была единственная в Европе сильная армия и где Иосип Броз Тито мог себе позволить иметь свою собственную, отличную от Сталина, точку зрения.

Янис Урбанович. Да, латышам знакома эта проблема. Первоначально она возникла сразу после освобождения Латвии от фашистов, когда в нашу управленческую элиту широким потоком ворвались советские кадры, как «российские латыши» из Советского Союза, так и русские функционеры. Причем, местные коммунисты вполне обоснованно считали, что прежде чем приступить к социалистическим преобразованиям, необходимо укрепить свой авторитет в общественном мнении и учитывать местные условия. Наш с тобой «тезка», секретарь ЦК компартии Латвии Янис Юргенс как раз и был ярким представителем этой линии.

И.Ю. Насколько эта линия была жизненна, можно судить по реакции Центрального разведывательного управления США и его руководителя А. Даллеса. Сошлюсь на один независимый источник: «Аллен Даллес уже давно считал: единственно важ-

ная цель американской разведки – это внесение раскола между странами-сателлитами и Москвой. Югославия показала, что в определенных экономических и политических условиях и при наличии лидера – достаточно сильного или достаточно напуганного – колосс может быть свален... Аллен Даллес составил план операции, которая должна была, как он позднее сказал одному из друзей, стать его самым большим триумфом. Он видел, что коммунистические партии в каждой из стран Восточной Европы безнадежно расколоты и что усиливающиеся требования со стороны Сталина привели к невыносимому напряжению внутри блока, несмотря на внешние выражения преданности. Нужен был лишь небольшой толчок в правильно выбранный момент, чтобы народы Восточной Европы восстали и сбросили железные цепи, которыми Сталин опутал их.

Даллес безжалостно отверг суждения некоторых западных дипломатов о том, что следует оказать всяческую дипломатическую и иную поддержку коммунистам-националистам, в отношении которых можно надеяться, что они в какой-то степени восстановят западное влияние за «железным занавесом». Вопреки этому он считал, что истинное лицо коммунизма может быть выявлено только в результате неограниченного развития сталинизма. Он шел еще дальше. Коммунисты-националисты в отдаленной перспективе были намного опаснее для дела западной демократии, чем последовательные сталинисты; если та форма коммунизма, за которую ратуют «либералы», восторжествует внутри блока, то коммунизм может стать приемлемым.

Но успешная революция может произойти только тогда, когда повседневное существование масс станет настолько невыносимым, что их нищета, как духовная, так и экономическая, возобладает над страхом за последствия их действий. Этот те-

зис может быть расширен: позвольте такому националисту, как Гомулка, прийти к власти в Польше и резко сократить влияние русских на страну, и коммунизм неожиданно станет respectable силой, способной преодолеть все препятствия в Европе. Несомненно, единственное, что удерживает французских и итальянских рабочих от того, чтобы обеспечить своим голосованием приход к власти в своих странах коммунистов, это осознание большинством из них того факта, что голосовать за коммунистов означает голосовать за русских. Так или иначе, они чувствуют себя в большей безопасности, находясь под благосклонным патронажем США, чем перед лицом опороченного колониализма Советского Союза.

По Даллесу выходило, что главное не в том, что «коммунизм Москвы» является угрозой во всем мире, а в том, что коммунизм всех видов органически плох и должен быть уничтожен. С ослепляющей ясностью он видел, как это должно быть сделано». (С. Стивен. Операция «Раскол». М., 2003. С. 162–164).

Конечно, было бы наивным считать, что столь важные перемены в настроении послевоенной коммунистической элиты останутся незамеченными в стане «главного противника». Пользуясь услугами перебежчика из спецслужб Польши подполковника Свято, был создан антисоветский «крупный троцкистский заговор» в Восточной Европе. Для подкрепления этой легенды радио «Свободная Европа» каждую ночь передавало в эфир зашифрованные послания, якобы предназначенные для бесчисленных американских агентов. Передававший их «полковник Белл» на самом деле был американский журналист Ладислав Фараго. За каждым сообщением в прессе о каких-либо авариях или пожарах сразу же следовало в эфире поздравление от «полковника Белла» его «людям». Это производило гнету-

щее впечатление на советских людей и, особенно, на руководство спецслужб.

Я.У. Другими словами, ты хочешь показать исторический фон «национал-коммунизма» в Латвии. По-моему, этого еще никто не делал. Но какую задачу ты ставишь?

И.Ю. Во-первых, знание минувших проблем и трагедий, надеюсь, позволяет избежать новых ошибок. А во-вторых, история часто повторяется. Ты читал исследование писателей-историков Святослава Рыбаса и Екатерины Рыбас «Сталин. Судьба и стратегия» (М., 2007)? Там рассматривается эта проблема. Прочитую: «Дело в том, что внутреннее положение в Советском Союзе было тяжелым. Народ бедствовал, а правительство вместо того, чтобы как-то облегчить его положение, вынуждено было укреплять оборонный бюджет и форсировать работы по созданию атомной бомбы. Сталин понимал, что надеждам людей на лучшую жизнь, которую они заслужили невероятными страданиями во имя победы, не суждено сбыться. Его личный быт был крайне скромным. Генералиссимус не имел даже выходного мундира и запрещал приобретать для себя обновки. Но с другой стороны, у человека, правившего половиной мира, были более важные задачи, чем обновление гардероба. А этот мир ускользал от него, грозил обнажить фланги для новой агрессии против социалистического Отечества.

Кроме того, в высшем советском руководстве тоже проходил раскол по условной линии «интернационализм – национализм», который выражали секретарь ЦК А.А. Кузнецов и член Политбюро, председатель Госплана СССР Н.А. Вознесенский.

По сравнению со старшим поколением они были другими. Этот процесс шел и в восточноевропейских компартиях.

Говоря об угрозе национализма, надо вспомнить и военные действия, идущие в Литве, Латвии, на Западной Украине, где вооруженная борьба против советской власти шла под флагом национальной независимости».

Как видим, проблема была глобальная.

Я.У. Таким образом, Латвия попала в шлейф «заговора». Это, конечно, кое-что объясняет, но при этом мы должны учитывать, что у нас велась не инспирированная спецслужбами, а реальная гражданская война. То есть вообще если и был выход из этого положения, то как раз на пути учета латвийских национальных особенностей.

И.Ю. А кто спорит? Предлагаю предоставить нашим читателям возможность узнать, чем закончилась история с «заговором» в Восточной Европе в примечаниях в конце данной главы. Мы же обратимся к Латвии 1950-х годов.

Я.У. Как всегда, историческая борьба проистекает в русле между объективными закономерностями и интересами управленческих групп. Также не будем забывать о роли личности в истории. Я имею в виду противоречивую фигуру советского руководителя Н. Хрущева, которому были свойственны непродуманные решения. Как фантастический по своей выразительности пример приведу одну его идею, высказанную им в то время, когда он был первым секретарем компартии Украины. Хрущев предлагал построить гигантский молокопровод из сельских районов, чтобы поставлять в Киев молоко от полумиллиона коров! Образно говоря, и Латвия не могла не угодить в воронку этого «молокопровода». То, что сегодня официальная латвийская историография, опирающаяся на политический заказ сегодняшней правящей элиты, представляет как «оккупацию», является столкновением двух политических культур. Это столкновение шло и в самой России.

В этом плане показательна судьба Александра Никонова, латгальца, латыша по матери, русского по отцу, который после смещения Яниса Юргенса стал секретарем ЦК КП Латвии по сельскому хозяйству.

И.Ю. Что же в ней показательного? На политическом горизонте появился еще один клон Хрущева?

Я.У. Ничего подобного. Никонов принадлежал к «национал-коммунистам» на все сто процентов, так его квалифицировали оппоненты. Надо подчеркнуть, в этом течении были люди разных национальностей, конечно, прежде всего, латыши, однако и «российские латыши», и русские, и белорусы, и евреи. Большинство из них относилось к младшему поколению номенклатуры, они прошли подпольную борьбу и войну. Например, Никонов, не успевший до войны закончить ветеринарно-медицинский факультет Латвийского университета, воевал в составе 201-й латышской дивизии, в боях в декабре 1941 года под Москвой был контужен и дважды ранен – в руку и в грудь навывлет. За бои под Москвой награжден орденом Боевого Красного Знамени. В своей автобиографии он отмечал, что после продолжительного лечения «несколько месяцев занимался работой среди войск противника в зоне латышского легиона “СС” в составе двух стрелковых дивизий, базируясь при политотделе 10-й гвардейской армии». В 1944 году был утвержден первым секретарем Абренского укома КП Латвии, в мае 1945 года – первым секретарем Даугавпилсского укома. То есть Никонова трудно назвать «окупантом», а тем более – антикоммунистом. В ноябре 1946 года он сменяет Яниса Юргенса. С января 1951 по март 1961 года работает министром сельского хозяйства Латвии. Казалось бы, успешная карьера. Но в реальности взгляды Никонова претерпевают глубокую трансформацию. С одной

180

стороны он проводил партийную политику, а с другой, наблюдая за процессом колхозного строительства, начавшегося в 1947 году и к 1949 году принявшего крайние формы с высылкой в Сибирь и Казахстан «кулацких семей», он приходит к тем же настроениям, что и его предшественник. «Нужна ли была столь жестокая и бесчеловечная акция? – писал он в своем отчасти автобиографическом труде «Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.)». – Не только не оправдана она по морально-этическим и юридическим соображениям, но и по чисто хозяйственной целесообразности. Вывезены были зажиточные, опытные, культурные, образованные крестьяне, поставщики товарной продукции... Политической опасности для существовавшего тогда общественного строя эти люди также не представляли. Их нельзя было связывать с вооруженным движением «лесных братьев, которых тогда называли бандитами, а сейчас в республиках Балтии – борцами за свободу против сталинизма».

И.Ю. Это пишет партийный функционер, фронтовик, доктор наук, академик. Никонов впоследствии входил в круг близких соратников М.С. Горбачева.

Я.У. После того, как Никонова убрали из республиканской номенклатуры и стали попросту «прессовать», он написал письмо в Москву и попросил перевести его из Латвии в Россию, где возглавил в Ставропольском крае НИИ сельского хозяйства. Там он и познакомился с Горбачевым.

И.Ю. А куда подевались остальные «национал-коммунисты»? И кто их «прессовал»?

Я.У. Я хочу сказать, что семена будущих бурь и перемен закладывали культурные и лояльные работники, которые не были настроены антисоветски, но хотели, чтобы учитывались

интересы республики, чтобы ее экономика и культура развивались гармонично. Тогда это вызвало огромную дискуссию. Она закончилась тем, что в 1958 году на съезде компартии Латвии против избрания вторым секретарем ЦК Ф. Кашникова и секретарем по идеологическим вопросам А. Пельше проголосовали около 150 делегатов. Это был открытый вызов московской партийной бюрократии, т.к. эти кандидатуры, как и вообще все другие, были заранее согласованы. Более того, на пленуме ЦК КПЛ Ф. Кашников вообще не был избран секретарем. Вскоре «оппозиционеры» стали терять свои должности. Но, проиграв в номенклатурном противостоянии, они выиграли в общественном мнении. А проводил чистки А. Пельше, ставший руководителем республики.

И.Ю. Насколько я знаю, полемика была очень острой. Например, протесты против строительства Плявиньской ГЭС прошли по всей Латвии. Людей задело то, что согласно проекту гидроэлектростанции должна была быть затопленной природная жемчужина, имеющая и культурно-историческое значение, — часть долины Даугавы. Спустя три десятка лет подробная ситуация повторилась и в России, когда научная и культурная интеллигенция выступила против проекта переброски северных рек в среднеазиатские республики. Тогда протестный потенциал интеллигенции стал одним из ресурсов «перестройки».

Я.У. В Латвии не удалось остановить строительство ГЭС. Кроме того, в связи с развернувшимся промышленным строительством стала резко расти миграция из других советских республик, возникла языковая проблема, латышский язык стал уходить из сферы делопроизводства и образования. Таким образом, фактически происходило нечто противоположное политике «латышизации» времен Улманиса.

И.Ю. Но Улманис изменял законодательство, отдавая предпочтение латышам, а в данном случае вводились единые по всей стране нормы, согласно которым, например, родителям давалось право выбирать, какой язык их детям учить в школе, русский или латышский. И, когда значительное число горожан, стало выбирать русский, латышская интеллигенция забила тревогу. Подобные процессы происходили и в других советских республиках.

Я.У. Ты хочешь сказать, что национальные проблемы в нынешней Латвийской республике – логическое продолжение просчетов советской государственной политики? Что виноваты какие-то «чужие дяди», которых уже давно нет на этом свете? Но это слишком упрощенно. Конечно, историческое наследие влияет на наш выбор, ведь неспроста сказано, что «история – черновик будущего», но всего-навсего только черновик. Выбор остается за нами. Поэтому, когда мы стучаемся лбом в старые проблемы, надо винить самих себя. За просчеты и ошибки Улманиса, руководителей советской Латвии, «национал-коммунистов» мы не должны расплачиваться.

И.Ю. Разумеется. Однако часто приходится расплачиваться и нам.

Я.У. Кто нам мешал в постсоветской Латвии создать новый культурно-политический базис, в котором достойное место занимали бы русская культура и русский язык. С учетом в целом прозападной ориентации республики такое обеспечение на восточном направлении удвоило бы наш экономический потенциал и укрепило бы внутренний порядок. А так получилось, что вместе с осуждением радикального коммунистического реформаторства наши власти радикально отказались от перспектив развития в российском направлении.

И.Ю. Еще не поздно признать ошибку. Кстати, можно ли было представить несколько лет назад, чтобы латвийский министр признал, что «проводимая в течение 20 лет политика в отношении русскоязычных граждан была неправильной»? В феврале 2010 года министр юстиции Марек Сеглиньш сказал следующее: «Если подойти прагматично и оценить последние 20 лет, время независимости, становятся очевидны ошибки, которые допущены в отношениях с русскими. Здесь живет много русских, большинство из которых здесь родились. Это тоже их родина, как и у меня, и они тут будут жить и дальше и никуда не уедут. И жить нам надо вместе. И при этом очень важно, чтобы у этих людей, кто бы они ни были по национальности, было чувство своей родины». Сеглиньш добавил, что с этой политикой «что-то не так пошло». «Многие молодые русские не чувствуют Латвию своей землей, а значит, в политике по отношению к другим национальностям что-то не было правильно».

Я.У. 20 лет ошибочной политики! Сколько потеряно... В Латвии русскому языку придан статус иностранного, а население Латвии – 2,3 миллиона человек, из которых примерно 36 процентов – русскоязычные, в большинстве имеющие статус неграждан. Существует более 80 различий в правах граждан и неграждан, и самое существенное – неграждане не могут участвовать в выборах. Далеко не случайно крупнейший в мире страховой брокер Aon Risk Servises (совместно с консалтинговой фирмой Oxford Analitica), оценивая ситуацию 2009 года, признали, что политические риски в Латвии возросли, а в Литве и Эстонии остались на прежнем уровне.

И.Ю. Западный бизнес подсказывает, что надо делать...

Я.У. Ты часто бываешь в московских продовольственных магазинах? Встречал ли там латвийские молочные продукты? Я что-то не встречал. А вот сметана, сыр, творог из Литвы – сколько угодно. Очень забавно! Может, в этом и отражаются «политические риски»... По-моему, вспоминая людей типа Николова, мы сегодня акцентируем внимания общества не на ошибках пошлого, а на его уроках. Будет в высшей степени смешно, если нынешние латвийские власти будут продолжать вести себя, как ментальные наследники Арвида Пельше!

И.Ю. Ну, не только Пельше. Вспомним и «твердую» руку немецких баронов.

ПРИМЕЧАНИЕ

СУДЬБА НАЦИОНАЛ-КОММУНИСТОВ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

«Ласло Райк, один из самых известных коммунистических деятелей Венгрии, первый министр внутренних дел после войны, позднее министр иностранных дел, был обвинен в предательстве и шпионаже. Во время войны в Испании он командовал батальоном, потом три года содержался во французском пересыльном лагере. Он был убежденным коммунистом с незапятнанной репутацией.

На Западе же его стремились представить как упертого националиста, даже троцкиста. Был организован поток писем из-за рубежа в Венгрию, в которых ему выражалась поддержка именно как националисту и троцкисту. Никто, конечно, не знал, что все письма написаны одним человеком.

Райк был обречен. 3 июня 1949 года его арестовали.

Вместе с ним были осуждены заместитель министра обороны и начальник генерального штаба генерал-лейтенант Георгий Палфи; бывший поверенный в делах Югославии в Венгрии Лазар Бранков, перебежавший к венграм после раскола

между Коминформом и Тито; секретарь ЦК партии по кадрам Тибор Сони; его заместитель Андраш Салаи; полковник Бела Коронци из тайной полиции; заместитель председателя венгерского комитета по радиовещанию Пауль Юстус; партийный работник Милан Огенович.

14 сентября Ласло Райк, Тибор Сони и Андраш Салаи были повешены во дворе будапештской тюрьмы в центре города.

Далее нити «заговора» протянулись к Трайчо Костову, заместителю премьер-министра Болгарии, Владиславу Гомулке, занимавшему в 1948 году пост генерального секретаря польской коммунистической партии, Рудольфу Сланскому, генеральному секретарю коммунистической партии Чехословакии. Все они для Даллеса были опасными противниками, способными укрепить коммунизм в своих странах.

Костов, будучи председателем национальной финансово-экономической группы, на переговорах с СССР добивался лучших условий для Болгарии, отказывался сообщать, какова себестоимость болгарских товаров, хотя «по словам русских, это необходимо им для того, чтобы установить справедливые цены». Костов стремился продать свои товары максимально выгодно. Но кроме «экономического национализма», он выступал за образование Федерации балканских стран, включая Югославию, против чего Сталин решительно возражал. И что еще важно: Костов считался наиболее вероятным преемником сошедшего в Георгия Димитрова.

Костова обвинили в том, что он предал своих «товарищей» во время ареста болгарской полицией в 1942 году, в связях с Интеллидженс Сервис, в троцкистских взглядах, контактах с югославскими раскольниками, подрыве экономических и торговых связей между Болгарией и СССР, в стремлении свергнуть болгарское правительство при содействии югославы. Вместе с ним осудили еще нескольких известных болгарских экономистов.

На суде он отверг все обвинения: «Движимый своей совестью, я считаю своим долгом заявить суду и болгарскому народу, что я никогда не был английским шпионом, никогда не принимал участия ни в каких заговорах, я всегда уважал и чтил Россию».

Его повесили 17 декабря 1949 года в софийской тюрьме.

Владислав Гомулка стал генеральным секретарем Польской рабочей партии во время войны. Он не был так называемым «московским поляком» подобно Болеславу Беруту, постоянно оглядывающемуся на Сталина.

Гомулка был из тех, кто характеризуется польской поговоркой «Поляк не позволит в свою кашу дмухать». По-русски это звучит упрощеннее: «Поляк своей каши не отдаст».

Став генсеком после того, как погибли один за другим двое присланных из России функционеров, кандидаты в генеральные секретари, сброшенные с парашютами, он никогда не чувствовал себя сильно обязанным Москве.

Основу польского сопротивления немцам составляла Армия Крайова (АК), настроенная крайне антисоветски и антирусски. Москва всегда боролась с ней, понимая, что после окончания войны «крайовцы» будут силой, препятствующей распространению ее влияния. За АК стояла многолетняя историческая традиция, приводившая еще короля Владислава в Москву, давшая жизнь Лжедмитрию, Григорию Отрепьеву, польско-казачьим войнам и католической экспансии на Украине и упорной вражде к СССР маршала Пилсудского.

К слову, за всеми восточноевропейцами были свои предания. Но за поляками – наиболее антирусские.

Сталин понимал это очень обостренно. Что он мог им противопоставить? Только интернациональное учение Маркса – Ленина и геополитические интересы СССР? Как бывший семинарист, Сталин еще помнил объединяющий догмат христианства: «Несть ни эллина, ни иудея». То есть польскому, пусть и «красному», национализму не было места в сталинской картине мира.

Гомулка был решительным человеком. Так, он приказал расстрелять нескольких советских солдат, грабивших население, распорядился прекратить демонтаж оборудования в новых землях Польши, отошедших к ней от Германии, и вынудил советских представителей к переговорам, а затем добился компенсации. Гомулка вообще выступал против слиш-

ком сильной привязки коммунистических партий к Москве и даже позволил себе на заседании Коминформа в июне 1948 года в Бухаресте возражать против исключения Югославии из Коминформа. Хотя протест выразился тем, что он не пришел на заседание, все поняли, что хотел показать польский лидер.

Арест не сломил Гомулку. К тому же ему не могли предъявить какого-либо серьезного обвинения. Арестованные его соратники оказались стойкими. Просидев в тюрьме несколько лет, Гомулка вышел на свободу.

Генеральный секретарь компартии Чехословакии Рудольф Сланский, сильный, смелый человек, был твердым сталинистом. Этнический еврей, он был лишен каких-либо националистических пристрастий. Он утверждал, что оппозицию надо уничтожить, «пусть лучшие пострадают десять невинных, чем один враг останется на свободе». Выбросившийся на парашюте в Словакии, он участвовал в партизанском движении, был жестким, решительным и безжалостным руководителем. Тем не менее, Сланский был заподозрен в участии в «заговоре», но еще больше – в «еврейском буржуазном национализме».

Еще недавно СССР поддерживал создание в Палестине государства Израиль, именно чехословаки поставляли израильтянам оружие для борьбы с британскими войсками, и Москва рассматривала борьбу идеологии «как удар по британскому империализму на Ближнем Востоке», который был нанесен силами прогрессивных евреев из России и Польши (К. Эндрю, О. Гордиевский. КГБ. История внешнеполитических операций. М., 1992. С. 419).

Однако расчет Сталина закрепиться на Средиземном море при помощи Израиля не оправдался. Приходилось задействовать более долговременный план сотрудничества с арабами.

Изменение в настроениях советских евреев, энтузиазм, с которым они встречали посла Израиля Голду Меир в Москве на еврейский Новый год 4 октября 1948 года, а самое главное – подспудная угроза получить в лице еврейского слоя элиты «агента влияния» США повернули мнение Сталина о сионизме

на 180 градусов. Теперь сионизм стал частью «широкомасштабного американского заговора с целью подрыва единства социалистического лагеря руками живущих в нем евреев» (К. Эндрю, О. Гордиевский. Указ. соч. С. 420).

И здесь операция Даллеса наложилась на антиссионистские умозаключения Кремля. Следственная машина заработала, выявляя все новых участников дела Сланского.

Тем не менее, Сталин вдруг заподозрил, что не следует торопиться, ведь обвинения могли быть сфальсифицированные.

В Москву прибыл вице-премьер Чехословакии Алексей Чепичка.

Создавшееся положение обсуждалось Сталиным на заседании Политбюро. «Это, возможно, провокация со стороны врага», – сказал он и привел примеры, как «честные члены партии были ложно обвинены арестованными. Чтобы не допустить использования результатов работы следственных органов врагом в своих интересах, необходимо, чтобы эти органы находились под постоянным и строгим контролем; это нужно и для того, чтобы предотвратить распространение настроений недоверия по отношению к руководящим деятелям».

Вспышка интуиции позволила ему проникнуть в замысел операции американцев, но он все еще не понимал, что такая операция существует. Он отослал Чепичку обратно с письмом к Готвальду: «Мы полагаем, как и раньше, что заявления осужденных лиц, не подтвержденные доказательствами, не могут служить основой для обвинений работников, хорошо известных партии своей положительной работой. Поэтому Вы правы, что проявляете осторожность и не доверяете опытным преступникам в том, что касается товарищей Сланского и Геминдера» (С. Стивен. Операция «Раскол». С. 288–289).

Тем не менее, чехословацкая служба безопасности, фактически руководимая советскими советниками, продолжала утверждать, что Сланский – глава заговора с целью государственного переворота.

По указанию Сталина Сланского понизили в должности, он стал вице-премьером, хотя сохранил свое влияние в партии.

Видя, что операция затормозилась, Ален Даллес начал новую акцию: ЦРУ через чешских эмигрантов в Германии стало распускать слух, что Сланский, оскорбленный понижением, собирается перейти в Германию. Также ЦРУ сумело передать советской разведке сообщение о якобы готовящейся американцами переброске Сланского на Запад.

К этой информации в Москве отнеслись серьезно, так как она исходила от считавшегося советским агентом сотрудника чешского отдела ЦРУ в Мюнхене Отто Хауптера. Но на Лубянке не знали, что Хауптер обо всем докладывает своему начальству, то есть он стал агентом-двойником.

В Прагу прибыл личный представитель Сталина Анастас Микоян. Он передал, что Сталин потребовал ареста Сланского.

Однако президент Чехословакии Клемент Готвальд сомневался и попросил доказательство подготовки побега Сланского. Казалось, снова судьба отводит угрозу от невинного. И тут Даллес делает следующий ход для устранения самого твердого сторонника Сталина в Чехословакии.

9 ноября 1951 года в Праге перехватывают письма и сообщения радио «Свободная Европа», развивающие тему предательства Сланского.

В Мюнхене циркулируют слухи о каком-то важном чехе, который перебежит из-за «железного занавеса». Чтобы придать этим слухам большую силу, на американском аэродроме был разыгран любопытный спектакль: каждую ночь туда доставлялись известные чешские эмигранты, ожидавшие прибытия «важного лица». Ночь за ночью они стояли вместе с группой высших американских офицеров в конце взлетной полосы, причем им не говорили, кто именно это «важное лицо». Но они, конечно, догадывались: Рудольф Сланский. Хотя их очень просили не распространяться о бесполезных ночных бдениях, новость быстро распространилась. Об этом позаботился Чарльз Катек – глава службы ЦРУ в Мюнхене и бывший американский военный атташе в Праге. С этого момента в Москве и в Праге

не было больше сомнений относительно того, что следует предпринять (С. Стивен. Указ. соч. С. 298–299).

Все. Точка была поставлена.

23 ноября Сланский наконец арестован, обвинен в шпионаже, подвергнут пыткам. Но он не сдавался. В письме в президиум ЦК он писал: «Я знаю, что мой арест безусловно вызван серьезными причинами, – правда, мне неизвестными. Но в том, что касается подозрений относительно меня, что я совершил какие-то преступления против партии, то они, очевидно, вызваны ужасной ошибкой. Никогда в моей жизни я не предавал партию и не наносил ей сознательно вреда. Я никогда не шел на сделки с врагом.

Я хотел бы просить вас об одной милости: не осуждать меня заранее как врага. Я не враг. Я твердо уверен, что вы убедитесь в несостоятельности выдвинутых против меня обвинений».

Вскоре он понял, что все попытки объясниться бесполезны. У него не оставалось сил сопротивляться. Несколько раз он от боли терял сознание. В минуту отчаяния повесился на оконной раме, но врачи вернули его к жизни.

Он был сломлен.

В Чехословакии были арестованы сотни людей, знавших Сланского.

Он признал себя виновным по всем четырем пунктам обвинения: в шпионаже, государственной измене, саботаже и в военном предательстве.

Всего в круговорот операции попали около 100 тысяч человек в Венгрии, Болгарии, Румынии, Польше, Чехословакии, Восточной Германии, Албании. Около тысячи из них были казнены. Коммунистическим кадрам был нанесен небывалый удар.

Сланский и с ним еще одиннадцать человек были повешены 3 декабря 1952 года, их трупы сожжены, а мешок с прахом выброшен где-то на окраине Праги» (С. Рыбас, Е. Рыбас. Сталин. Судьба и Стратегия. М., 2007. С. 537–542).

КРИЗИС ВЛАСТИ В СССР. ПРИБАЛТИКА КАК «ЛАБОРАТОРИЯ ПЕРЕСТРОЙКИ»

После кончины Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева (ноябрь 1982 г.) и краткого периода пребывания у власти Ю.В. Андропова и К.У. Черненко руководителем СССР стал М.С. Горбачев, на плечи которого лег тяжелый груз реформирования страны.

Здесь уместно вспомнить, как в Западной Европе оценивалось положение Советского Союза. Так, в конце 1981 года на пленуме Итальянской коммунистической партии было принято постановление, по сути подводившее итог советского проекта: революционный импульс Октябрьской революции иссяк, СССР и социалистические страны утратили способность к развитию.

Мог ли Советский Союз не погибнуть? Его распад не был предопределен, но путь спасения заключался в изменении стратегии. Даже престарелый Брежнев в узком кругу говорил, что «уже 30–40 лет империализм другой, а мы все ведем свою политику, будто ничего не меняется». Но нельзя сказать, что руководство было полностью невосприимчиво к переменам. Во время чехословацкого кризиса 1968 года, афганского (1979), польского (1980) в Политбюро и Генштабе высказывались мнения о непродуктивности жестких методов управления. Также было понимание, что СССР «взять Польшу на иждивение не может». Колоссальная нагрузка военных расходов уже осознавалась как неприемлемая. Огромная советская экономика (вторая в мире) могла осуществлять любые великие проек-

192

ты, но вошла в противоречие с потребностями изменившегося общества. То, что оно выросло на основе достижений советского социализма, делало дальнейшее развитие драматическим: ему следовало отвергнуть своего родителя.

Великая революция, создав великое государство, продолжала воздействовать на массы, утверждая этатистское миропонимание. С другой стороны, повседневная жизнь с ее постоянными нехватками, лживостью пропаганды, ненужными ограничениями и жертвами была по этому миропониманию и требовала нового. Старая, сложившаяся при Сталине, система экономических связей, созданная в период индустриализации, изжила себя. Но, как и в 30-е годы, по-прежнему царили валовые показатели, оплата труда зависела от объемов добытого угля или выплавленного металла, а интеллектуальная и научная деятельность не входили в систему оценок трудовой деятельности человека. Ученых могли щедро наградить, могли силой принудить к активной работе, но не случайно Сталин лично занимался в «ручном режиме» вопросами научно-технического развития страны: внятного метода стимулирования интеллектуальной элиты не существовало. В конце концов, требования научно-технического развития поставили перед руководством вопрос о пересмотре старых показателей эффективности. Как заинтересовать образованных, творчески активных людей, чей труд в целом оценивался низко, работать с полной отдачей?

Впервые вопрос об неадекватности существующей экономической практики был поставлен, как мы знаем, в Прибалтике.

В течение многих лет в Советском Союзе росли формы общественного потребления – бесплатное жилье, здравоохранения, образование, дешевая электроэнергетика и т.д. К 80-м годам

их объем в потребительской корзине превысил пятьдесят процентов. Наступил предел разумности такого потребления: больше половины произведенного национального дохода распределялось бесплатно. Это означало, что заработная плата перестала быть основным мерилем жизненного уровня. Люди утрачивали стимул хорошо работать. Такая практика в первую очередь была по наиболее способным и активным. Поэтому уже в последующие годы брежневского периода в Госплане созрело понимание, что от уравнительной системы оплаты труда необходимо переходить к дифференцированной, а также в дополнение к государственному сектору создать частный. Предлагалось, разрешить создание частных предприятий прежде всего «в сфере услуг и торговли, легкой промышленности, в передовых ресурсосберегающих отраслях, тесно связанных с научно-техническим прогрессом. Здесь новый сектор путем конкуренции быстро вытеснил бы нерентабельные госпредприятия». (В.С. Павлов. Упущен ли шанс? Финансовый ключ и рынки. М., 1995. С. 43).

Первый шаг в этом направлении был сделан в июле 1982 года, когда Брежнев подписал постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР о введении новых цен на хлеб. С 15 января 1983 года вдвое повышалась цена на хлеб и соответствующим образом увеличивались заработные платы. Население ничего не теряло, но более высокооплачиваемые фактически получали бы значительную прибавку. К тому же дотационное зерновое производство становилось рентабельным и должно было вытянуть и мясомолочную отрасль. Активно отстаивал это постановление М.С. Горбачев, бывший тогда секретарем ЦК КПСС по сельскому хозяйству.

10 ноября 1982 года умер Брежнев. Генеральным секретарем ЦК КПСС был избран 68-летний Ю.В. Андропов, ко-

194

торый победил в конкуренции с 71-летним К.У. Черненко, ближайшим сотрудником Брежнева. Горбачев, демонстрируя новому руководителю свою лояльность, посоветовал Андропову отложить повышение «хлебных» цен, чтобы не связывать начало деятельности со столь радикальной реформой. «Он, конечно, не мог думать в 1982 году, что собственными руками подрубает будущую перестройку». (В.С. Павлов. Там же. С. 71).

Возглавив страну, Горбачев предпринял ряд мер, которые, как вскоре оказалось, не решали главной проблемы.

На XXVII съезде КПСС была принята новая редакция партийной Программы, в которой основной упор делался на ускорение социально-экономического развития страны. Было заявлено об удвоении экономического потенциала СССР к 2000 году, достижении к 1990 году мирового качества продукции машиностроения.

Однако в действительности положение было критическим. За последние 15 лет было восемь тяжелых неурожаев, потери собранного зерна превышали 13,5 процента, низкие закупочные цены не обеспечивали получения прибыли и не стимулировали развития сельского хозяйства. Рождаемость снизилась на 25 процентов, смертность увеличилась на 15 процентов, резервы пополнения рабочей силы иссякли. В два раза упала производительность труда. Темпы экономического роста снизились с 8,4 процентов (конец 1960-х) до 3,5 процентов (начало 1980-х). Страна утратила ресурсы позитивного развития.

Главным мотором «ускорения» должна была стать обрабатывающая промышленность (в противовес экономике прошлого периода). Требовалось создать новые технологические комплексы в народном хозяйстве и за счет производства новых

товаров ликвидировать товарный голод на внутреннем рынке и выйти на внешние рынки. В чем-то это напоминало политику польского руководства в 70-е, закончившуюся провалом.

Новое руководство предполагало быстро добиться подъема, но оказалось, что плановая система, основанная на стопроцентном госзаказе и директивном распределении ресурсов, утратила жизнеспособность. В 1985 году в одном из институтов Академии наук СССР был подготовлен доклад «На пороге третьего тысячелетия (Глобальные проблемы развития СССР)», в нем были представлены результаты компьютерного моделирования мирового развития на период 1980–2000 гг. и далее. В отличие от зарубежных прогнозов, которые предсказывали благополучное существование СССР в следующем веке, данный доклад называл временной отрезок «1990–2000» кризисным. В связи с падением темпов экономического роста (до 2 процентов в год), увеличением стоимости добываемых энергоресурсов и низким качеством научно-технического развития СССР не мог обеспечивать свой импорт зерна за счет увеличения экспорта энергоресурсов. Следовательно, иссякал источник дотаций союзным республикам (50 млрд долларов), а также на поддержку стран социалистического лагеря и развитие ВПК. Разработчики доклада представили сценарий ускоренного развития СССР, при котором темпы роста поднимались до 5,5 процентов в год. Для этого требовалось провести реформы хозяйственного механизма, введение конкуренции и рыночное регулирование. Однако руководство страны не восприняло всерьез предупреждения ученых.

В 1985 году началось обвальное падение мировых цен на нефть. Валютные поступления СССР, позволившие поддерживать стабильность, уменьшились в три раза. В 1986–1988 годах бюджет потерял около 40 млрд долларов, экспорт советского оружия снизился на 2 млрд долларов.

К этому периоду относится начало резкой общественной активности в Прибалтике. Так, благодаря острой общественной дискуссии было отменено строительство Даугавпилсской ГЭС. В октябре 1986 года на конференции представителей общественности США и СССР старший советник американского президента по вопросам Советского Союза Дж. Мэтлок поразил всех, заявив, что США по-прежнему не признают вхождение Латвии в состав СССР. Это означало демонстрацию прямой поддержки крупнейшего государства западного мира латвийскому протестному движению. После этого при молчаливом согласии либеральной части горбачевского окружения в республике развернулись массовые митинги и демонстрации, приуроченные к памятным датам латвийской истории – годовщине депортации 1941 года, годовщине подписания пакта Молотова – Риббентропа, годовщине провозглашения независимости в 1920 году. Во всех прибалтийских республиках были организованы Народные фронты. Народный фронт Латвии, куда входили самые разные слои общества, от коммунистов-реформаторов до крайних националистов, поддерживало примерно 65 процентов всего населения республики.

Москва оказалась меж двух огней. С одной стороны, Горбачев считал Прибалтику «лабораторией перестройки» и многое происходившее там не выходило за рамки дозволенной демократизации, но с другой стороны – ситуация быстро радикализировалась, раскалывая общество и угрожая целостности СССР. Так, возникло Движение за национальную независимость Латвии и несколько еще более радикальных организаций, членов которых уже не устраивала умеренная позиция Народного фронта. Постепенно все отчетливее становилась позиция новых политических лидеров: достижение независимости ненасильственным парламентским путем.

Между тем экономическое положение СССР ухудшалось.

Чтобы увеличить объем ресурсов, обратились к бюджетному заимствованию: союзный бюджет в 1988 году был сверстан с дефицитом в 60 млрд рублей, стала нарастать инфляция. Пришлось обратиться к зарубежным займам. К 1990 году государственный долг составлял 400 млрд рублей (44 процента ВВП).

Увеличилось давление на бюджет из-за государственных дотаций для поддержания низких розничных цен на основные продукты питания. В 1989 году доля дотаций на продовольственное потребление составляла около трети расходной части бюджета.

Компенсировать падение нефтегазового экспорта продукцией машиностроения СССР не мог, так как конкурентноспособными были всего 12 процентов изделий машиностроительного сектора. При этом в 1986–1989 годах безвозмездная помощь зарубежным странам достигла 60 млрд рублей. Расходы на войну в Афганистане в 1987 году составили 5,4 млрд рублей. Валютные же поступления в 1987 году равнялись 25 млрд долларов (1 рубль – 0,6 доллара США).

Власти оказались перед драматическим выбором: требовалось резко сократить военные расходы, снизить поставки дешевых нефти и сырья в страны СЭВ, повысить цены на продукты питания, перейти на карточную систему, сократить капитальные вложения и сократить закупки технологического оборудования на Западе. Но это означало бы моральный крах власти, сопротивление региональных руководителей, забастовки и более острые протесты.

В 1989 году разразился валютный кризис. В начале 1990 года Внешэкономбанк СССР прекратил платежи иностранным фирмам за поставку в СССР товаров цветной и черной метал-

лургии. 16 июня, выступая в Железноводске, Горбачев опрометчиво высказался о возможности пролонгировать возвращение внешних долгов. Это мгновенно отразилось на западных рынках. Банк Англии занес СССР в «черный список» ненадлежащих должников. Кроме того, большинство западных стран стали увязывать предоставление кредитов «со скорейшим принятием в Советском Союзе реальной программы перехода к рыночной экономике с четким распределением компетенции центрального правительства и союзных республик»

Это был первый звонок Москве, предупреждавший, что Запад не будет церемониться в случае ослабления СССР.

В январе 1990 года страны СЭВ перешли на взаиморасчеты в долларах (на этом советский мировой экономический проект закончился), товарооборот резко сократился и отлаженная система промышленной кооперации стала разваливаться. Одновременно быстро разбухали денежные накопления населения в связи с неудовлетворенным спросом на товары народного потребления. На начало 1990 года у населения было на руках около 110 млрд рублей. Из 989 видов товаров в относительно свободной торговле находились лишь 11%. Из продажи исчезли телевизоры, стиральные машины, мебель, ученические тетради, карандаши, клеенки, лезвия для бритвы, мыло, стиральный порошок.

Цепь непродуманных решений усугубляли финансовые проблемы государства. Сокращение производства спиртных напитков (в 1985 году продажа водки составляла 24 процента в товарообороте), принятие закона «О кооперации», позволяющего государственным предприятиям бесконтрольно переводить деньги из безналичного обращения в наличное, разбалансировали финансовую систему.

Получившие большие права предприятия поднимали цены на свою продукцию, а коммерческие банки (их было создано свыше тысячи) бесконтрольно обналичивали деньги, выводили их из-под государственного контроля. Через коммерческие банки ежегодно «отмывалось» 70–90 млрд рублей. Через них «теневая» экономика, где тогда работало около 15 млн человек, получила возможность быстро легализоваться. На заседании Политбюро 29 января 1990 года председатель правительства Н.И. Рыжков сказал, что в Верховном Совете действуют лоббисты «теневой экономики», «Собчак и прочие “хорошо говорящие”», и заявил, что переток денег из безналичного расчета в наличный «создает мощную инфляцию». (В Политбюро ЦК КПСС. По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991). М., 2008. С. 583).

Шахтерские забастовки 1989 года поставили советское руководство в безвыходное положение: рабочие потребовали кардинального улучшения снабжения товарами, но власть могла только поднять заработную плату, что еще больше разгоняло инфляцию и обостряло проблему дефицита.

СССР остро нуждался в новых источниках финансирования. Кризис платежей по внешнему долгу, а также растущее недовольство населения заставляли горбачевскую группу искать нетрадиционные решения. Была начата кампания сокрушения «противников перестройки» в лице руководителей плано-распределительных органов (министров, старых членов ЦК, региональных руководителей). Были объявлены курс на «демократизацию» и «гласность». Горбачев считал, что необходимо дать «низам» право контроля над «верхами», и это приведет к устранению бюрократических «пробок». Шахтерам в Донецке он сказал: «Огонь по штабам. Вы начинайте снизу, а

200

мы поможем». Он надеялся, организовав давление со стороны населения, преодолеть отторжение реформ значительной частью партийной элиты. Однако «низы» обратили свой гнев на всю государственную систему. Неожиданно для всех по стране прокатились волнения и погромы на национальной почве – в Узбекистане, Казахстане, Грузии, Армении, Азербайджане.

Национальные элиты со всевозрастающей тревогой (и надеждой) наблюдали за происходящим в Москве и Прибалтике.

После XIX партийной конференции (июнь 1988 года) перемены резко ускорились. Началась политическая реформа, которая должна была привести к слому существующего порядка управления и созданию новой системы власти. Отныне, как сказал на конференции Горбачев, во главе системы должна была стоять не партия, а «Совет народных депутатов как орган народовластия». Первые секретари райкомов, обкомов, ЦК должны были пройти через альтернативные выборы, чтобы возглавить Советы соответствующих уровней. Горбачев предупредил, что партия больше не будет пребывать «в условиях идеологического комфорта».

В марте 1989 года прошли альтернативные выборы народных депутатов СССР, но многие партийные руководители не были избраны.

На выборах в Латвии представители Народного фронта получили подавляющую поддержку избирателей республики, набрав 80 процентов голосов. Большинство нелатышей (примерно 60 процентов) поддержало НФЛ, т.к. его позиция по национальному вопросу их устраивала.

На первом Съезде народных депутатов сформировалась оппозиционная идейно сплоченная и интеллектуально сильная Межрегиональная депутатская группа (МДГ). В нее входили академи-

ки А. Сахаров, Ю. Рыжов, адвокат А. Собчак, бывший первый секретарь Свердловского обкома партии и бывший кандидат в члены Политбюро Б. Ельцина и др. Деятельность МДГ Горбачев оценивал как разрушительную: «Эмиссары межрегиональной группы, фактически сложившейся уже в партию, начали сновать по стране, подстрекать к забастовкам железнодорожников и рабочих других отраслей. Это был в полном смысле слова удар в спину, сыгравший роковую роль в судьбе перестройки». (М.С. Горбачев. Жизнь и реформы. В 2-х книгах, М., 1995. Кн. 1. С. 461).

На внеочередном Съезде народных депутатов СССР (март 1990 год) была отменена 6-я статья Конституции, законодательно закреплявшая руководство КПСС. Тогда же Горбачев был избран съездом Президентом СССР. Фактически произошло то, что вскоре получило название «самоубийство КПСС»: не создав действительно новой системы власти, она демобилизовалась. Это можно сравнить с отречением от престола Николая II. Но в случае с Горбачевым страна не находилась в длительной мировой войне, не было никакого непримиримого конфликта интересов в обществе и не было никакой «революционной ситуации». (Афганская война была болезненным, но локальным явлением).

Как только КПСС стала уступать власть, она превратилась в живой труп, от которого надо скорее избавиться. Последовали односторонние решения прибалтийских республик о создании независимых национальных государств. Началось повальное бегство республиканских элит от центра, который представлялся источником слабости.

По результатам выборов в марте 1990 года в Верховный совет Латвии НФЛ получил 131 мандат, а противостоявший ему Интернациональный фронт – 57 мандатов. 4 мая Верховный совет Латвии принял Декларацию о независимости.

Вслед за этим процесс распада СССР стал идти лавинообразно. 12 июня 1990 года Съезд народных депутатов Российской Федерации принял декларацию о государственном суверенитете России и верховенстве российских законов. Борис Ельцин был избран председателем Президиума Верховного Совета РСФСР. В СССР началось двоевластие. Российские власти первыми начали рыночные реформы, приняли ряд постановлений, ограничивающих действие законов СССР на территории РСФСР. Особенно сильный удар получила союзная финансовая система после того, как российское руководство решило ограничить поступление налогов в центральный бюджет. С этого момента распад СССР был неизбежен. Вслед за Россией декларации о независимости приняли 20 июня Узбекистан, 23 июня – Молдавия, 16 июля – Украина, 27 июля – Белоруссия. Карелия объявила о суверенитете 10 августа, затем Татарстан, Башкортостан, Бурятия, Абхазия. Положение союзного руководства усугублялось с каждым днем. Оно в глазах общественности превратилось в реакционеров, не желающих улучшить жизнь народа либеральными реформами. Авторитетные представители интеллигенции выступили на стороне Ельцина, который в глазах большинства стал выразителем национальных интересов России. Ельцин обещал директорам предприятий снизить налоги, если они перейдут «под знамена России»

В мае 1990 года председатель правительства СССР Н.И. Рыжков на сессии Верховного Совета СССР представил Концепцию контролируемого перехода к рыночной экономике, постепенного отказа от дотаций на продукты питания. С огромным опозданием власть стала делать то, что было остановлено Горбачевым после избрания Андропова Генеральным секретарем ЦК КПСС. Однако было уже поздно. Односторонняя информация

о повышении цен была использована против союзного правительства, которое было объявлено «антинародным». Осенью 1990 года Верховный Совет РСФСР принял решение о его отставке.

Дальнейшие события имеют прямое отношение к процессу обретения Латвией независимости.

Испытывающая колоссальные трудности советская экономика требовала избавления от чрезмерного давления военных расходов. В ноябре 1985 года в Женеве состоялась встреча Горбачева и президента США Рейгана, где было согласовано, что «ядерная война недопустима и в ней не может быть победителей», что «стороны не будут стремиться к военному превосходству друг над другом». Однако уже на следующей встрече в Рейкьявике (1986) Горбачев пошел на уступки, которые затем продолжались вплоть до распада СССР. Анализируя ситуацию, Е. Гайдар (первый вице-премьер в правительстве Ельцина в 1992–1994 годах) рисовал печальную картину: «Лишь зная остроту экономических проблем, с которыми столкнулся Советский Союз к 1988 г., можно понять инициативу Президента Горбачева о сокращении вооружений, соглашение советского руководства на несимметричное сокращение войск в Европе, на заключение соглашения по ракетам промежуточной дальности, практически идентичного тому, которое предлагало НАТО». (Е.Т. Гайдар. Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2008. С. 291).

Что в реальности могло сделать советское руководство? Начальник Генерального штаба СССР маршал С.Ф. Ахромеев так оценивал обстановку: «...Те, кто знал действительное состояние нашего государства и его экономики к середине 80-х годов, понимали, что во внешней политике Советского государства не могло не произойти крупных изменений. Продолжать политику

204

противостояния с США и НАТО после 1985 года Советский Союз не мог. Экономические возможности для такой политики были практически исчерпаны. При продолжении гонки вооружений и противоборства с Западом он неизбежно столкнулся бы через три-пять лет после 1985 года с не менее острым кризисом в экономике, чем сегодня, но в неизмеримо худшей для него международной обстановке». (С. Ахромеев, Г. Корниенко. Глазами маршала и дипломата. М., 1992. С. 314–315).

Однако снижение военных расходов не могло сразу укрепить экономику, требовались срочные кредиты. А за них в итоге пришлось заплатить высокую цену. Как свидетельствует бывший посол США в СССР Дж. Мэтлок, Горбачев на встрече с президентом США на Мальте (ноябрь 1989 г.) заверил, что Москва не будет использовать войска для сохранения существующих режимов в Восточной Европе.

После Мальты крах социалистических правительств в странах Варшавского договора произошел в два месяца. Канул в лету и Варшавский договор, грозный противник НАТО. Но этим дело не ограничилось. «Руководство СССР получает однозначные сигналы: хотите экономической помощи – соблюдайте права человека, не злоупотребляйте силой. Но что значат для политико-экономической системы, в основе стабильности которой всегда была готовность к неограниченному применению насилия против собственного народа, подобные советы? Они равнозначны требованию ее ликвидации». (Е.Т. Гайдар. Там же. С. 296).

Показательно, что США дали знать прибалтийским политикам, что не будут признавать независимости Литвы, Латвии, Эстонии, но одновременно предупредило Горбачева, что применение силы приведет к непоправимым последствиям в отношениях с Западом. По сути это означало, что руководству

СССР был предъявлен ультиматум: мы даем вам кредиты, вы демонтируете свою систему. Понятно, почему через Верховный Совет СССР было быстро проведено решение, осуждавшее заключенный в 1939 году пакт Молотов–Риббентроп и секретные приложения к нему, разделившие Восточную Европу на зоны влияния. Руководство СССР шло к демонтажу мировой социалистической системы.

Сам Горбачев на заседании Политбюро 22 января 1990 года признался: «... теперь мы в ситуации “Брестского мира” № 2. Если не справимся, нам грозит... что отхватят опять полстраны». (В Политбюро ЦК КПСС... С. 581).

В апреле 1989 года во время разгона антиправительственного митинга в Тбилиси в узком пространстве, ограниченном грузовиками, произошла давка, погибло 12 человек. Грузинскими оппозиционерами была выдвинута версия, будто люди погибли от ударов саперными лопатками, нанесенными солдатами, охранявшими правительственное здание. Оперативные видеоматериалы опровергали это. Тем не менее, в прессе была развернута пропагандистская компания, в убийстве невинных людей обвиняли «реакционные силы» в Москве и руководство армии. Горбачева не трогали, считалось, что он ничего «не знал». На самом же деле именно Горбачев одобрил ввод войск в Тбилиси для наведения порядка. (Ф.Д. Бобков. КГБ и власть. М., 1995. С. 343). Несмотря на представленные КГБ факты, комиссия Верховного Совета РСФСР под руководством А.А. Собчака приняла решение, осудившее армейское руководство за жестокое применение силы. После этого армия была дискредитирована. Представители МДГ заявили, что она – источник опасности военного переворота.

Доверие к власти резко падало. К лету 1990 года КПСС не доверяли 72 процента населения СССР.

Кульминация стратегического отступления СССР произошла на переговорах Горбачева с западными политиками по поводу объединения Германии. Президенту СССР давались обещания, что после объединения ГДР и ФРГ НАТО не будет распространять свое влияние на Восток. Дж. Бейкер, государственный секретарь США, в беседе с Горбачевым 9 февраля 1990 года говорил: «Мы считаем, что консультации и обсуждения механизма “два плюс четыре” должны дать гарантии того, что объединение Германии не приведет к распространению военной организации НАТО на восток». («Независимая газета». 19.03.1997). Подобные заявления делали канцлер ФРГ Г. Коль, премьер-министр Великобритании Дж. Мейджор, министр иностранных дел Великобритании Д. Херд. Советское руководство ограничилось этими словесными заявлениями и не имело твердости их документально закрепить. Впоследствии обещания были дезавуированы, в НАТО были приняты все бывшие члены Варшавского договора. Кроме того, СССР, как того требовали Соединенные Штаты, прекратил поддерживать своих союзников в Латинской Америке, Афганистане.

«Брест-2» завершился.

Какую же цену заплатил Запад за ликвидацию своего противника? «Кредиты и гранты ФРГ за согласие на объединение Германии, итальянские связанные кредиты, американские зерновые кредиты – это, если вспомнить о цене вопроса, немного». (Е.Т. Гайдар. Там же. С. 295).

Теперь вернемся в Латвию. Что мы видим? С одной стороны она юридически независима, а с другой – по-прежнему находится в СССР, на ее территории стоят войска Прибалтийского военного округа, действуют политические организации, не признающие объявленной независимости.

Латвийское общество явно раскалывалось, и в атмосфере чувствовалось приближение гражданского противостояния. Россия в лице председателя Верховного совета РСФСР Б.Н. Ельцина открыто поддерживала процесс обретения независимости прибалтийскими республиками, однако западное руководство на данном этапе предпочитало поддерживать Горбачева, добиваясь решения важнейших для себя вопросов в сфере обеспечения международной безопасности. Под этим углом зрения на первое место вышла проблема сохранения управляемости Советского Союза и контроля Кремля над ядерным вооружением, которое в случае дезинтеграции СССР могло оказаться в руках экстремистов.

В этой обстановке Верховный совет Латвии продолжал осуществлять мирное продвижение к обеспечению реальной независимости, были приняты законы о земельной реформе, об акционерных обществах, о свободной продаже и покупке валюты, об отмене ограничений для иностранцев свободно перемещаться по территории республики и другие. Стала создаваться таможня. 21 июля 1990 года, в день провозглашения Советской власти в Литве и Латвии президиум Верховного Совета Литвы опубликовал заявление, в котором этот день был назван «днем обиды, позора и несчастья». Верховный Совет Латвии объявил декларацию Сейма «О вступлении Латвии в состав СССР» не имеющей силы с момента ее принятия.

Но без крови не обошлось.

12 января 1991 года подразделения внутренних войск и спецподразделения КГБ СССР взяли штурмом здание Вильнюсского телевидения, захватили Дом печати – крупнейшее партийное издательство и типографию, а также полицейскую академию. В вооруженном противостоянии погибло 14 человек, было ранено 110.

Известие об этом событии взбудоражило весь Советский Союз. 13 января Б.Н. Ельцин срочно прибыл в Таллин, чтобы подписать двусторонние договоры России с прибалтийскими республиками и ликвидировать угрозу военного конфликта.

В тот же день в Латвии на улицы вышло полмиллиона человек, протестуя против насилия и предупреждая от попыток повторить его в республике. Улицы Риги были заблокированы тракторами, грузовиками и строительной техникой; строились баррикады.

Одновременно с этим ЦК КПЛ потребовал распустить Верховный Совет и передать власть Вселатвийскому комитету общественного спасения. Отряд Рижского ОМОНа атаковал баррикады, во время перестрелки погиб один человек.

20 января омовцы штурмовали министерство внутренних дел, погибло пять человек.

Положение несколько успокоилось после того, как Ельцин выступил в Москве по центральному телевидению по поводу событий в Прибалтике и предложил президенту СССР Горбачеву уйти в отставку.

Тем не менее, в мае было совершено нападение Рижского ОМОНа на пять таможенных постов Латвийской республики на границе с Литвой и Эстонией. Ситуация в любой момент могла выйти из-под контроля.

Янис Урбанович. Очевидно, что дезинтеграция такой огромной державы, как Советский Союз, не могла пройти безболезненно. Вопрос заключался только в том, какая цена будет за это заплачена. Трагическая судьба Югославии, где распад государства закончился гражданской войной, показывает, по какому пути мог двинуться политический процесс в СССР.

Игорь Юргенс. Если бы не заговор высшей советской номенклатуры с целью смещения Горбачева в августе 1991 года, который закончился провалом, то неизвестно, в какую сторону развивались бы события. Однако оказалось, что силовой, мобилизационный потенциал реформирования общества, используемый в России после 1917 года, уже иссяк. Население не поддержало введения чрезвычайного положения, отвергло применение силы как способ преодоления конфликтов. Советская история завершилась.

Теперь Прибалтика могла спокойно осуществлять суверенное государственное строительство без опасения, что оно будет жестоко подавлено.

Но как всегда бывает после прихода к власти новой элиты, среди победителей начинается противостояние. Не миновала сия чаша и Латвию. В парламентской фракции НФЛ произошел раскол, либеральная и радикальная группы не нашли общего языка в вопросе гражданства республики. Были отменены ранее принятые в программе НФЛ принципы признания латвийского гражданства за всеми жителями республики, проживающими здесь не менее десяти лет. В октябре 1991 года было принято постановление Верховного совета, согласно которому гражданами Латвии могли стать лица, имевшие гражданство на 17 июня 1940 года и их потомки. Те, кто не попадал в эту категорию, становились «негражданами». Так фактически были преданы и активные участники НФЛ, нелатыши по национальному признаку, которые внесли большой вклад в обретение Латвией независимости. Как прямо сказано в книге «История Латвии. XX век», после этого «возросло отчуждение нелатышей от государства».

ПЕРВЫЕ ПРИЗНАКИ ОФИЦИАЛЬНОГО ПРИЗНАНИЯ ОШИБОК

Одна из самых острых проблем современной Латвии – демографическая. Население – 2276282 человека (01.01.2008). В действительности численность населения меньше, так как многие латыши не уведомляют власти о своем переезде на жительство в Западную Европу.

Начиная с 1992 года, происходит неуклонное сокращение численности населения, обусловленное как превышением смертности над рождаемостью, так и значительной иммиграцией (в 90-е года в основном в Россию, Беларусь и на Украину, в нынешнем тысячелетии – в основном в Ирландию, Великобританию, скандинавские страны).

Этнический состав на начало 2008 г.: латыши – 59,1% (включая латгалов – 15%), русские – 28,0%, белорусы – 3,7%, украинцы – 2,5%, поляки – 2,4%, литовцы – 1,4%, другие – 2,9%. При этом Латвия официально считается латышским национальным государством (для сравнения, русских в России 81% населения, но официально Россия считается многонациональной страной).

Языковой состав: латышскоязычные – 63%, русскоязычные – 36%, другие – 1%. Официальный язык – латышский. Законодательно языком национального меньшинства является только ливский язык (менее 200 ливов в Латвии на 2008 год). Русский, польский и другие языки считаются иностранными языками.

Религиозный состав: лютеране, католики, православные (крупнейшая религиозная конфессия Латвии по числу членов религиозных общин), старообрядцы, небольшие группы иудеев и мусульман.

Латгальская проблема: около 15% жителей Латвии являются латгалами. Однако в Латвии латгалам официально запрещено так именоваться (при переписи населения насильственно записывают латышами, чего нет, например, в России), а латгальский язык объявлен исторической разновидностью латышского языка и не признается в качестве самостоятельного. Основная причина: признание латгалов самостоятельным народом ставит под сомнение этноязыковую политику латышских правящих партий, считающих Латвию не двухобщинным или многонациональным государством, а «латышским национальным государством» (тогда латышей в Латвии окажется меньше половины).

Проблема неграждан. На начало 2008 года 372 тысячи жителей Латвии или 16,4% населения были так называемыми «негражданами Латвии». Они не являются гражданами ни одного государства, однако и апатридами (к каковым они относятся согласно правовым актам ООН) власти Латвии их признать отказываются. После получения независимости, 15 октября 1991 года, латвийское гражданство было предоставлено только гражданам Латвии на июнь 1940 года и их прямым потомкам. Около трети жителей страны оказались без латвийского гражданства. Статус «негражданина Латвии» был создан в 1995 году. Несмотря на то, что неграждане Латвии могут натурализоваться (не все, значительная часть лишена права на натурализацию), многие из них отказываются это делать, считая, что в 1991 году их незаконно лишили гражданства. Число неграждан сокращается, однако медленно и в первую очередь за счет смертности и им-

212

миграции. После предоставления негражданам права безвизового проезда по странам Шенгенского соглашения и отменой Россией визового режима для неграждан, число желающих натурализоваться, стремительно сокращается.

После вхождения нынешней латышской территории в состав Российской империи, сюда мигрировало большое число русских рабочих, торговцев, чиновников, но особенно поток переселенцев усилился с началом индустриализации после Второй мировой войны. Одновременно война и депортация значительно повлияли на численный и национальный состав населения. Так, 120 тысяч латышей-коллорабационистов ушли вместе с отступающими войсками вермахта, в послевоенный период десятки тысяч людей были депортированы. В результате последний полувековой период в составе СССР воспринимается в республике болезненно, поскольку поколение пострадавших от советской власти не ушло из жизни, многие из депортированных и их потомки стали идеологами и главной движущей силой постсоветских преобразований, заняли важные государственные посты и требуют возврата собственности. Число таких лиц превышает 100 тысяч. Уже во времена перестройки и создания Народного фронта виновниками всех бед Латвии и латышского народа, того, что он стал чуть ли не меньшинством в собственной стране, и ему грозит полное исчезновение, были объявлены мигранты – люди, приехавшие в страну для участия в развитии промышленности, работы на стройках, а также специалисты и чиновники. Это обвинение стало одним из основных лозунгов при сплочении Народного фронта Латвии. После развала СССР, пользуясь поражением Интерфронта и деморализацией некоренного населения, при-

шедшее под национальными лозунгами к власти новое руководство страны фактически возложило вину за оккупацию не на тоталитарный режим, а на «мигрантов», наказав их лишением гражданских прав и рядом других дискриминационных мер. Параллельно велась целенаправленная пропаганда, в ходе которой неуклонно во всех инвективах по поводу преступлений советской власти понятие «советский» подменялось понятием «русский», а «СССР» – «Россией». Запугивание Россией как страшной угрозой самому существованию Латвии стало краеугольным камнем той идеологии, которой определялась и оправдывалась вся внутренняя и внешняя политика. С момента начала процесса натурализации (1995 г.) гражданство получили лишь 60 тыс. человек. Не устранены различия в социальных правах, запреты на профессии для неграждан. Существует более 80 различий в правах граждан и неграждан, самое существенное – неграждане не могут участвовать в выборах.

Из-за сложных межнациональных отношений в Латвии русскоязычное население было вытеснено из политических процессов и лишено возможности работать в государственных и муниципальных организациях. В результате более половины всех предпринимателей в Латвии составляют представители российской диаспоры. Другой сферы деятельности для активной и продвинутой части населения из этой общины просто не существовало. Сейчас такое положение вызывает большое беспокойство у представителей титульной нации, но изменить ситуацию силовыми методами уже нельзя, поскольку демократические процессы носят необратимый характер. (Возможна аналогия со средневековой Европой, когда в связи с запретом католической церкви на занятие ростовщичеством этот сектор экономики почти полностью оказался в руках еврейских финансистов.)

Лишение большого числа постоянных жителей (неграждан) права посредством выборов обеспечивать представление своих интересов в государственной политике приводит к созданию серьезного напряжения в обществе. Возникает искаженная картина общественного интереса, в то время как большинство правящих элит обеспечивает себе привилегированные условия. Местные элиты опасаются, что уменьшение числа неграждан приведет к перестройке политической структуры и утрате собственных политических позиций.

Значительную проблему и повод для серьезного беспокойства составляет свертывание преподавания на русском языке. Перспектива утраты даже ныне существующих возможностей получения образования на родном языке, вызывает все большую озабоченность и чувство протеста у русскоязычного населения. В 1999 году был закрыт последний латвийский вуз, где велось преподавание по-русски. Сокращается число школ и предметов, которые преподавались на русском языке.

Весной 2010 года министр юстиции Латвии Марек Сеглиньш сделал в интервью радиостанции Baltcom поразительное признание: проводимая в течение 20 лет политика в отношении русскоязычных граждан ошибочна. По его словам, у этой категории граждан должно быть чувство своей родины. Эксперты не исключают, что из-за финансового кризиса Рига хочет нормализовать отношения с Москвой и, возможно, получить финансовую помощь. Однако проблемы укоренились настолько, что быстрого решения нет. Обе страны должны активнее двигаться в этом направлении.

«Если подойти прагматично и оценить последние 20 лет, время независимости, становятся очевидны ошибки, которые допущены в отношениях с русскими. Здесь живет много рус-

ских, большинство из которых здесь родились. Это тоже их родина, как и у меня, и они тут будут жить и дальше и никуда не уедут. И жить нам надо вместе. И при этом очень важно, чтобы у этих людей, кто бы они ни были по национальности, было чувство своей родины».

Министр добавил, что с этой политикой «что-то не так пошло». «Многие молодые русские не чувствуют Латвию своей землей, а значит, в политике по отношению к другим национальностям что-то не было правильно».

Добавим, что в феврале 2010 года на одном из радикальных латышских интернет-сайтов появился «список нелояльных жителей Латвии». Под рубрикой «автопарк оккупантов» – список автомобилей, чьи владельцы украсили их российскими флажками или георгиевской ленточкой. В разделе были опубликованы номера автомобилей и личные данные их владельцев. Доступ к списку был закрыт лишь через несколько дней.

По мнению наблюдателей, националистические организации так хотели заявить о себе перед октябрьскими выборами в Сейм. Ранее Клуб латышских националистов объявил о намерении провести акцию «Выявим пятую колонну», а в Интернете появились призывы плевать и бросать кирпичи в машины с российскими флажками.

Эксперт по внешней политике Центра политической конъюнктуры Евгения Войко напоминает, что Латвия одной из первых стран Евросоюза пострадала от финансового кризиса, что привело к смене руководства. В связи с этим заявления Марека Сеглиньша – сигнал России о желании нормализовать отношения и, возможно, получить финансовую помощь, тем более руководство ЕС отказалось в прошлом году субсидировать латвийскую экономику.

Многие латвийские предприятия обанкротились, и уровень безработицы превысил 19%. По стране прокатились акции протеста. Республика обратилась за помощью к международным финансовым структурам, которые согласились предоставить ей заем в размере 7,5 млрд евро.

«Сейчас латвийские власти просто вынуждены диверсифицировать контакты, чтобы получить помощь там, где это возможно. Насколько такие ожидания оправданы, я думаю, что скорее нет, чем да. В последнее время российско-латвийские отношения развивались достаточно жестко», – сказала Войко в интервью интернет-газете «Взгляд».

Она предполагает, что говорить о серьезной финансовой помощи Риге со стороны России не приходится, однако Латвия готова нормализовать отношения с восточным соседом, поскольку акцент на положении русскоязычного населения республики – болевая точка в двусторонних отношениях.

Но ждать скорых перемен не следует, потому что проблема укоренилась, и быстрое разрешение ситуации невозможно. Однако в прошлом году президент России Дмитрий Медведев подписал указ о том, что русскоязычные граждане Латвии могут приезжать в Россию без визы.

«Москва должна двигаться в этом направлении более активно», – подытожила эксперт («Это тоже их родина». Латвийский министр признал ошибки в отношении русскоязычного населения страны – <http://vz.ru/politics/2010/2/18/377198.html>).

В другом интернет-издании Е. Войко уточнила позиции. «Латвия – это одна из наиболее пострадавших в результате финансового кризиса стран ЕС. Это привело даже к смене их элит. И поэтому после того, как со стороны ЕС было отказано в предоставлении масштабной финансовой помощи, Латвия на-

чала менять свою внешнеполитическую риторику, диверсифицировать риски для того, чтобы получить помощь оттуда, откуда это осуществимо – например, из России.

Я думаю, что такого рода заявления – это определённый сигнал по отношению к российскому руководству, которое вроде бы должно смягчить свою политику в отношении Латвии и, может быть, в обозримом будущем оказать какое-то финансовое содействие экономике Латвии.

Поэтому я думаю, что акцент именно на положении русскоязычного населения в Латвии – это, прежде всего, сигнал в сторону России для того, чтобы показать, что Латвия готова отказаться от той позиции, которую она занимала на протяжении фактически 20 лет, и начать отношения с новой страницы.

Я думаю, что в среднесрочной перспективе никаких серьёзных изменений в этом отношении со стороны официального латвийского руководства ожидать не приходится, поскольку существует целый набор системных противоречий и разграничений, которые не позволяют русскоязычным жителям участвовать в политической жизни Латвии. Я думаю, что изменение этой позиции вряд ли будет иметь место. Скорее всего, это сигнал в сторону Москвы, дабы показать, что мы готовы к изменению отношений, и мы готовы обновить ту политику, которую мы проводили последнее время.

Что касается российской реакции на всё это, то, конечно, Россия заинтересована в том, чтобы отношения с Латвией были конструктивными, поскольку во многом это повлияет и на международное восприятие самого российского руководства, которое таким образом проявит свою переговороспособность, эффективность в урегулировании таких национальных вопросов.

Я считаю, что те противоречия, которые имели место, настолько глубоки, что в ближайшее время вряд ли удастся их устранить. Тем более в Латвии даже со сменой элит у руля находятся именно те представители, которые во многом определяли латвийскую политику на протяжении 20 лет, при этом не занимая непосредственно высшие посты в государстве. Поэтому каких-то серьезных изменений я в ближайшее время не ожидаю». (Латвия признала ошибочную политику по отношению к русскоязычным. – <http://actualcomment.ru/news/10209/>)

Сегрегация – вчерашний день. Взгляд издалека

Размышляя над одной из самых острых проблем, которая сильно мешает развитию Латвии, мы нашли в Интернете любопытное письмо латыша, проживающего не в Москве и не на берегах Даугавы, а в Канаде. Его зовут Янис Лауксаргс. Его мысли, считаем, весьма конструктивны. Например, говоря о «русских людях петербургского типа», он буквально повторяет наши соображения.

«Русскими я называю всех, кто говорит по-русски. Русская традиция, так же как и французская, инклюзивна: достаточно сказать несколько фраз на соответствующем языке, чтобы тебя считали своим. Паспорт никто не смотрит и чистоту крови никто не проверяет.

В последнее время я даже перестал протестовать, когда меня считают русским, французом или англичанином. Какое, в конце концов, значение имеет наше этническое происхождение? Мы – это то, что мы думаем, как говорил, кажется, Блез

Паскаль. И через пять минут мы все будем европейцами, в соответствии с нашими европейскими паспортами.

Мы можем, конечно, начинать делиться на видземцев, курземцев, земгальцев, селийцев, латгалов, не говоря уже о пардаугавцах, центровых, болдерайцах или кенгарагцах. Так мы приходим к выводу, что на самом деле нет не только латышей, но даже рижан. Это было бы так... по-латышски, по-хуторянски, “моя хата с краю, ничего не знаю”, в соответствии с лучшими традициями худшего латышского фольклора.

Это самоубийственный подход, в результате которого мы как говорящая по-латышски нация можем не дожить до 2300 года. В этой связи приходит на ум мысль Саллии Бенфелде, выраженная в дискуссии “Масс-медиа в Латвии: интеграция или раскол?” 23 ноября 2001 г. на www.politika.lv. Саллия считает, что в двухобщинном обществе как латыши, так и русские чувствуют себя в равной степени ненужными и угнетенными, и спрашивает, не может ли нас объединять нечто более позитивное?

Хороший вопрос. Может быть, это позитивный способ мышления, как у американцев? Может быть, это отказ от страусиной политики? Может быть, действительно стоит перестать делать вид, что мы живем в том параллельном измерении Риги, где русских нет только потому, что мы не хотим их видеть? Может быть, надо вытащить голову из песка и подумать о том, как мы могли бы интегрировать наших русских?

Наших – потому, что это уже не российские русские. Это русские Латвии, Балтии, русские петербургского типа, которых даже я и даже здесь могу отличить от других с расстояния пушечного выстрела.

Можем ли мы перестать смотреть на них с надрывом и сверху только потому, что их латышский язык далек от совер-

220

шенства? Разве англоязычная Европа сильно стонет по поводу того, что на веб-сайтах латвийских компаний английские предложения корявы, а грамматика хромает? Я сомневаюсь. Нормальные люди сочли бы это трудностями роста и интеграции.

Наши русские – это наша проблема, и вместо нас их функциональными латышами никто не сделает. Если интеграция возможна в Германии, Израиле, Испании, Португалии, Канаде, США и других странах, куда они выехали, тогда наши трудности – были, есть и будут в нашей упорной страусиной политике. В сегрегации.

Количество велико, русских в Риге больше, чем мусульман в Амстердаме, где их всего 10%. Но они – не мусульмане, в конце концов, русские к нам гораздо ближе и этнографически, и лингвистически. Антропологический тип тоже довольно близок, не говоря уже о статистике смешанных браков. И это, в конце концов, не китайцы, не арабы, не негры или латиноамериканцы.

Нам было удобно забыть, что Рига никогда не была латышским городом. Она говорила на латыни, на немецких диалектах, на русском, начиная со времен реформ Александра III, ибо Петр I, завоевав ее 300 лет назад, был достаточно умен, чтобы не касаться немецкого языка и немецкой системы управления.

Если бы наша мания величия внимательно заглянула в исторические книги, она быстро потеряла бы 90% своей самоуверенности. Суммируя оба периода независимости, мы вошли только в четвертое десятилетие, что для истории политики – младенческий возраст. По сравнению с Италией, которая, начиная с основания Рима, находится в конце своего третьего тысячелетия. Или по сравнению с Россией, которая, если брать с

момента принятия христианства Киевской Русью в 988 г., находится в начале своего второго тысячелетия.

Посмотримся в зеркало. Мы, латыши, администрацией и управлением сами никогда не занимались, за нас это делали немцы, которые нас колонизировали, шведы, поляки и русские. Нам не хватает нужного политического опыта, социальной зрелости и коллективного образа мышления.

Слишком много отрицательных эмоций, что в политике – очень плохая компания. Что мешает нам быть толерантными, создать атмосферу терпимости и благоприятную обстановку для интеграции русских? Что мешает нам быть цивилизованными? Наша склочность, наши предрассудки, наш коллективный комплекс неполноценности или коллективная мания величия? Интегрируя русских, мы отнюдь не станем хуже как латыши.

Сегрегация – это вчерашний день политики. Ее сегодняшней день – диалог. Поговорим с русскими. С нашими русскими. Нам многое надо обсудить. Поговорим честно. Выложим карты на стол. Они – больше латыши, чем мы думаем. И латыши они на всех остальных европейских языках, в которых анахронически-феодального понятия “национальность” никогда не существовало. Их интеграция – это наш долг. Если мы находимся у власти. Политически. И положение обязывает. *Noblesse oblige*».

Янис Урбанович. Пора признать, что неприсвоение гражданства было подлостью. Это разделение было совершено ради того, чтобы как можно меньшее число людей получило приватизационные сертификаты и попользовалось плодами приватизации. А еще это гарантировало пребывание у власти этнокоррупцированной элиты. Все сложилось просто «пре-
222

красно»: внизу разделенное общество, а сверху элита крадет из карманов и тех и других.

Игорь Юргенс. Но такое положение не может продолжаться бесконечно. Это мнение канадского латыша можно назвать единственно правильной цивилизованной точкой зрения.

Я.У. Наши власти, не заметили, как создали в Европе государство апартеида.

И.Ю. А не кажется тебе, что в этом определенную роль сыграли и российские предприниматели? Напомню одно высказывание Бориса Цилевича на одном из заседаний Балтийского форума 2000 года: «Не секрет, что бизнес, который связан с Россией, с транзитом, пожалуй, является наиболее активным спонсором политических партий в Латвии... Спонсируют они, в основном, радикально-националистические партии. Нам говорят: Москву не волнует, как обстоят дела с русскими. Их волнует, чтобы текла нефть, чтобы шли деньги, а все остальное – и дискуссии в Думе, и выступление президента – это все ерунда и к реальной жизни отношения не имеет».

Я.У. Это было 10 лет назад. Времена изменились.

КРАХ ВЕЛИКОЙ ИЛЛЮЗИИ

В начале 1990-х многим казалось, что, вырвавшись из объятий Советского Союза, Латвия сохранит все достижения советского периода и при этом использует преимущества от вхождения в западноевропейскую экономику. Но вышло несколько иначе.

Сегодня, должно быть, воспринимается как сказка статистика 1989 года о произведенных на латвийских предприятиях промышленных товарах: 1,5 миллиона радиоприемников, 612 тысяч стиральных машин, 17 тысяч автобусов, 2,9 миллиона телефонов... Насколько высокотехнологичным было хозяйство Латвийской ССР, показывают данные ввода в том году – 17 автоматических линий, 137 металлорежущих станков с числовым программным управлением, 62 промышленных робота. В Академии наук прошел ряд международных симпозиумов и конференций: по магнетическим жидкостям, химии природных материалов, механике композитных материалов, вычислительной технике... Академическое издательство Zinatne выпустило 236 научных изданий общим тиражом свыше 1,5 миллиона экземпляров.

Вот некоторые данные социальной статистики: средняя продолжительность жизни 71 год (3–4 место среди республик СССР); вклады населения – 5 место; обеспеченность населения врачами – 2 место (48,9 на 10 тысяч человек, в РСФСР – 45). (Народное хозяйство СССР в 1988 году. М., 1989).

Став независимой, Латвия потеряла огромный внутренний советский рынок – он сразу сократился в сто раз, а за 20 лет уменьшился еще на 20% за счет сокращения населения на 400 тысяч человек.

Это привело к изменению всей структуры экономики. Вместо сельского хозяйства и промышленности ее ведущей отраслью стали услуги, объем которых в 2009 году составил почти 77% от общего добавочного продукта Латвии. Услуги (торговля, транспорт, финансы, операции с недвижимостью, образование, здравоохранение, госуправление и оборона) оказываются в основном жителям Латвии. Конечно, часть услуг – гостиничные, транспортные, транзитные, финансовые – являются экспортными, но они не могут полностью компенсировать потери от спада в сельском хозяйстве и промышленности.

В 2008 году удельный вес добавленной стоимости, созданной в сельском хозяйстве и промышленности, сократился в четыре раза по сравнению с 1990 годом и составил 14% (3,1 и 10,9% соответственно), в них было занято 22,8% (7,9 и 14,9%) всех работающих.

Латвия – небольшое государство, без полезных ископаемых и энергоносителей, которые она вынуждена импортировать, с ограниченным внутренним рынком. Понятно, что она не может эффективно развиваться, непрерывно увеличивая объем услуг. Однако, начиная с 1994 года импорт превышал экспорт, в 2007 году достигнув 3,74 миллиарда латов, или 27,6% от ВВП. Все это время дефицит торгового баланса компенсировался иностранными инвестициями и кредитами, но вечно это продолжаться не могло.

Только за последние восемь лет суммарный дефицит платежного баланса превысил ВВП 2009 года и составил 14 млрд латов. В нормальной рыночной экономике такой дефицит неизбежно повлиял бы на курс национальной валюты, но Банк Латвии установил постоянный курс лата 0,7028 по отношению к евро, чтобы минимизировать риски зарубежных банков при выдаче кредитов в евро.

Где можно было найти источники развития?

В сельском хозяйстве их не нашлось. Быстрая ликвидация коллективных форм хозяйствования привела к возникновению множества мелких частных хозяйств, большинство которых не было готово к товарному производству.

В СССР Латвия специализировалась – исходя из климатических условий и внутрисоюзного разделения труда – на производстве животноводческой продукции, объемы которой в денежном выражении в два раза превышали объемы продукции растениеводства. С потерей советского рынка отрасль резко снизила объемы производства, и сейчас растениеводство производит больше продукции, чем животноводство.

Согласно данным Центрального статистического управления Латвийской Республики, индексы сельскохозяйственной продукции (в сравнимых ценах) по разделу животноводство выглядели так: 1991 г. – 91,6; 2008 г. – 32,4 (1990 г. – 100). По разделу растениеводство: 1991 г. – 96,1; 2008 г. – 51,6.

Концентрация сельскохозяйственного производства, сокращение количества домашних хозяйств оставили без работы большое количество жителей сельских районов. Несмотря на наличие министерства регионального развития, государство не принимало активных действий по созданию новых рабочих мест в сельских районах, привлечению в них инвесторов, способных создавать новые рабочие места. Свободные экономические зоны с льготным налогообложением под влиянием партийных спонсоров создавались в портах, а не в депрессивных районах.

Может быть, источники развития все же были в промышленности?

Но и там мы их не обнаружили. Продукция крупнейших латвийских предприятий – ВЭФа, «Радиотехники», Вагонострои-

тельного завода, РАФа – отличалась хорошим качеством и пользовалась повышенным спросом на всей территории Советского Союза.

Напомним, уже во времена первой республики завод ВЭФ был крупнейшим промышленным предприятием Латвии, на котором к середине 1930-х годов трудилось более шести тысяч человек. Тогда завод выпускал все, что могло найти покупателя в Латвии: утюги, электроплиты, электрические батарейки и пылесосы, фотобумагу, телефонные аппараты, фотоаппараты. Даже собирал самолеты и грузовики.

Пример послевоенного ВЭФа впечатляет – это головное предприятие Советского Союза по выпуску телефонных аппаратов: 1 млн аппаратов в год, не считая аппаратов спецсвязи, телефонных станций – 40% выпуска крупной телефонии в СССР!

Здесь было сосредоточено производство всех междугородних станций в СССР, средства связи для электростанций и для военно-морского флота. Каждые 11 секунд с конвейеров сходил или приемник, или магнитола.

ВЭФ по праву назывался флагманом латвийской промышленности. Только на головном Рижском заводе трудились 20 тысяч человек. В состав объединения входили завод телефонных аппаратов в городе энергетиков Стучке (теперь Айзкраукле), производственные цехи в Кандаве, Алуksне, Малте. (См.: Александр Иванов. Что мы потеряли? VEF. – «Вести сегодня» (Рига), 18 января 2005 г.)

На момент распада СССР в Латвии действовали предприятия, ориентированные на использование высоких технологий и обеспечение высокого качества продукции. Правда, значительная их часть относилась к военно-промышленному комплексу, что привязывало их к основным научным центрам со-

ветской оборонной промышленности в Москве и Ленинграде. Сразу после распада СССР находящиеся в Латвии заводы, ориентированные на выпуск изделий для нужд военной электроники, радиотехники, атомной энергетики и т.д., оказались отрезанными от своих опытно-конструкторских и научных баз, что быстро привело их либо к банкротству, либо к полному перепрофилированию. В результате хорошо оснащенные, имеющие высококвалифицированный персонал производственные предприятия в Латвии оказались не востребованными новым временем и новой экономической ситуацией. В целом отметим, что из советского экономического наследия в Латвии в основном сохранились и работают, правда, после переоснащения предприятия легкой и пищевой отраслей, частично лесопереработки и мебельной промышленности.

Невысокая степень конкурентоспособности страны не в последнюю очередь связана с относительно слабым развитием высокотехнологичного производства. Так, по данным статистического бюро Европейского союза, Латвия по числу занятых в высокотехнологичном производстве стоит на одном из последних мест в ЕС.

В достижении высокой конкурентоспособности любой страны важная роль принадлежит государству. В условиях переходной экономики оно должно было не только поддерживать, но и формировать новые приоритеты, способствовать развитию инноваций в экономике. В современных условиях успешно конкурировать на международной арене может только та страна, которая располагает достаточными ресурсами и высокими технологиями. К сожалению, в Латвии нет ни того, ни другого: она выходит на международный рынок в основном со слабо возобновляемыми ресурсами. (См.: В.В. Андреев. «Эко-
228

номическая ситуация в государствах Балтии и внешняя торговля России с этими странами»; Институт проблем рынка РАН, 2005, <http://www.ipr-ran.ru/articles/andreev07-2.pdf>).

Непринятие мер по сохранению крупнейших латвийских предприятий было главной стратегической ошибкой руководителей страны. Латвийские предприятия имели производственные площади и мощности, высококвалифицированных инженеров и рабочих. Заслуживает внимания точка зрения, что необходимо было только найти иностранных инвесторов, имеющих финансы, технологии и рынки сбыта, и продать им эти предприятия за символическую цену в один доллар. После технического перевооружения они могли бы успешно работать, в том числе и на рынках бывшего СССР, десятки тысяч жителей не стали бы безработными, а Латвия получила бы миллионные налоги и валютные поступления от экспорта промышленной продукции, необходимые для успешного развития независимого государства.

Вместо этого, государство спокойно наблюдало, как банкротятся эти предприятия и на их месте создаются торговые центры «Альфа», «Домина» и др.

Сегодня успешно работают предприятия по производству продуктов питания и напитков, арматуры, цемента, лекарств, деревообработки, парфюмерии. Однако это произошло не благодаря действиям и поддержке государства, а вопреки его бездействию в вопросе промышленной политики. Большинство руководителей правительства Латвии и министерства экономики, вероятнее всего, даже не знали, что такое промышленная политика государства. В результате удельный вес добавленной стоимости, созданной в промышленности, уменьшился к 2008 году более чем в три раза по сравнению с 1990 годом и составил

только 11% от общей добавленной стоимости, созданной в Латвии (14%, включая энергетику).

Средний удельный вес промышленности и энергетики в 27 странах ЕС в 2008 году был на 6% больше – 20%. У наших ближайших соседей Эстонии и Литвы вклад промышленности в экономику был выше среднего – 21 и 22% соответственно. Выше он был в Болгарии (22%), Румынии (26%), Словении (25%), Словакии (30%), Чехии (31%). Все эти государства, в отличие от Латвии, смогли перейти от социалистической экономики к рыночной, сохранив промышленность на уровне, необходимом для нормального развития государства.

Теперь обратимся к финансам.

Начиная с 1999 года бюджетный дефицит стал неотъемлемой частью госбюджета Латвии. Для обслуживания госдолга государство занимало на внешнем и внутреннем рынках деньги, госдолг был относительно небольшим и не превышал 15% от ВВП. В течение пяти лет – с 1999 по 2003 год – в Латвии была относительно низкая инфляция, не превышавшая 3%, но в 2004 году уровень инфляции преодолел отметку в 6%. В 2007 году уровень инфляции был более 10%, а в 2008 году – более 15%.

После резкого падения уровня жизни населения в 1992–1993 годах с 1997 года начался рост реальных доходов и покупательной способности населения. В 1993 году прожиточный минимум, 38 латов, более чем в два раза превышал минимальную зарплату (15 латов) и среднюю пенсию (16 латов). За 15 лет минимальная зарплата выросла в 12 раз и в 2009 году превысила прожиточный минимум. С 1993 по 2008 год средняя нетто-зарплата и средняя пенсия выросли более чем в 8,5 раза, прожиточный минимум вырос в два раза меньше – в 4,2 раза.

Однако в этом благополучии была скрыта колоссальная опасность.

Рост заработной платы в общественном секторе определялся возможностями бюджета и популистскими действиями правительства, повышающего оплату труда бюджетников за счет дефицита бюджета и увеличения госдолга. При этом практически не проводились реформы в образовании, медицине, госуправлении, не происходило повышения эффективности работы общественного сектора. В частном секторе значительное увеличение оплаты труда шло не за счет быстрого роста производительности труда, а было вызвано ростом «минималки», дефицитом работников требуемой квалификации и ростом оплаты в общественном секторе. Лишь на очень немногих промышленных предприятиях рост производительности превышал рост зарплат. Стремительный рост зарплат снижал конкурентоспособность латвийских предприятий на внешнем и даже на внутреннем рынке.

Необходимо отметить и то, что, несмотря на значительный рост зарплат, уровень оплаты труда в Латвии пока еще значительно отстает от оплаты труда в странах Евросоюза, причем речь не только о богатых странах еврозоны. Минимальная зарплата в Латвии – 180 латов, или 256 евро, в то время как в Португалии – 554 евро, в Испании – 739 евро, в Греции – 863 евро, в Ирландии – 1462 евро. Кризис в этих странах происходит на другом уровне развития экономики.

Большинство руководителей Латвии считали своей главной задачей управление бюджетными потоками, что и привело экономику в плачевное состояние. Теперь только коренное изменение экономической политики может вывести страну на пути долгосрочного развития. (Использованы материалы сайта ves.lv).

Сегодняшняя экономическая ситуация в Латвии характеризуется так: страна официально находится на грани банкротства. Еще недавно никто не мог подумать, что такое может случиться. Однако – случилось.

В начале декабря 2009 года министерство финансов заявило о возможности дефолта. ВВП в третьем квартале 2009 года снизился на 4,6% по сравнению с аналогичным периодом 2007 года, как говорится в докладе статистического бюро Eurostat. Подобную картину можно наблюдать и у соседа Латвии – Эстонии, где в третьем квартале ВВП показал снижение на 3,5%. Несколько лучше обстановка в Литве, единственной стране региона, где наблюдается прирост ВВП (3,1%). Агентство Fitch пересмотрело в сторону понижения кредитный рейтинг всех прибалтийских республик. Экономические прогнозы для Эстонии и Литвы понижены с «А» до «А-». В Латвии ситуация хуже, и рейтинг упал с «BBB+» до «BBB». По всем трём странам прогноз негативный. Это может показаться странным, учитывая, что в начале 2000-х годов валовой внутренний продукт стран Балтии рос быстро, благодаря вступлению Латвии, Литвы, Эстонии во Всемирную торговую организацию (1999 год) и Европейский союз (2004 год).

В 2001–2004 годах темпы прироста ВВП Латвии были одними из самых высоких в Европе – в среднем 7,5%, а в 2006 году латвийский ВВП вырос и вовсе фантастически – на 12,6%.

Балтика стала жертвой завышенных ожиданий. Вступление стран Балтии в ЕС привело к надеждам на скорое введение евро и к ажиотажу на рынках недвижимости. Инвесторы начали скупать недвижимость в странах Балтии, пользуясь для этого кредитами, как местными, так и зарубежными, благо предложений, где взять деньги, было хоть отбавляй – скандинавские бан-

232

ки выкупили банковскую систему прибалтийских стран в 1990-х, рассчитывая на радужные перспективы в этом регионе. Внешний долг Латвии, Литвы, Эстонии резко увеличился из-за роста обязательств частных компаний и домохозяйств.

Настоящим ударом стало решение Европейской комиссии и Европейского Центробанка летом 2007 года отложить вступление в зону евро Литвы и Эстонии, которые тогда рассматривались как серьёзные кандидаты. А с разворачивающимся глобальным кризисом европейские банки пересмотрели требования к более рискованным балтийским заёмщикам, что незамедлительно ударило по внутреннему рынку, ценам на недвижимость и темпам экономического роста. За 2007 год количество коммерческих фирм, объявивших себя неплатежеспособными, увеличилось почти вдвое.

Ещё один фактор, больно затронувший балтийские страны, – российский транзит. Проложенные в Балтике ещё в советское время нефте- и газопроводы, транспортные артерии, ведущие в Западную Европу, позволяют этим странам безбедно существовать и в отсутствие природных ресурсов. Доходы от транзитных перевозок составляют примерно 66% от всего экспорта услуг Латвии. В Эстонии на долю услуг в разрезе ВВП приходится 65,6%, которые обеспечиваются за счёт реэкспорта российских товаров. Москва же из года в год снижает экспорт своих товаров через порты прибалтийских стран, делая упор на развитие собственной портовой инфраструктуры. Если в 2002 году на российские товары в портах Прибалтики приходилось 25% общего грузооборота, то в 2006 году – 18%. А вице-премьер РФ Сергей Иванов заявил, что к 2015 году Россия прекратит экспорт любых грузов через порты стран Прибалтики из-за ввода в строй порта Приморск, а также Балтийской трубопроводной системы. (Подробнее о российском транзите мы поговорим в отдельной главе).

Латвийский экономический провал (равно как и недавний бум) имеет одну природу – спекулятивный банковский капитал. Иностранные банки, спровоцировав кредитный бум в странах Балтии, оставили местные общества бедными и разоренными, считают экономисты Международного валютного фонда (МВФ). По их мнению, не будь кредитного бума, не было и такого уровня бедности, как сейчас.

В обнародованном недавно рабочем документе МВФ экономисты Анна-Мария Гульде-Вольф и Бас Беккер пишут, что экспансия западных банков в Восточную Европу привела к еще большей несбалансированности, чем та, что наблюдалась перед кризисом в Азии в 1997 году.

Хотя кредитный бум и способствовал быстрому развитию экономики, последовавший за ним спад был столь велик, что средние показатели экономического развития в период с 2003 по 2010 год в странах, переживших кредитный бум, оказались ниже, чем в тех, которые его не переживали.

Другими словами, скажем мы, правительство Латвии проводило экономическую политику, подобную действиям подростка в казино.

В документе МВФ указывается, что основными участниками на банковском рынке стран Балтии были шведские банки, в том числе Swedbank и SEB. На Балканах кредитный бум вызвали австрийский банк Erste Group, итальянский Unicredit и немецкий Raiffesen International.

При этом далеко не все были столь алчны и недалновидны. Например, Чехия, Словакия и Польша пострадали в гораздо меньшей степени, так как ограничивали приток капиталов из иностранных банков. В период с 2003 по 2007 гг. капитал, привлеченный в Чехию, составил всего 33% от уровня ВВП

2003 года, что является вполне приемлемым (См.: «Шведские банки разорили Прибалтику». *LETA*. 3 июня 2010).

Конечно, основной причиной латвийских экономических проблем стал мировой финансовый кризис. Но нельзя забывать, что во многих своих проблемах Латвия виновата сама. Крупные шведские банки активно вкладывали деньги в ее экономику. Здесь была решающая развилка: можно было пойти по пути Польши, которая большую часть иностранных инвестиций направила на развитие промышленного производства, или все деньги употребить на развитие рынка недвижимости в надежде на спекулятивный рост. Латвия пошла по второму пути.

«Вместо этого латвийским властям следовало бы создать хорошую экспортную базу, чтобы в дальнейшем не зависеть от притока иностранных инвестиций», – полагает эксперт Fitch Ratings Эд Паркер.

В начале 2010 года американские экономисты Майкл Хадсон (профессор университета Миссури, президент Института изучения долговременных экономических тенденций (ISLET)) и Джеффри Саммерс (со-директор Группы изучения балтийских стран ISLET) выступили со статьёй под красноречивым заголовком «Мировой экономический кризис: латвийское неолиберальное безумие» («World Economic Crisis: Latvia's Neoliberal Madness» by Prof. Michael Hudson and Prof. Jeffrey Sommers. – Global Research, February 15, 2010).

По оценкам американских экономистов, Латвия переживает одну из самых крупных экономических депрессий в мире. Падение ВВП на 25,5 процентов в течение последних двух лет (почти 20 процентов из этого – только за последний год) уже является худшим двухлетним показателем в мире. МВФ в своих

оптимистических прогнозах предполагает дальнейшее 4%-ное падение; это означает, что латышский экономический крах превзойдет американскую Великую депрессию. Плохие новости на этом не заканчиваются. МВФ прогнозирует, что в 2010 году порядка 1,5 млрд евро или 9% от ВВП будет выведено из страны.

Хадсон и Саммерс анализируют причины латвийских проблем с точки зрения экономической теории и приходят к шокирующим выводам.

Правительство Латвии стремительно наращивает долги. С 7,9% ВВП в 2007 году, по прогнозам, долг Латвии достигнет 74% ВВП в этом году, и, предположительно, стабилизируется на уровне 89% в 2014 году, согласно оптимистическому сценарию МВФ. Это отбросит страну далеко за пределы приемлемой государственной задолженности, оговоренной Маастрихтским соглашением для введения евро. А ведь именно планы вступления в еврозону были главным предлогом латвийского Центрального Банка для принятия болезненных мер жесткой экономии и искусственной поддержки своей валюты. Поддержка валюты сожгла резервы страны, которые в другом случае могли бы быть инвестированы в экономику.

До сих пор никто на Западе не спрашивает, почему Латвию постигла такая судьба, столь характерная для других стран Балтии и постсоветских государств, но только в чуть более экстремальном варианте. Почти двадцать лет назад эти страны вышли из СССР, поэтому советская система вряд ли может быть названа исключительной причиной их проблем. Не может быть единственной причиной и простая коррупция, как следствие позднесоветского периода распада. Все предстает в гипертрофированной форме клептократии, предоставившей такую богатую поживу для западных банкиров и инвесторов.

Это была ситуация, с которой ни одно демократическое правительство Запада не сталкивалось за всю свою историю. Государственные предприятия были переданы доверенным лицам, обязанным быстро распродать их западным инвесторам и местным олигархам, которые должны были переместить свои деньги в безопасные оффшоры «западного рая». В довершение всего местные налоговые системы были «заточены» так, чтобы вывести два основных источника финансов западных банков – недвижимость и естественные инфраструктурные монополии – из-под местного налогообложения. Это позволило выплачивать полученные в виде дохода от недвижимости и монопольного ценообразования деньги западным банкам в качестве процентов, а не использовать их в качестве внутренней налоговой базы для восстановления экономики этих стран.

Вот как выглядел механизм получения Латвией «легких денег».

В Советском Союзе практически не было коммерческих банков. Вместо того чтобы помогать этим странам создавать местные банки, Западная Европа поручила собственным банкам создавать средства и кредитовать эти страны с номинированием процентов в евро и других твердых валютах. Таким образом, была нарушена главная аксиома финансирования: никогда не номинировать свои долги в твердой валюте, если доходы выражены в более «мягкой». Но, как и в случае с Исландией, Европа взамен обещала помочь этим странам вступить в еврозону на сравнительно хороших условиях. «Реформы» состояли в том, чтобы научить переносить налоговую нагрузку с бизнеса и недвижимости (основных клиентов банков) на трудящихся. И не только в виде фиксированного подоходного налога, но и фиксированного «социального» налога, чтобы каждый платил за социальное обес-

печение и здравоохранение в момент обращения, а не финансировался из общего бюджета за счет повышения налогов.

В отличие от Запада, тут не было введено никаких существенных налогов на собственность. Это обязывало правительство облагать налогом труд и промышленность. В отличие от Запада, не было и прогрессивного налога на богатство. В большинстве случаев в Латвии налог на труд был эквивалентен 59% по плоской шкале. (Лоббисты крупных монополий в Конгрессе США могут только мечтать о таких карательных налогах на труд, таком «бесплатном сыре» для своего основного источника финансирования!) Европейцам нечего было опасаться тех стран, которые остаются зонами tax free, почти не имеют налога на собственность, обременяют труд налогами, имеют низкую стоимость жилья и низкую стоимость долга. Эти страны, пишут Хадсон и Саммерс, «были отравлены с самого начала».

Крайнее налоговое обременение труда и промышленности, философия «просачивания благ сверху вниз» резко подняла стоимость труда и капитала, делая промышленность и сельское хозяйство «переходных» экономик настолько дорогостоящими, что они стали неконкурентоспособными по сравнению со «старой Европой».

По сути, постсоветские экономики были превращены в экспортные зоны для промышленности и банков старой Европы.

Постсоветские государства, не имевшие долгов в 1991 году, затем были загружены задолженностью, номинированной в твердой валюте. Западные банковские кредиты не использовались для увеличения вложений в основной капитал, государственные инвестиции и повышение уровня жизни. Большая часть этих кредитов обеспечивалась, в основном, за счет имеющихся активов, унаследованных от советского периода. На самом деле

взлетели темпы строительства недвижимости, но большая часть ее к нынешнему моменту стала обесцененным капиталом. И теперь западные банки требуют, чтобы страны Балтии платили по счетам, всё ускоряя неолиберальные «реформы», которые угрожают выдавить еще больше рабочих рук за рубеж по мере того, как балтийские экономики будут сжиматься, а бедность расти.

Подобная ситуация – правящая клептократия наверху и сидящая в долгах рабочая сила (слабо или совсем не организованная профсоюзами) стала «базовой» для постсоветских экономик – явно «слаборазвитых», имеющих безнадежно высокую стоимость производства и оказавшихся, в целом, не в состоянии конкурировать, при прочих равных условиях, со своими западными соседями.

Значение слова «реформа» в настоящее время приобретает негативный оттенок в Балтии, как это уже случилось в России. Оно теперь означает возврат к феодальной зависимости. Но если раньше шведские и германские феодалы правили своими латвийскими усадьбами в силу права собственности на землю, то в настоящее время они контролируют Балтию за счет своих валютных ипотечных кредитов под залог недвижимости в стране. Долговой пеонаж заменил прямое крепостное право. Залоговая стоимость недвижимости значительно превышает фактические рыночные цены на нее, которые упали на 50–70 процентов в прошлом году (в зависимости от типа жилья), и намного превышает возможности латышских домовладельцев платить по долгам. Объемы валютных долгов гораздо больше того, что эти страны могут получить от экспорта промышленных и сельскохозяйственных продуктов своего производства в Европу (которая вряд ли захочет принять этот импорт) или другие регионы

мира, где демократические правительства взяли на себя обязательство защищать рабочие места, а не избавляться от них, и не подвергать свои страны беспрецедентным программам жесткой экономии во имя «свободного рынка».

Хадсон и Саммерс видят спасение в радикальной смене правительственного курса.

Находясь в рамках классической экономики, можно было предвидеть проблемы Латвии. Отсутствие ограничений в финансовой сфере, регулирования монопольного ценообразования и протекционистских мер в промышленности, а также приватизация общественного достояния, создание «экономики поборов» и налоговая политика, которая ведет к обнищанию трудящихся и даже промышленного капитала, вознаграждает спекулянтов. Именно поэтому Латвия не увидела экономического развития. Проявлена была только готовность набрать огромные долги для дотирования своего экономического бедствия. В Латвии слишком мало промышленности, слишком мало современного сельского хозяйства, а частный долг составляет более 9 млрд латов. И этот долг грозит переместиться на баланс государства, как это произошло в США при спасении банков.

Если бы возврат этого долга можно было пролонгировать до того момента, когда латвийская экономика достаточно разовьется, это было бы приемлемо. Но средства использовались, в основном, непродуктивно, разгоняя цены на землю и потребление предметов роскоши, опуская Латвию до состояния, близкого к крепостной зависимости.

Банк Латвии предполагает, что дно кризиса достигнуто. Да, экспорт наконец-то начал расти, но экономика все еще находится в отчаянном положении. Если нынешние тенденции сохранятся, то не останется латышей, которые смогут увидеть

экономическое возрождение. Безработица по-прежнему составляет более 22 процентов. Десятки тысяч людей покинули страну, и еще десятки тысяч приняли решение не иметь детей. Это естественная реакция на загрузку страны миллиардами латов государственных и частных долгов. Латвия сейчас весьма далека от траектории приближения к западному уровню благосостояния, и нет никакого выхода из нынешней регрессивной налоговой политики и крайнего неолиберализма, навязанного извне в качестве условия спасения Центрального Банка Латвии для того, чтобы тот мог расплатиться со шведскими банками, выдавшими такие непродуктивные и паразитарные кредиты.

Альберт Эйнштейн говорил, что «безумие – это делать одно и то же снова и снова и ожидать совсем других результатов». Латвия следует саморазрушительному экономическому курсу на протяжении почти 20 лет, и результат все хуже и хуже. Задача нынешнего дня – переставить экономику Латвии на новые рельсы.

Основные параметры бюджета Латвии

		2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Доходы	млн лат	2120	2583	3184	4208	5237	5606	4500
Расходы		2224	2660	3221	4261	5283	6278	5683
Дефицит (-) / профицит (+)		-104	-77	-37	-53	-47	-672	-1183
Доходы	%	33,2	34,7	35,1	37,7	35,4	34,6	34,2
Расходы		34,8	35,8	35,6	38,1	35,7	38,8	43,2
Дефицит (-) / профицит (+)		-1,6	-1,0	-0,4	-0,5	-0,3	-4,1	-9,0

Источник: Центральное статистическое бюро Латвии

Свод целей и параметров экономической политики Латвии ближайшего будущего собран в «Заявлении о намерениях» и «Техническом меморандуме о взаимопонимании», опубликованных в приложении к обзору МВФ.

Ниже приведены наиболее важные заявления правительства Латвии в отношении планируемой экономической политики в 2010 г. и перспективных мер в 2011–2012 гг., проведение которых увязано с действием кредитной программы.

В «Заявлении о намерениях» власти Латвии предрекают, что дефицит бюджета по итогу 2010 г. не превысит 8,6%. (В конце 2009 г. власти ожидали, что дефицит бюджета по итогу 2009 г. не превысит 8,1% и обещали, в случае реализации этого прогноза, что бюджетный дефицит в 2010 г. будет ниже 8,6% на ту величину, ниже которой будет итоговый дефицит бюджета в 2009 г. Но прогноз не оправдался, и итоговый дефицит оказался равным 9% ВВП).

Власти рассчитывают на принятие евро в 2014 г., и потому нацелены на выполнение маастрихтских критериев; соответственно – на снижение дефицита до 6% в 2011 г. и до 3% ВВП в 2012 г.

При этом власти ожидают, что экономический подъем начнется не ранее второй половины 2010 г. Уровень безработицы в среднем за 2010 г. составит 20%, в 2011 г. произойдет его незначительное снижение. Инфляция в 2010 г. должна составить 3,7%.

Среди основных мер фискальной политики отметим следующие:

Правительство будет реализовывать меры, заложенные в бюджет-2010 с целью повышения доходов и снижения расходов.

При этом правительство заявляет о готовности предпринять необходимые шаги по расширению мер и объемов под-

держки наименее защищенных слоев населения, но какими могут быть эти меры, не конкретизируется.

Для снижения рисков исполнения бюджета правительство воздержится от реализации проектов частно-государственного партнерства (за исключением тех, где на государство не возлагается каких-либо рисков или обязательств). Также правительство воздержится в 2010 г. от снижения налогов, а в случае получения доходов бюджета выше запланированного уровня эти дополнительные доходы будут направлены на снижение дефицита бюджета или (но только после дополнительных консультаций с МВФ и Еврокомиссией) на увеличение социальной поддержки наименее защищенных слоев населения или для усиления мер политики занятости.

При этом правительство осознает, что дальнейшее сокращение внутреннего спроса наиболее вероятно будет способствовать расширению бюджетного дефицита, устранение которого потребует применения дополнительных фискальных мер. Вероятно, что правительство будет вынуждено прибегнуть к дальнейшему повышению налогов, в частности, посредством реформы системы налогообложения недвижимости, для проведения которой правительство уже обратилось к МВФ за технической поддержкой. Также планируются изменения в налогообложении транспорта. В перспективе может быть увеличен и размер НДС.

Янис Урбанович. Как видим, Латвию ждут суровые времена. Драматичность проблемы в Европе уже давно осознана. В январе 2009 года канцлер Германии А. Меркель и президент Франции Н. Саркози публично заявили, что модель капитализма, построенная на финансовых спекуляциях, аморальна. Думаю, в Латвии это произойдет только тогда, когда правительство возглавит новая команда.

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ТРАНЗИТА, ИЛИ КАК БЫЛА УПУЩЕНА ОГРОМНАЯ ВЫГОДА

Как обычно бывает, события, имеющие стратегическое значение, проявляются не взрывообразно, а вызревают постепенно по мере накопления суммы соответствующих энергий.

В 2003 году более остро обозначилась проблема, которую можно назвать и неожиданной, и вполне ожидаемой, – все зависит от точки зрения и способности учитывать интересы партнеров.

Значение Прибалтики для России невозможно переоценить. Северо-Западный российский регион – единственный, который граничит со странами Европейского союза, через него обеспечивается около 35% импортных и 25% экспортных перевозок России. На рубеже веков в России созрела идея строительства нового «окна в Европу», мощнейшего транспортно-технологического узла на восточном берегу Финского залива. Здесь достаточно мест, где можно построить портовые комплексы с глубинами не менее 15 м для приема крупнотоннажных судов; также здесь расположен вход во внутреннюю водную систему России и хорошо развита сеть автомобильных и железных дорог, трубопроводов, авиалиний.

Эти планы Москвы не были для Риги секретом, о них открыто говорилось на ежегодных встречах Балтийского форума. Более того, обращалось внимание на следующую перспективу. «Помимо всего прочего, у государств Балтийского моря есть

общая опасность, более важная, чем их политические разногласия. Если проекты “Великого шелкового пути” и его южного ответвления ТРАСЕКА осуществляются в полном объеме, то грузы, идущие сейчас через Балтию, направятся тогда в Азию южным маршрутом. В этом случае проигрывают и РФ, и ННГ Балтии. Евразийский транзит, по предварительным расчетам, может приносить только России от 3 до 10 млрд долл. В условиях преобладания политических устремлений над рыночными принципами можно ожидать негативного влияния игры внешних сил в регионе. Известно, например, какое противодействие оказывали США российскому проекту “Голубой поток”, лоббируя строительство транкаспийского газопровода на поставки в Турцию и Европу туркменского газа» (2003).

Однако из крупных латвийских политиков мало кто принял всерьез предостережения участников Балтийского форума и вспомнил уроки истории.

Во времена СССР Вентспилский порт находился в числе лидеров по экспортной перевалке наливных грузов, в первую очередь нефти и нефтепродуктов. Не утратил он своего значения и после распада Советского Союза. Нефтетранзит вносил весомый вклад в экономику Латвии в 1990-е гг., бурно развиваясь вплоть до 1997 г., когда доходы от транзитных перевозок доходили до 40% всего экспорта. Пик по грузообороту нефти и нефтепродуктов через Вентспилский порт пришелся на 1996 год (28,98 млн тонн, а одной нефти – 14,6 млн тонн). В 2008 году через порт перевалено гораздо меньше – 17,86 млн тонн (из которых собственно сырой нефти – лишь 1,5 млн тонн). Сырая нефть ушла во вновь построенный порт Приморск (Ленинградская область).

В начале 2000-х годов Вентспилс по объему перевалки российской нефти уступал только Новороссийску. Все имею-

щиеся экспортные маршруты были загружены «под завязку», и Россия не имела альтернативы прибалтийским портам. Латвия умело пользовалась таким положением, установив завышенные тарифы. В конце прошлого века российские нефтяные компании неоднократно обращались к руководству Вентспилского порта с просьбой снизить тарифы. Осознавая прочность своей позиции, глава ассоциации латвийского транзитного бизнеса и мэр Вентспилса Айварс Лембергс отвечал отказом либо выдвигал трудновыполнимые условия для российской стороны.

16 октября 1997 года правительство России приняло решение о строительстве Балтийской трубопроводной системы (БТС). Проект позволял создать альтернативный маршрут для экспортной транспортировки российской нефти и снизить зависимость от портов Латвии и других прибалтийских стран. Речь шла лишь о снижении зависимости от соседних стран, но не о полном отказе от использования их портов. Первая очередь БТС предусматривала отгрузку 12 млн тонн нефти в год, что было меньше мощности одного только Вентспилса, не говоря уже о других портах Латвии, Литвы и Эстонии. Приморск рассматривался лишь как дополнение к портам Прибалтики.

Приняв решение о строительстве БТС, Россия не сразу приступила к реализации проекта. Причина заключалась в острой нехватке денежных средств. В 1998 году в России разразился финансовый кризис, который поставил под сомнение возможность реализации проекта. Для сбора средств «Транснефть» в 1999 году ввела целевой инвестиционный тариф, дополнительно взимаемый при прокачке нефти по системе магистральных нефтепроводов. Сбор целевого тарифа вызвал острую критику со стороны нефтяных компаний, финансовое состояние которых было очень плохим из-за длительного периода низких цен на нефть.

И вот здесь у Риги появился шанс гарантировать на долгие годы «российский транзит». Учитывая сложность реализации проекта, были начаты переговоры с Латвией о совместном использовании Вентспилского порта. Россия предложила обеспечить гарантированную загрузку транспортных мощностей и предоставить инвестиции на модернизацию порта в обмен на долю в его капитале. Мысль о том, что доля в стратегическом объекте может быть продана России, вызвала бурный протест в Латвии. Высказывания латвийских политиков и публикации в латвийской прессе были полны пренебрежения к способностям Москвы построить собственный нефтяной порт на Балтике.

Эксперты предупреждали: «свыше 65% ежегодного грузового оборота Вентспилса приходится на российский внешне-торговый транзит, обеспечивающий порту и прилегающему региону 200–250 млн долл. в год. Потеря российского транзита может ввергнуть экономику этой страны в затяжной кризис. По имеющимся расчетам, после введения таких санкций латвийская экономика будут терять более 300 млн долл. в год, а РФ – менее 30 млн долл. (Россия–Балтия. Доклады СВОП. Материалы конференций. Под ред. С.К. Ознобищева, И.Ю. Юргенса. М., 2001. С. 151).

Вскоре оказалось, что Латвия свой шанс упустила.

В начале 2000-х годов цены на нефть рванули вверх, многократно увеличив экспортную выручку, и международные рейтинговые агентства начали повышать кредитные рейтинги России, что обеспечило привлечение иностранных кредитов. Нефтяные компании, которые совсем недавно отчаянно боролись против инвестиционного тарифа «Транснефти», обратились с предложением предоставить необходимые средства на строительство нового транспортного маршрута, лишь бы работы начались быстрее.

«Транснефть» в ответ сообщила, что не нуждается в помощи и готова реализовать проект самостоятельно. В 2000 году началось строительство БТС, в декабре 2001 года в новом российском порту на Балтике был загружен первый танкер.

Вслед за этим проект БТС был несколько раз пересмотрен в сторону увеличения мощности. Речь шла уже о десятках миллионов тонн нефти в год. В 2003 году мощность Приморска достигла 30 млн тонн нефти в год. Экспорт нефти через Латвию стал быстро снижаться, а официальные представители России начали говорить о скором отказе от использования иностранных портов.

В этот период Латвия почувала неладное и заявила о готовности к продолжению диалога о совместной деятельности и увеличении перевалки нефтяных грузов в Вентспилсе. Но прежние условия уже не устраивали российскую сторону. «Транснефть» запросила контрольный пакет акций Ventspils Nafta – основного оператора Вентспилского порта. Российская компания оценила пакет в 143 млн долл., Айварс Лембергс – в 200 млн долл. Возможно, это была последняя возможность договориться о сотрудничестве. Получив отказ, Сергей Григорьев, занимавший в то время должность вице-президента «Транснефти», посоветовал латышам «вязать носки, производить трикотаж и не биться за транзит».

1 января 2003 года Вентспилс был вычеркнут из списка направлений для транспортировки нефти. В 2004 году «Транснефть» снизила оценку стоимости контрольного пакета акций латвийского терминала до 1 долл. (См.: «Нужны ли России порты Прибалтики»; <http://www.ngfr.ru/article.html?055>).

Однако далеко не все сосредоточено на нефтяном транзите.

В 2003 году был опубликован весьма содержательный доклад о перспективах отношений России и Прибалтики, в котором говорилось:

«Прошло 12 лет. Слишком короткое время, чтобы изменить национальный характер или стереть историческую память. Но его оказалось достаточно, чтобы принципиально изменить геополитические и геоэкономические рамки региона. В начале 1990-х даже самые смелые не предполагали, что к 2003 г. Латвию, Литву и Эстонию пригласят в НАТО и Европейский Союз.

Главные стратегические цели балтийских государств достигнуты. Но одновременно стремительный темп социально-экономической трансформации и обретение вожеленного статуса членом двух ведущих западных институтов изменили ракурс, перспективу видения и повестку дня отношений с Россией.

Из проблемы, угрозы (реальной или виртуальной), Россия превращается в важнейший ресурс развития балтийских стран.

В отношениях России и балтийских государств в 2003 г. начался новый этап. Представляется, что до 2010 г. его будут характеризовать, прежде всего:

- существенное снижение роли внутривосточных факторов;
- большая предсказуемость и даже стабильность, низкая вероятность «проклятых сценариев»; снижение рисков резкого обострения двусторонних отношений;
- дальнейшее усиление торгово-экономической компоненты;
- повышение роли экономических акторов – крупного бизнеса и его организаций;
- появление возможностей для общих решений в сфере безопасности;

- растущая зависимость от отношений ЕС – Россия;
- новая зависимость от геополитического и геоэкономического выбора России;
- зависимость от трансатлантических отношений США – Евросоюз, США – Россия;
- усиление роли международных (ЕС, НАТО, ВТО, ООН) и региональных балтийских (Совет государств Балтийского моря (СГБМ), Совет Баренцева-Евроарктического региона (СБЕР) и др.) организаций и институтов;
- влияние процессов интеграции, глобализации в направлении унификации Балтии, а с другой стороны,
- дальнейшая регионализация и субрегионализация; из объекта европейской интеграции балтийские страны превращаются в ее субъект и получают инструменты влияния на динамику и характер европейской интеграции.

Начало нового этапа не означает полного исчезновения из повестки дня отношений балтийских стран и РФ проблем (прежде всего положения русскоязычных), которые не были решены в 1990-х. Но их роль уже начала меняться, они будут постепенно терять внутривосточную остроту, дестабилизационный, конфликтный потенциал. Вместе с тем значительно возрастает приоритет торгово-экономических отношений в двустороннем, но еще больше – в многостороннем формате» (Доклад «Россия и Балтия: 2010». Фонд перспективных исследований и инициатив (Москва) совместно с Институтом исследований будущего (Таллин); 2003 г.).

В 2006 году Приморск уже был способен переваливать 75 млн тонн нефти в год. В этом же году Россия прекратила отгружать нефть через литовский порт Бутинге. В 2009 году

пришёл черёд Одессы попрощаться с транзитом российской нефти.

Транзитная драматургия продолжала развиваться. В мае 2008 года на презентации проекта «Север» и терминала для перевалки светлых нефтепродуктов в Приморске премьер-министр Путин заявил, что перевалка российских экспортных нефтепродуктов, которая сейчас идет через порты стран Балтии, в ближайшее время будет переориентирована на российские порты.

Эту тему вслед за Путиным развил вице-премьер Игорь Сечин. Он сообщил, что считает необоснованными претензии Литвы о возобновлении поставок российской нефти на литовский Мажейкяйский НПЗ. «Какие к нам могут быть требования и претензии?! – сказал Сечин журналистам в Приморске. – Почему мы должны отдавать наши ресурсы?». По его словам, если Литва хочет закупать российское сырье, то может воспользоваться российскими терминалами, к примеру, открывающимся в Приморске терминалом «Северный».

Примерно в это же время прозвучал комментарий из Вентспилса.

Президент Ассоциации латвийского транзитного бизнеса, мэр Вентспилса и председатель правления свободного порта Айвар Лембергс заявил:

«Через Вентспилс транзитом идет всего 10% российской нефти, и в пользу нас говорит тот факт, что у нас существенно ниже, чем в Приморске, портовые сборы: Вентспилс – 0,70 долл., Приморск – 2,65 долл. плюс 1 долл. за фрахт судна. Добавьте сюда еще использованное на дорогу горючее, расстояние. Говорить о Приморске в связи только с Вентспилсом абсолютно неправильно. В такой же мере Приморск является конкурентом для Туапсе, Новороссийска, Одессы, а также для портов Германии, Сло-

вакии, Польши, Литвы. Те, кто акцентирует эту проблему только на Вентспилсе, занимаются политизацией вопроса». По мнению Лембергса, место опасениям было бы в том случае, если бы через Вентспилс проходили сто процентов российской нефти. Пока же мощность Приморска только чуть выше, чем прирост добычи нефти в 2001 году, к тому же добыча нефти в России и в Каспийском регионе увеличивается и будет увеличиваться, а из этого следует, что нужны будут дополнительные мощности.

По мнению г-на Лембергса, отказаться от услуг латвийских портов можно только в силу политических, а не экономических причин. «Эта зима должна доказать горячим головам, что правительства царя Николая II и СССР были не так глупы, выбирая для судоходства безопасные регионы, а Вентспилс является таковым», – заметил мэр. Итак, Айвар Лембергс был уверен: работы хватит всем.

Насколько же был прав Лембергс? Здоровое зерно в его высказываниях присутствовало, но высказывались и противоположные точки зрения, не менее обоснованные.

Весьма скептически оценивал ситуацию аналитик Балтийского форума Виктор Сиперковский: «Нефть мы уже потеряли, но остается надежда на газ. Наша страна нынче не является экономическим мостом».

В интервью газете «Вести Сегодня» (23 мая 2008 г., № 117) он сказал: «Давайте посмотрим правде в глаза и скажем себе: Латвия – не транзитная страна. О каком транзитном государстве применительно к Латвии может идти речь, если эта сфера дает нам нынче всего 3 процента ВВП! Образно говоря, нас нельзя называть и банановой республикой, поскольку в странах с таким названием хотя бы бананы растут. У нас и этого добра нет!

Роковая ошибка была допущена нашими транзитными магнатами еще в конце 1990-х – начале 2000-х годов.

Нет, пока это не означает, что Россия полностью «закрывает» балтийское направление, просто доля транзита на порты стран Балтии не превысит 4 процентов. Таким образом, особо надеяться на российский транзит не приходится. Будем реалистами!

Важно также понять, что на самом деле сегодня мы не являемся своего рода мостом между Западом и Востоком. Помните, еще в начале–середине 1990-х наши политики очень любили повторять эту песню про Латвию как некий экономический мостик. Нынче ключевыми считаются совершенно другие пути – не из России в Северную Европу и обратно, а из Юго-Восточной Азии в Россию и Европу. Мы географически не вписываемся в актуальные транзитные пути. Не случайно Россия сейчас пытается развивать дороги, трубопроводы на дальневосточном направлении.

Россия вполне может обойтись без Балтийского моря и без Латвии!

Россия, равно как и Китай, самодостаточная страна. И если мы хотим хоть как-то заинтересовать Россию, хотим стать ее партнерами хотя бы в каком-то из направлений транзита, мы должны себя вести более гибко – и политически тоже.

Мы знаем, что отдельные страны Восточной Европы – например, сначала Польша, потом Литва – пытались блокировать переговоры России с Евросоюзом. Всякий раз, правда, от своих ультиматумов отказывались, понимая, что эти демарши совершенно бесполезны. Россия нынче может обойтись и без нового договора с Евросоюзом, тем более ведь есть соглашение, по которому при отсутствии нового договора действует прежний.

Страны Восточной Европы должны осознать, что ситуация изменилась и более Россия ни от кого не зависит – ни от Евросоюза, ни от отдельных стран ЕС.

В то же время было бы ошибочным считать, что Россия хочет от всех отгородиться в плане экономической кооперации. Нет и еще раз нет. Наглядный пример – разработка Штокманского месторождения в Баренцевом море. Кто партнеры России в этом проекте? Норвежская компания Statoil и французская компания. Будут и другие игроки, в том числе из стран ЕС, проект частично будет финансироваться Евросоюзом. И таких совместных крупных проектов – десятки. Разумеется, среди этих партнеров Латвии нет. Есть сильные партнеры – Германия, Франция, Италия. Они и ведут себя более прагматично (в политическом смысле) по отношению к России. Равно как и Финляндия, которая очень хорошо зарабатывает на контейнерных перевозках.

...Вот в газовой сфере у нас более радужные перспективы сотрудничества с Россией. Особенно, если мы сделаем ставку на строительство газовой электростанции. Этим мы можем убить сразу двух зайцев: и сократим расходы на строительство электростанции (угольная будет стоить на порядок дороже), и сможем заинтересовать Россию. России было бы выгодно использовать наше газохранилище – это своего рода запасник газа и для многих российских регионов. Кроме того, наше участие в этом газовом проекте покажет всему Евросоюзу, что Россия готова учитывать интересы (в газовой сфере) всех стран ЕС. Не стоит забывать, что среди основных акционеров Latvijas gaze – российский «Газпром», что тоже повышает интерес Москвы к добельскому проекту. В газовой сфере Латвия действовала более прагматично, чем в нефтетранзите, и поэтому мы можем рассчитывать на более благоприятные результаты».

(Продолжение газовой тематики см. в материалах 12-й конференции Балтийского форума в выступлении посла России А. Вешнякова).

К 2008 году относится и комментарий эксперта петербургской аналитической группы «Конструирование будущего» Сергея Боровикова. По его словам, планируемые меры ударят по бюджетам прибалтийских государств достаточно заметно – сегодня транспортировка через их порты российских товаров, по разным оценкам, достигает от 10 до 20% той доли ВВП, которая связана с данным видом транзита. Однако эти потери будут не настолько критическими, чтобы можно было говорить о каком-либо эффективном экономическом давлении на страны Прибалтики. «Там по-прежнему останется достаточно много так называемого русскоязычного прибалтийского капитала. Кроме того, это давление будет гораздо ниже того давления, которое оказало на экономики прибалтийских государств их вступление в Евросоюз. Чисто экономическое выкручивание рук в современном мире неэффективно».

Методы экономического давления пока больше раздражают местные элиты и вряд ли когда-либо заставят их «пойти на поклон» к Москве. Поэтому Кремлю предстоит отказаться от использования исключительно метода экономического «кну-та», и заменить его политическим «пряником». Это подразумевает масштабную работу с местными политическими элитами (в том числе и с оппозицией, как это делают, например, в Вашингтоне), а также с общественным мнением этих государств. Сегодня такая работа практически нигде не ведется, в результате чего Россия уже сильно сдала позиции на постсоветском пространстве.

Но все эти споры и конфликты были уже давно – в 2008 году. А в следующем году, напомним, разразился мировой экономический кризис, который, возможно, дал новый шанс Латвии.

Вот что говорил в январе 2010 года в интервью журналу «Kapitals» вице-мэр Риги Айнарс Шлесерс, являющийся также одним из лидеров партии ЛПП/ЛЦ: «До кризиса, когда цена на нефть была очень высокой, российская сторона четко определила, что будет развивать инфраструктуру своих портов и постарается обеспечить всё сама. Сейчас они понимают, что это утопия. Невозможно все это реализовать – построить подъездные пути, железную дорогу и все необходимое. Поэтому мощность латвийских портов на 60 млн тонн с дополнительной мощностью до 80–100 млн тонн является привлекательной».

Объективно говоря, Вентспилс предлагает российским экспортёрам более выгодные условия по сравнению с Приморском. Не случайно, в 2003 году, когда «Транснефть» прекратила прокачку нефти в направлении Вентспилса, российские нефтяные компании выразили сдержанное недовольство. Небольшие объёмы нефти до сих пор поставляются в латвийский порт в обход системы «Транснефти» – по железной дороге, речными танкерами. Но позиция «Транснефти» проста и понятна – компания вложила немалые средства в создание собственной транспортной системы и для возврата инвестиций должна обеспечить максимальную загрузку БТС. Иностранцы в такой ситуации совершенно ни к чему, какие бы выгодные условия они ни обещали.

К нефтяной тематике необходимо добавить и газовую. О газопроводе, который соединял бы Россию и Европу и при этом проходил через Латвию, в латвийской *Latvijas gaze* мечтали давно. Подобный проект существовал на бумаге уже в конце 1980-х годов, но в связи с развалом СССР был заморожен. По причине политических разногласий Россия отказалась строить

газопровод через Латвию. На протяжении пяти лет специалисты Газпрома разрабатывали различные варианты транспортировки газа в Европу. *Latvijas gāze* при каждой возможности напоминал Газпрому, что самый выгодный путь для российского газа проходит через Латвию. Однако, как мы знаем, был выбран маршрут прокладки по дну Балтийского моря, в обход Латвии.

Тем не менее, сотрудничество с «Газпромом» не было окончательно свернуто. Общие показатели транзита также пока далеки от нулевых.

Вот информация 2010 года: «Через морские порты ЛР проходит около 40 млн тонн российских грузов. По экспертной оценке, стоимость услуг портов и латвийской железной дороги (транспортировка по латвийской территории и перевалка в портах) составляет не менее 600 млн долл. Россия остается главным партнером Латвии в сфере транзита. Около 70% грузов, которые проходят через морские порты страны, являются российскими» (из интервью посла России в Латвии А. Вешнякова журналу «Открытый город» (Латвия), 2010, №3 (июнь)).

Итак, позади 20 лет драматического сотрудничества в области транзита. Что же сказать по этому поводу?

Можно ли сегодня (эти строки пишутся летом 2010 года) Москве и Риге преодолеть ошибки и взаимные подозрения и встать на реалистический путь взаимовыгодного сотрудничества?

В этом плане авторы являются оптимистами.

Почему оптимистами? Ответ на этот вопрос, на наш взгляд, дает давняя статья одного из нас. Иногда в старых статьях открывается много свежих мыслей. Приведем ее полностью – и как исторический документ, и как аргумент в пользу здравого смысла.

Янис Урбанович:
«Долой холодно-гражданскую войну!»
(газета «Час» (Рига), 17 июня 2004 г.)

Отшумели майские праздники. Разобраны декорации. На новых автомобильных номерах в Риге появилась европейская символика. Подорожали бензин, сахар и молоко. Все с опаской спрашивают друг друга: «Что дальше?»

Латвия теперь – член НАТО и ЕС; две главных цели последнего десятилетия достигнуты ценой упорного и ежедневного труда тысяч чиновников и политиков. Этих точно можно поздравить. Многих из них ждут открывшиеся вакансии в Брюсселе. Что же ожидает остальных? А ничего хорошего.

Спросим прямо: что представляет собой сегодня Латвия и ее народ? И ответим просто и откровенно: это разобщенное общество, расколотый мир с тихо, но верно тлеющими внутри конфликтными очагами. Разломы в обществе пролегли по разным линиям «демаркации»: тут и русские-латыши, и бедные-богатые, и городские-сельские и т.д., и т.п.

А все дело в том, что внутри себя мы остались, в общем, как и были, обыкновенными совками. Старательно лелеем свою маленькую гражданскую герилью (пока, слава богу, эта война холодная) и терпеливо ждем – кто Сталинграда, кто Ватерлоо, а кто и штурма казарм «Монкада»... Отчаянно играем в страхи и в жмурки, жалуемся друг на друга разным заграницам (так дети жалуются старшим).

Понятно, у каждого своя правда, своя обида, свое видение справедливости. Договориться не получилось. Имитируем ежедневные победы друг над другом (попробуйте прочитать в

один присест русскую и латышскую утренние газеты – о какой стране они пишут?). Осталась надежда на Европу.

Но эта идея глупа и наивна. Ибо невозможно примирение со стороны, невозможен «экспорт» согласия или его директивное внедрение. Третья сторона может конфликт приглушить, одернуть и пожуричь участников, усадить их за стол переговоров. Но договариваться и искать согласия придется самим. Отдавая в чужие руки инициативу, мы теряем в темпе и в конкуренции.

Как разжать тиски радикализма?

Радикализм рождает революции, в том числе песенные, бархатные, розовые, пивные, апрельские и октябрьские. Радикализм ведет революцию к победе, сужая при этом поле политического маневра и фокусируя народную энергию на «операционном поле» главной цели. Конечно, у каждого радикализма есть свой градус, «срок хранения» и масштаб. И вряд ли у кого-то повернется язык поставить в один ряд Спартака, Кромвеля, Ленина, Моше Даяна и, скажем, Юриса Добелиса.

Обычно после победы революции радикализм начинает быстро сходиться на нет, либо возвращаясь в русло политического диалога, либо отправляясь на свалку истории. В латвийском случае это возвращение несколько затянулось. Правительство Индулиса Эмсиса – первое в нашей новейшей истории, свободное от национал-радикалов. И это свобода еще очень хрупка.

В настоящее время мы являемся свидетелями рождения и эскалации нового радикализма. Правительство Репше не только предоставило пищу для такого всплеска. Оно приготовило ее наилучшим образом, красиво сервировало и подало в нужное время и в нужном месте. Так называемая реформа образо-

вания была весьма топорно подготовлена и еще более идиотскими методами претворялась в жизнь. У нее практически не было (и не могло быть) союзников в реформируемой среде. Эту ошибку рано или поздно кому-то еще предстоит признать.

Однако возможно ли сегодня однозначно и безусловно вставать в ряды «штабистов»? Нет, ни в коем случае. И не только лишь из-за идейных разногласий. Эти разногласия можно было бы сгладить и даже снять путем нормального диалога. Проблема заключается в невозможности самого диалога.

Хорошо знакомы по крайней мере большинство лидеров «штабистского движения». В свое время немало сил было приложено для вовлечения этой публики в нормальный демократический процесс. Было совершенно понятно, что предоставленные самим себе, эти люди рано или поздно скатятся в чистой воды экстремизм; они могут стать вторым изданием печально известной RAF, «Красной армии действия». Национальным правым, конечно, такое лыко было бы очень «в строку». Сегодня, когда запчеловская коалиция мертва, опасность неконтролируемого экстремизма велика как никогда с начала 90-х.

В любом случае реального практического результата радикализм «штабистов» в нынешних формах удовлетворительных результатов принести не может. Вопросы образования на улицах не решаются, они решаются за столом переговоров, а диалог с демонстрацией – пусть в десять тысяч, пусть в сто – никак невозможен.

Естественно, экстремизм и радикализм имеют множество сторонников и ценителей как «на улице», так и в политических сферах. Здесь присутствует и важный международный аспект. Ведь политика – это не первوماйские танцы мадам Калниете.

Политика – это торговля, где все карты и козыри известны с самого начала. Голый прагматизм и никакого романтизма.

«Русский вопрос в Балтии» – российский аргумент в торговле с ЕС. В конце концов, эту карту сбросят, причем, вполне возможно, в обмен на европейскую экономическую уступку. Ведь три десятка миллиардеров все же маловато для такой страны, как Россия.

Что делать? К какому новому берегу плыть?

Евроинтеграция и строительство национального, моноэтнического государства – это два противоположных вектора. Народ проголосовал за первый выбор, давайте же похороним второй.

Следует быстро и справедливо решить «русский вопрос» – как в отдельно взятой Латвии, так и в единой Европе. Независимость Латвии теперь обеспечена на обозримый исторический отрезок.

Давайте перестанем бояться «русских голосов» и создадим реальные условия для решения проблемы безгражданства.

Прекратим позорные и заведомо бесплодные усилия по ассимиляции нелатышей. Прекратим тратить на это финансовые и человеческие ресурсы. Направим усилия освободившегося госаппарата, например, на освоение европейских структурных фондов.

Научимся извлекать пользу от соседства с Россией и сотрудничать с ней. Перестанем стыдиться русских капиталов. В конце концов, они лежат в наших банках и работают в качестве кредитных ресурсов. Вложенные в бизнес, они создают рабочие места и обеспечивают наполнение бюджета. Вложенные в недвижимость, они толкают этот рынок вверх и делают всех латвийских собственников богаче.

Очень не хочется останавливаться на антироссийской паранойе последнего времени. Надеюсь, что это была лишь агония исторического реваншизма и всплеск обыкновенной глупости. Уверен, что народ Латвии сумеет потребовать от нынешней администрации ответственного и дальновидного поведения.

Наша восточная внешняя политика находится в глухом тупике, у нас здесь нет ресурсов, ни политических, ни людских для выхода. Это еще раз говорит об общем нездоровье латвийского политического организма; он не соответствует ни потребностям сегодняшнего дня, ни здравому смыслу.

Всем реальным политическим силам, способным на здравомыслие и имеющим чувство перспективы, следует договориться и определить зону национального консенсуса. Это могут быть несколько пунктов, но важных, стратегических, поддержанных всеми. Тогда, независимо от того, кто победит на выборах и какая коалиция сформируется на этой основе, общий курс страны останется понятным и неизменным.

Не следует надеяться на то, что этот курс чудесным образом возникнет сам собой как некая результирующая разнонаправленных усилий разных партий и групп, каждая из которых тянет одеяло на себя. Надо требовать и от себя, и от других разумного и ответственного поведения. История не простит грубых ошибок, эгоизма и лукавства!

Игорь Юргенс. Добавлю, что и в России сегодня мы стали гораздо прагматичнее, революционный радикализм (это явление не только латвийское) ушел в прошлое. Мы с тобой всегда знали, что рано или поздно всем нам, и в Москве, и в Риге, придется признать бесспорность пословицы: «Хороший сосед

лучше дальнего родственника». Напомню одну давнишнюю рекомендацию Балтийского форума: «Представляется целесообразным, чтобы деловые круги России и стран Балтии разъясняли обществу и политическим элитам своих стран невыгодность дальнейшего снижения уровня взаимных экономических связей». Это было бы высшей степени патриотично.

Янис Урбанович. Патриотично! В России часто повторяли: «Патриотизм – последнее прибежище негодяев», искажая мысль английского поэта и критика Сэмюэля Джонсона. На самом деле он говорил совсем противоположное: «Любовь к Родине – это последняя надежда и спасение у самого пропадающего человека».

В Латвии тоже любят говорить на тему патриотизма. Причем, чаще всего трактуют его узкоэгоистично, как выгоду для себя и своего ближайшего окружения. Поэтому обращаю внимание на статью Джонсона «Патриот. Обращение к избирателям Великобритании», она написана давно, в 1774 году, в ней дано созвучное моему пониманию объяснение патриотизма.

«В конце каждого семилетия наступает пора сатурналий, и свободные мужчины Великобритании могут поздравить себя: у них есть из кого выбирать своих представителей... Отобрать и направить в парламент депутатов, которым принимать законы и жаловать налоги, это высокая честь и серьезная ответственность: каждый избиратель должен задуматься, как поддерживать такую честь и как оправдать такую ответственность.

Необходимо убедить всех, кто имеет право голоса в этом национальном обсуждении: только Патриот достоин места в парламенте. Никто другой не защитит наших прав, никто другой не заслужит нашего доверия.

Патриотом же является тот, чья общественная деятельность определяется лишь одним единственным мотивом – любовью к

своей стране, тот, кто, представляя нас в парламенте, руководствуется в каждом случае не личными побуждениями и опасениями, не личной добротой или обидой, а общими интересами».

Общими интересами! Звучит куда как злободневно.

Пора признаться, что наши общие интересы гораздо шире и важнее узкопартийных. В Европе Латвия может получить кредиты, но деловое сотрудничество чаще направлено на восток. Не нужно реагировать на выпады Жириновского и подобных ему политиков, не нужно обезьянничать вслед за ними. Реагируя на каждую глупость или провокацию, мы льем воду на мельницу политических спекулянтов.

А посмотрите на упущенные возможности последних лет! Враждебность, проявляемая к России в наивной надежде, что страны старой Европы примут это как должное, привела к неожиданным последствиям. Они ярко выразились в так называемых «газовых клещах» – строительстве Россией новых газопроводов (проекты «Северный поток» и «Южный поток») в партнерстве с Германией, Италией и Францией. Строительство «Северного потока» в Варшаве сравнили ни много ни мало с пактом Молотова-Риббентропа, но это ничего не изменило. Прагматические интересы Берлина, Рима и Парижа оказались несравнимо сильнее восточноевропейских претензий на контроль над российским транзитом.

К тому же Россия стала активно разворачиваться в восточном направлении, что вообще может поставить восточноевропейские страны в ситуацию «захолустья», о котором когда-то говорил шведский король Густав Адольф.

ПРИЛОЖЕНИЯ

КРАТКИЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ И ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-ЛАТВИЙСКИХ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

В настоящее время Латвия стоит перед выбором. Глобальный экономический кризис обнажил многие ее проблемы, значительная часть которых обострилась благодаря почти двадцатилетнему (беспрецедентный случай в новейшей истории Восточной и Центральной Европы) правлению правых партий. Длительное доминирование либеральных ценностей в управлении латвийской экономикой стало одной из причин того, что Латвия оказалась в числе самых пострадавших от последствий кризиса стран. И это неизбежно может ее привести к сильному крену «влево» уже в самое ближайшее время.

Как следствие этого во внешней политике придет время установления полномасштабных добрососедских отношений со всеми ближайшими соседями Латвии, и в первую очередь с Россией и другими странами СНГ.

Следует отметить, что несколько лет назад в Латвии уже была предпринята попытка прихода к власти в стране левых.

На рубеже веков значительно выросла популярность социал-демократической партии (ЛСДРП). Параллельно с этим три политические партии, которые традиционно поддерживает русскоязычное население, объединились в единый блок «За права человека в единой Латвии» (ЗаПЧЕЛ).

На муниципальных выборах 2001 года именно эти партийные списки получили наибольшее количество голосов и смогли впервые сформировать левую коалицию в Рижской Думе с ведущей ролью соцдемов.

Однако достигнутый успех левым партиям не удалось закрепить. Уже на следующих парламентских выборах осенью 2002 года погрязшие в коррупционных скандалах и во внутренних разногласиях социал-демократы не сумели преодолеть пятипроцентный барьер и «выбыли из игры». В свою очередь, политическое объединение ЗаПЧЕЛ на этих выборах добилось исключительно важной для себя победы, проведя в латвийский парламент – Сазым ЛР – до четверти своих депутатов. Но оставшись без естественных союзников, «пчелы» были вынуждены остаться в оппозиции.

Это стало для них серьезным испытанием. Объединение, руководимое такими амбициозными политическими лидерами, как Янис Юрканс, Татьяна Жданок, Альфред Рубикс, которые исповедуют столь разные политические взгляды, не смогло сохранить единство рядов и уже в начале 2003 года две из трех партий покинули ЗаПЧЕЛ и попытались решать собственные политические задачи в одиночку.

Итоги выборов в латвийские органы самоуправления в 2005 году, на которых левые потерпели досадное поражение, еще раз показали, что без консолидации сил им трудно рассчитывать на успех.

После смены руководства партии Народного согласия в 2005 году, процесс объединения левых сил возобновился с новой силой. По инициативе ПНС вместе с партией «Новый центр», Соц-партией и Даугавпилсской городской партией было создано новое политическое объединение «Центр согласия» (ЦС), к которому впоследствии присоединились и латвийские социал-демократы.

После успеха ЦС на парламентских выборах 2006 года, а теперь и после убедительной победы на последних выборах в самоуправлении в июне 2009 года, в результате которой Рижскую Думу впервые возглавил русский мэр Нил Ушаков, в латвийской политической жизни закрепилась новая реальность. Она характеризуется:

- консолидацией рядов русскоязычных избирателей;
- уходом в прошлое у значительной части избирателей-латышей фобий прихода к власти русскоязычных политиков;
- усталостью латвийского общества от длительного правления правых и их неспособностью справиться с серьезнейшими экономическими трудностями;
- назревшей потребностью реальной альтернативы в управлении общественно-политической и социально-экономической жизни страны.

В этих условиях только негативное стечение целого ряда субъективных факторов, таких как

- серьезнейшие просчеты и ошибки левых партий в ходе предстоящей предвыборной кампании,
- и неоспоримые успехи правящих правых партий по преодолению кризисных явлений, причем уже в самое ближайшее время,
- могут стать препятствием объективно сложившейся необходимости прихода к власти левых в Латвии.

В этих условиях особенно важной становится роль лидера партии, способного эффективно действовать в кризисные времена и готового взять на себя ответственность за проведение в латвийском обществе кардинальных перемен.

Вся предыдущая политическая деятельность Яниса Урбановича как лидера «Центра согласия» свидетельствует о том, что он соответствует выполнению этих задач в наибольшей степени. Ему присущи такие столь необходимые сейчас качества как:

- креативное мышление,
- организационные навыки,
- заточенность на достижение конкретного результата,
- умение работать с людьми,
- несомненный практический опыт политической деятельности в оппозиции и эффективной работы (особенно в последнее время) с политиками правящих правых партий,
- а также столь редкая в среде нынешней латвийской политической элиты репутация политика, умеющего «держать слово».

В послужном списке Яниса Урбановича успешная работа на производстве, по результатам которой он еще в советское время был награжден двумя правительственными наградами.

Латвийский комсомол он возглавил в начале 1989 года во времена серьезных перемен и смог реформировать его из глубоко идеологизированной в современную демократическую молодежную организацию – Союз за прогресс молодежи Латвии.

До сих пор СПМЛ продолжает свою успешную деятельность. К примеру, в сотрудничестве со своими давними партнерами – молодежными организациями России и Белоруссии, у Кургана Дружбы у пересечения границы трех государств СПМЛ

ежегодно проводит международный молодежный лагерь «Бе-Ла-Русь», на который в конце июля на четыре дня съезжается до семисот представителей молодежи. А первый лагерь по инициативе Я. Урбановича состоялся еще в 1992 году.

Опыт реформирования молодежной организации впоследствии пригодился ему в практической деятельности по поиску компромисса и отказа от насилия противоборствующих сторон в трудном процессе постепенного перехода от Латвийской ССР к независимому латвийскому государству.

Сразу после окончательного установления в начале 1990-х годов в Латвии нынешних институтов власти, Я. Урбанович принял активное участие в политической деятельности. Начиная с 1993 года и до настоящего времени он избирается депутатом латвийского парламента с пятого по нынешний, девятый созыв (http://www.saeima.lv/deputati/1deputati_frakcijas.html), при этом в Саэйме ЛР последние годы руководит одной из крупнейших парламентских фракций (фракция «Центра согласия»).

Когда российско-латвийские межгосударственные отношения достигли своего наибольшего охлаждения, по инициативе Я. Урбановича в 1998 году было создано международное общество «Балтийский форум», объединившее ученых, предпринимателей, общественных деятелей Латвии и России (а затем и США, и стран Евросоюза).

В настоящее время «Балтийский форум» уже давно стал влиятельным экспертным сообществом, на счету которого проведение около двух десятков международных конференций, многие дискуссии и «круглые столы», актуальные исследования, изданные книги, телемосты и многое другое (<http://www.balticforum.org/>). Среди долголетних партнеров форума – многие влиятельные экс-

перты с мировым именем. Вот только некоторые из них: Игорь Юргенс, Сергей Караганов, Александр Рар, Александр Дынкин, Дмитрий Саймс, Надежда Арбатова, Леонид Григорьев.

В 1994 году на основе предвыборного блока «Согласие Латвии – развитие народному хозяйству» Я. Урбанович участвует в создании партии Народного согласия (ПНС), которую он возглавил в 2005 году, а затем стал одним из последовательных инициаторов создания политического объединения «Центр согласия» (<http://www.saskanascentrs.lv/ru/>).

В числе ближайших приоритетных задач объединения успешное участие в парламентских выборах в октябре 2010 года. По их итогам «Центр согласия» вполне может рассчитывать на создание сначала крупнейшей парламентской фракции, а затем и на участие в формировании нового кабинета министров. В этом случае наиболее вероятным кандидатом в премьеры вполне может стать кандидат от ЦС Я. Урбанович.

В числе важнейших направлений внешнеполитической деятельности этого кабинета министров несомненно станет полномасштабная нормализация российско-латвийских межгосударственных отношений на принципах прагматичности, добрососедства и взаимной выгоды. Вся предыдущая политическая деятельность Я. Урбановича свидетельствует об его искреннем желании, последовательности и о реальной возможности добиться этой цели в кратчайшие сроки.

КРИЗИС КАК ДВИГАТЕЛЬ СОТРУДНИЧЕСТВА

(Из материалов «Балтийского форума»,
28–29 мая 2010 г., Юрмала*)

28–29 мая 2010 года, в двенадцатый раз в Юрмале прошел «Балтийский форум» – международная конференция, ставшая не только одним из механизмов и важной движущей силой для политики Латвии и всего Балтийского региона, но также полигоном, где традиционно впервые обозначаются и обкатываются проекты возможных глобальных политических сценариев. Именно такой, поистине глобальной, была тема нынешней конференции – «Мировая политика, экономика и безопасность после кризиса: новые вызовы и задачи». Несмотря на то, что обсуждаемая тема носила общий характер, участниками конференции было высказано немало конкретных и конструктивных предложений.

Это неудивительно, если взглянуть на список участников Форума. В этом году на приглашение президента международного общества «Балтийский форум» Яниса Урбановича и председателя наблюдательного совета форума, председателя правления Института современного развития (Россия) Игоря Юргенса откликнулись исполнительный директор Центра Никсона (США) Пол Сондерс, бывший заместитель госсекретаря США и глав-

* Полная стенограмма Форума-2010, в том числе материалы панельной дискуссии «Европейско-российские отношения в Балтийском регионе: как использовать потенциал сотрудничества?», доступна на сайте «Балтийского форума»: <http://www.balticforum.org/lv/conference-2010/stenogramma/> или <http://www.balticforum.org/ru/conference-2010/stenogramma/>

ный переговорщик по вопросам контроля вооружений, сопредседатель инициативы Global Zero Ричард Берт, директор Центра ЕС–Россия (Бельгия) Фрейзер Камерон, директор программы Россия/Евразия Германского совета по внешней политике Александр Пар, директор Института мировой экономики и международных отношений РАН (Россия) Александр Дынкин. И это лишь часть именитых гостей.

Кроме прочего, нынешний форум ознаменовался тем, что на него обратили внимание официальные власти Латвии. Если до сих пор они высокомерно относились к «Балтийскому форуму» как к диалогу представителей российских правительственных и неправительственных организаций с пророссийски ориентированными политическими кругами Латвии, то на открытии 12-го форума с речью выступил министр иностранных дел Латвии Айвис Ронис. Тому есть как минимум два объяснения. Первое – официальная Рига осознала, что формат Форума выходит за рамки узкого диалога, и в дискуссиях также представлены позиции Европейского союза, США, Китая, Индии и других крупных международных игроков. И второе – официальная Рига, наконец, признала, что сегодня диалог с Москвой для нее играет более весомую роль, чем прежде.

Именно кризис и обновление мирового политического порядка, новые реалии международной архитектуры безопасности сблизил позиции Востока и Запада, России и ЕС, ЕС и США. Обсуждение этих позиций и являлось основной темой дискуссий.

Приветствия и напутствия

После кратких приветствий отцов-основателей «Балтийского форума» Яниса Урбановича и Игоря Юргенса, слово было предоставлено министру Айвису Ронису, которого господин Юргенс представил «человеком, много сделавшим для осмысления международной архитектуры безопасности».

Легко и изящно открестившись от приписываемой ему роли «патрона Форума» (не всё сразу!), министр иностранных дел Латвии напомнил слова крупного специалиста по демонтажу фортификационных сооружений холодной войны, бывшего президента США Рональда Рейгана о «необходимости разрушить стену недоверия, чтобы все силы могли встретиться, не идеализируя, но и не демонизируя друг друга». Завершая своё обращение к участникам форума, Айвис Ронис призвал Латвию к пониманию того, что «...нам никто ничего не должен! Мы не живем в мире, где с одной стороны нас ласкает Мать Тереза, а с другой пугает Иван Грозный. Мы входим в западные организации, которые связаны тесным партнерством с нашим тысячелетним соседом, Россией».

Соглашаясь с необходимостью значительно расширить отношения между соседями, министр высказал надежду, что в будущем «Балтийский форум» может стать основной трибуной для диалога между Латвией и Россией. Правда, организаторы форума возразили министру, что следование такому совету не расширит, а наоборот, сузит формат мероприятия, которое по громким именам участников и обсуждаемой тематике давно выросло из «коротких штанишек» двустороннего диалога.

С приветственным выступлением к участникам форума обратился и один из давних его организаторов, Нил Ушаков,

отметивший высокую значимость того, что на Форуме «наши союзники из ЕС, друзья из России, союзники из США, НАТО сидят вместе в этом зале, уничтожается конфронтация, ищутся новые подходы и решения». Правда, на сей раз Н. Ушаков выступал в новом качестве – как мэр Риги.

Александр Вешняков: цифры и возможности

Посол России в Латвийской республике Александр Вешнякову после протокольной благодарности за приглашение перешел к конкретным цифрам, в которые кризис внес свои коррективы.

По сравнению с предыдущим годом, в 2009-м почти в два раза – до 4,5 млрд долл. – снизился взаимный товарооборот между Россией и Латвией. Объем экспорта составил 4,1 млрд долл., объем импорта – 0,4 млрд долл. Правда, уже в первом квартале нынешнего года начался обратный процесс, наметился 25-процентный рост взаимной торговли. При этом почти на 30% вырос объем латвийского экспорта в Россию. В структуре российского экспорта традиционно доминировали энергоносители, в импорте на лидирующие позиции вышли продовольствие, химические и фармацевтические товары.

Посол отметил, что около 70% грузов, которые перевозятся по железной дороге и проходят через морские порты Латвии, являются российскими. Около трети от общего объема перевалки российских грузов через Латвию составляет транзит кузбасского угля.

Посол посетовал, что объем инвестиционного сотрудничества не отвечает потенциалу имеющихся возможностей. По данным Банка Латвии, объем накопленных прямых российских инвестиций в экономику страны по итогам 2009 года составил 509 млн долл. По этому показателю Россия занимает скромное седьмое место среди основных инвесторов Латвии.

А. Вешняков обозначил основные интересы российских инвесторов. В первую очередь, они готовы вложить деньги в портовую инфраструктуру. Российский производитель минеральных удобрений «Уралхим» уже зарегистрировал в Латвии дочернюю компанию и намерен построить для перевалки минеральных удобрений два терминала в Рижском порту. В Вентспилском порту запущена первая очередь угольного терминала закрытого типа совместной компании «Балтийский угольный терминал» с проектной мощностью в 10 млн тонн. В рамках состоявшегося в 2009 году визита в Москву руководства мэрии Риги обсуждались вопросы создания в Рижском порту технопарка и терминала для перевалки контейнеров в российском направлении. Латвийская сторона проявляет интерес к развитию совместных с Россией проектов по модернизации Лиепайского порта.

Успешно продолжается и сотрудничество в газовой сфере. В 2009 году продлен договор между компанией *Latvijas Gāze* и концерном «Газпром» о поставках природного газа в Латвию до 2030 года. В период с 2010 по 2015 год объем инвестиций LG в реорганизацию подземного хранилища в Инчукалнсе, обеспечение его безопасности, а также в дальнейшее развитие трубопроводной системы составит не менее 100 млн долл.

Энергосистема Латвии более чем на 10% обеспечивается российскими поставками. По оценкам экспертов, ежегодный энергодефицит Латвии составляет 30–35% от энергопотребле-

ния. С учетом ежегодного роста спроса, который прогнозируется на всём европейском рынке, к 2012 году этот дефицит может составить до 40%.

В условиях возрастающего после закрытия Игналинской АЭС регионального дефицита электроэнергии, российские компании выражают заинтересованность и готовность участвовать в создании в Латвии новых электрогенерирующих мощностей, а также в подготовке двустороннего соглашения по мерам обеспечения параллельной работы энергосистем России и Латвии. Посол не скрывал огорчение ограничениями для участия россиян в международном конкурсе на строительство новой электростанции под Лиенапай. Согласно условиям конкурса, предпочтение отдается компаниям, зарегистрированным на территории ЕС и относящимся к членам ВТО, куда Россию пока не допускают.

Другой отмеченный Вешняковым удачный проект совместного сотрудничества – ожидаемый в 2010 году пуск в эксплуатацию автосборочного предприятия «АМО Плант» под Елгавой, где основными акционерами являются правительство Москвы и известное предприятие ЗИЛ. Кроме автобусов на заводе будут собирать малотоннажные автомобили и минитракторы. Общий объем инвестиций в этот проект составит около 70 млн долларов. В качестве проектов более далекой перспективы посол отметил предварительную договоренность о создании в Даугавпилсе совместного производства светодиодной продукции при содействии объединения «Росэлектроника».

Подводя итоги, А. Вешняков подчеркнул, что Россия в будущем не намерена мириться с ролью поставщика энергоносителей и сырья, оставляя в тени вопросы производственного и научно-технического сотрудничества. Он напомнил, что тема повышения конкурентоспособности экономики, диверсификации

и перехода на инновационный путь развития является весьма актуальной как для России, так и для Латвии. И что именно интернационализация научно-исследовательских работ может способствовать выпуску конкурентоспособной продукции в интересах участников инновационных проектов. Такие проекты могли бы реализоваться на латвийской территории при софинансировании основных целевых структурных фондов ЕС.

Посол с удовлетворением напомнил, что в этом году, наконец, ожидается подписание соглашения об избежании двойного налогообложения, продолжается переговорный процесс по соглашению о поощрении и взаимной защите капиталовложений. Подписание этих и других договоров (всего около 10) планируется в ходе готовящегося визита президента Латвии Валдиса Затлерса в Россию, который может стать первым после 16-летней паузы полномасштабным контактом на высшем уровне.

Заключение упомянутых соглашений позволит создать стабильную инвестиционную среду в двусторонних связях, упорядочить вопросы налогообложения в соответствии с международными стандартами и даст новый толчок развитию торговых и экономических отношений между нашими странами.

Игорь Юргенс: российские контуры будущего мира

Председатель правления Института современного развития Игорь Юргенс не стал отрицать, что события последних двух лет ощутимо сказались на расстановке сил в мировой экономике. Притом что, по его мнению, никаких революционных изменений в геополитике не произошло, многие процессы, обозначившиеся

до кризиса, были значительно ускорены. Вместе с тем господин Юргенс посоветовал не уделять новой расстановке сил чрезмерное внимание, и, сославшись на красноречивую метафору министра Латвии Айвиса Рониса про Мать Терезу и Ивана Грозного, призвал заниматься тем, что дал Бог. Иными словами – использовать факт, что Латвия с Россией являются соседями, дальше развивать и укреплять эти добрососедские отношения.

Говоря о задачах современного развития и перспективах международного сотрудничества для России, И. Юргенс отметил: обычно «логика конкуренции принуждает нас воспринимать чужое усиление как вызов, требующий защитных мер, а чужое ослабление – как шанс, который надо использовать в собственных интересах» – но подобная логика работает лишь в том случае, если обеспечена качественная конкурентоспособность национальной экономики. «Если же на повестке дня стоит приобретение конкурентоспособности, то следует понимать – эта масштабная задача заставляет оглядываться на перестановку сил вовне со значительной долей осторожности».

В этой связи «новые сильные и новые слабые игроки мировой экономики для России важны настолько, насколько реально и продуктивно будет развитие с ними партнерства для модернизации. Перспективы такого партнерства лишь в некоторой степени определяются экономической мощью сторон».

В качестве основных причин неустойчивости российского форсированного роста в середине нынешнего десятилетия, роста, преимущественно основанного на притоке нефтедолларов, Юргенс назвал повышение роли государства в экономике, экспортную ориентацию сырьевых отраслей, принципиальную слабость частной финансовой системы, зависимость от внешнего кредитования, накопление огромных государственных финансовых резервов и значительный вывоз капитала.

Главной движущей силой будущего роста, стабильного и устойчивого, Юргенс видит инвестиции и инновации. При этом он уверен, что реальное обновление способна дать только полномасштабная модернизация: перезагрузка институтов регулирования национальной экономики, повсеместное улучшение условий хозяйствования, снижение административных барьеров, тотальная дебюрократизация и отказ от «ручного» управления в пользу универсальных механизмов поддержки конкуренции и защиты собственности. Такие задачи не позволяют ограничиться одними только экономическими мерами; они требуют общей, интегральной модернизации, в том числе модернизации политической сферы, социальных отношений, гражданского сознания.

Одним из важнейших факторов для ускорения процесса преодоления последствий кризиса Юргенс назвал широкое вовлечение России в мировые интеграционные процессы – как политические, так и экономические: «Чем более страна интегрирована, тем менее она зависима. Это не парадокс. Чем крепче внешняя инвестиционная база для роста национальной экономики, тем успешнее работают на ее защиту международные механизмы. И тем эффективнее оказываются усилия по корректировке и перестройке этих механизмов при появлении такой необходимости».

«Сегодня Россия встроена в процесс интеграции сразу на несколько уровнях и в нескольких направлениях. Это создание Единого экономического пространства и Таможенного союза с ближайшими соседями по СНГ, это все более широкое участие в организации Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества, это продолжающаяся работа по подготовке к вступлению России в ВТО, наконец, это активизирующееся взаимодействие с ЕС».

«В начале нынешнего года, – рассказал Юргенс, – Институт современного развития завершил работу над материалом «Россия XXI века – образ желаемого завтра». Это эскизный очерк того будущего, в стремлении к которому российское общество способно составить сильную и широкую модернизационную коалицию. Одно из главных мест в документе уделено внешнеполитической стратегии, и я позволю себе достаточно большую цитату по этой теме:

«Основные цели внешней политики будущей России постоянно ориентируются на формирование внешнего окружения, благоприятного для внутреннего развития страны. Ключевым условием достижения этой цели страна считает сохранение мира, мирное разрешение возникающих государственных проблем и противоречий, недопущение конфронтации с какими-то ни было крупными международными игроками при избегании односторонней зависимости от них. К числу приоритетных направлений внешней политики России по-прежнему относится обеспечение безопасности, глобального признания нашей страны как одного из мировых лидеров, суверенитета, а также дальнейшая интеграция в мировую экономику.

В отношениях России с внешним миром актуальными остаются такие задачи для конструктивного взаимодействия, как предсказуемость, максимально возможно правильное понимание интересов и намерений сторон, готовность и способность рационально и конструктивно вести диалог друг с другом».

Юргенс полагает – в том, что конфронтация для нынешней России стала «недопустимой роскошью», можно видеть «определенное конкурентное преимущество перед теми мировыми игроками, которые пока такую конфронтацию могут себе позволить. Рано или поздно жизнь принудит всех без исключения к кооперации и сотрудничеству как к единственному мето-

280

ду достижения успеха на международной арене. Придется переигрывать интеллектом, а не военной силой.

Ослабление европейской экономической мощи, о котором так много говорится в последнее время, должно интересовать Россию ровно настолько, насколько оно может стать побудительной причиной для активизации партнерства с Европой.

Имеет ли перспективы стратегический союз Россия–ЕС? Опыт последнего десятилетия в этом плане противоречив. Во всяком случае, для такого союза имеются и историческая база, и актуальные цели взаимодействия. Нас объединяют цивилизационные подходы и многовековой опыт торгово-экономических связей. Перед нами вырисовываются вполне содержательные и разрешимые задачи: формирование общего энергетического пространства, создание рынка транспортных услуг, совместная разработка и обеспечение продаж в глобальном масштабе технологий, продукции и услуг в наиболее передовых секторах экономики. Юргенс особо отметил, что посол России в своем выступлении на форуме «очень убедительно показал на примере латвийско-российского сотрудничества, что именно эти направления нам нужны, и мы их реализуем, несмотря на некоторое противодействие некоторых групп интересов».

Ганс Фридрих фон Плетц: старые и новые тенденции

Бывший посол Германии в России Ганс Фридрих фон Плетц пошутил, что тема форума «интересная и вдохновляющая» хотя бы потому, что предлагает говорить о глобальной политике после кризиса. То есть, сама постановка вопроса предполагает, что кризис закончился.

При всем желании разделить подобный оптимизм коллег, посол выразил сомнение в том, что кризис не продолжится или не возобновится снова в середине будущего года.

Развивая сентенцию И. Юргенса о том, что перемены в геополитике являются не столько результатом новых тенденций, сколько усилением уже существующих, Ганс Фридрих фон Плетц согласился, что США отчасти теряют доминирующие позиции. В высший эшелон мирового лидерства приходят другие страны, например, Китай и Индия. Они наращивают экономическую мощь и догоняют нынешних лидеров. Это неизбежный процесс, со временем способный привести к политическим последствиям.

В этом контексте Ганс Фридрих фон Плетц предложил обсудить инициативу президента Медведева о новых переговорах по системе европейской безопасности. Существуют разные взгляды на эту инициативу и ее мотивы. Некоторые усматривают в ней ревизионистскую попытку вернуться к установлению зон влияния в Восточной Европе, Центральной Азии, а также в других регионах.

Фон Плетц сообщил, что инициатива Медведева обсуждалась в экспертной группе, готовящей концепцию новой стратегии НАТО. В группу входят представители 28 стран – членов НАТО, и в ходе обсуждения был представлен широкий спектр мнений.

Больше всего представителей стран НАТО удивил факт, почему Медведев сосредоточился не на глобальной безопасности, а ограничился европейской. Фон Плетц считает, что целью президента России в первую очередь было определить место России по отношению к другим странам Европы. Выражаясь

иными словами, он хотел подчеркнуть идентичность российской цивилизации как европейской. Конечно, присутствует и некоторый разрыв в ценностях. Тем не менее, фон Плетц уверен, что если сравнить с одной стороны ЕС, НАТО и Россию, с другой стороны Россию, НАТО и Китай, то во втором случае разрыв окажется гораздо больше.

«Какой мы видим Россию со стороны Европы?», спрашивает фон Плетц. «Возможно, она уже не сверхдержава, как советские времена, но она по-прежнему остается мощной страной. И в военном отношении тоже. По крайней мере, с точки зрения Европы и Азии».

Ганс Фридрих фон Плетц признает, что Россия является необходимым и желательным партнером в работе по разрешению конфликтов: «Это касается Средней Азии, Ирана, возможно, Афганистана и Северной Кореи. Россия незаменимый партнер в решении вопросов глобальных угроз. Несмотря на все различия во мнениях, партнерство и сотрудничество с Россией является абсолютной необходимостью. И интегрировать ее в стратегическое партнерство было бы также в наших интересах».

«Когда мы в группе НАТО начинаем думать о том, с какими вызовами, тенденциями и проблемами столкнемся в ближайшие десять лет, мы особенно часто обсуждаем Россию. Москва была единственной столицей вне ЕС, которую мы все вместе посетили с визитом, преследуя при этом определенные цели. Мы хотели уточнить наши взаимоотношения с Россией, чтобы затем положить это уточненное понимание в основу дальнейшего сотрудничества. Мы не скрываем, что между нами и Россией существуют разногласия. Когда группа экспертов посещала разные столицы стран НАТО, я вместе с нынешним

министром иностранных дел Латвии побывал в столицах стран Балтии, в Польше и в Праге. Там я встретился двумя противоречащими друг другу тенденциями. С одной стороны, эти страны – соседи России. Соответственно, у них имеется собственный взгляд на отношения с ней. Там подчеркивали, что благодаря членству в НАТО и ЕС их страны имеют беспрецедентный уровень безопасности, которого не было никогда раньше в их истории. Это хорошо. Они также присоединились к нашей оценке, что Россия не представляет угрозы для НАТО. И согласились с утверждением, что вероятность военного конфликта с Россией относительно невелика.

С другой стороны, они подчеркнули, что у них иногда возникают трудности в понимании того, как Россия формулирует перспективу своей внешней политики. Они все как один настаивали, что необходимо очень серьезно относиться к 5-му пункту Договора НАТО о совместной защите страны НАТО в случае вооруженного нападения на неё. То есть, они хотят большей уверенности.

При этом они утверждают, что никто больше чем они не заинтересован в продуктивном и стабильном сотрудничестве с Россией. Мы предложили НАТО в качестве будущей стратегии в отношениях с Россией обеспечить уверенность в безопасности стран – членов НАТО и, это цитата из доклада, «необходимость построения системы безопасности, которая включает в себя сотрудничество с Россией». То есть, для нее двери открыты на всех уровнях.

Однако мы осознаем, что эпоха перемен на европейском пространстве не закончилось. Когда мы говорили с официальными лицами в России, то поднимали, разумеется, и тему НАТО. Их

взгляды нас разочаровали. По их мнению, восточное расширение НАТО является угрозой. Они также не приветствуют готовность НАТО принимать на себя решение новых задач на территориях, выходящих за пределы НАТО. Они считают, что НАТО принимает на себя функции ООН. Третий момент, что является ошибкой и заблуждением, – «НАТО и США это одно то же», потому что отношения между Россией и НАТО не могут быть лучше, чем отношения между Россией и США. Эта удручающая оценка усложняет положение дел и наши взаимоотношения».

ОБ АВТОРАХ КНИГИ

ЕСТЕСТВЕННЫЙ ВЫБОР ЯНИСА УРБАНОВИЧА

Из чего делается человеческая судьба, никто до конца не может объяснить. Конечно, влияние родительской семьи, традиции отечества, окружение – все это играет свою роль. Но это в лучшем случае всего-навсего полправды. Официальное жизнеописание Яниса Урбановича предельно конкретно. А всю правду приходится составлять из несоединимых, на первый взгляд, кусков.

Что мы знаем о Янисе Урбановиче?

Родился в марте 1959 года в Резекненском районе Латвийской ССР. Там же закончил среднюю школу. Высшее образование получил в 1982 году в Елгаве в Латвийской сельскохозяйственной академии на факультете гидромелиорации.

Это информация официальная и потому неинтересная. Мало ли мужчин так начинали свой жизненный путь.

Интересное начинается за пределами общедоступных сведений.

В его судьбе есть, по меньшей мере, несколько фактов, которые сделали Урбановича тем, кто он есть сегодня.

Первый факт. Его отец воевал против фашизма в рядах Красной армии, а родной дядя состоял в Латышском легионе. То есть в нем сошлись две диаметрально противоположные исторических линии, соединение которых ничего хорошего их обладателю не сулило.

Второй факт. В двухлетнем возрасте он должен был погибнуть. Осенью, стоя вместе с матерью на озерных мостках, он

оступился и упал в глубокую холодную воду. Пока растерянная женщина сбежала с мостков, прошла целая вечность, ведь дело решали секунды. Но малыш не ушел камнем на дно, плавал на поверхности, поддерживаемый вздувшейся одеждой.

Случай, скажем мы. Возможно, просто случай.

Третий факт. Это очень небогатая, многодетная, глубоко верующая католическая семья. Трое девочек и младший сын, Янис, который по обещанию матери Богу, должен стать священником.

Четвертый факт. Отец – рабочий-мелиоратор, тракторист. Еще мальшом Яниса учат управлять трактором, а в школьные годы он уже работал на каникулах в бригаде отца.

Пятый факт. Он – последний первый секретарь ЦК комсомола Латвии. Вместо общеизвестного умозаключения, что комсомол был кадровым резервом коммунистической партии, мы обратим внимание на то, что из комсомольских руководителей последних советских лет вышло немало крупных политических деятелей современности. Это Сергей Тигипко на Украине (кандидат в президенты республики, ныне вице-премьер), Виктор Басаргин – министр регионального развития в правительстве России; Александр Квасневский, бывший президент Польши, хоть напрямую и не относится к коллегам Урбановича по комсомолу, тоже был одним из руководителей польской молодежной коммунистической организации.

Ограничимся пока этими пятью фактами.

Окончив сельскохозяйственную академию, Урбанович работал в родном районе, сначала инженером-гидротехником ПМК-22, а впоследствии начальником производственного участка, в подчинении которого была территория размером с пол-

района, и который руководил самой уважаемой на селе работой – строительством мостов, дорог, мелиорацией лугов и пашни.

Он рано женился, у него трое детей, хорошая репутация и приличная зарплата.

Потом его жизнь вместе с судьбой тогда еще огромной страны начинает делать резкие повороты.

Один из них происходит в самый разгар перестройки, в 1987 году. Молодого специалиста неожиданно пригласил к себе первый секретарь райкома партии и бывший красный партизан Иван Авксентьевич Богданов и сделал предложение, от которого в то время было трудно отказаться. Кратко его можно было бы сформулировать так: или два года службы в Советской армии, или три года работы в комсомоле.

Для семьи это был непростой выбор. Нелегко матери отдать единственного сына служить в Вооруженные силы СССР как раз на исходе афганской войны. Однако и ответственная работа на общественном поприще – совсем не та судьба, о которой тетя Геля для своего любимого Иониса мечтала с самого его рождения.

Напомним, что это были времена ранней горбачевской перестройки, когда и молодежь, и зрелые люди жили романтическими ожиданиями перемен. В этой обстановке начать комсомольскую карьеру означало, кроме всего, взять на себя ответственность за исполнение хотя бы части этих надежд.

Комсомольская карьера молодого перспективного производственника, как мы знаем, сложилась вполне успешно: вскоре избрали первым секретарем райкома, потом избрали секретарем ЦК.

Беда была в том, что страна, в том числе комсомол, стала медленно, а потом все быстрее и быстрее разваливаться прямо на

глазах и разбежаться по своим национальным квартирам. А когда в январе 1990 года Яниса избрали первым (и, как вскоре стало известно, последним) секретарем ЦК ЛКСМ Латвии, Советскому Союзу было отмерено историей жить неполных два года.

За это время Урбановичу удалось преобразовать Ленинский комсомол республики в европейского типа молодежную организацию; пережить вместе с ней и со всей Латвией провозглашение независимости, трагичные события января 1991 года, а потом и августовский путч; балансировать по грани разлома всего общества по национальному признаку и при этом сохранить, насколько это вообще возможно, саму молодежную организацию.

Как бы там ни было, сегодня он со многими ныне вполне успешными латвийскими предпринимателями и общественными деятелями отдает должное той жизненной школе, которую получил в недавнем прошлом.

Становление независимой Латвийской Республики совпало со стремительным развитием в ней предпринимательской деятельности. С политикой Урбанович, кажется, расстался навсегда. Надо было выбирать новый путь. Тогда он стал заниматься бизнесом, благо, располагал и профессиональными знаниями, и опытом руководителя.

Это было время, как писали классики марксизма, быстрого накопления первичного капитала. Достаточно мутное и сумбурное время, когда деньги, казалось, делались из воздуха, когда сам воздух был пропитан атмосферой алчности, и многие предавали бывших друзей и знакомых.

Совсем скоро стало ясно, что этот вид деятельности – не для Яниса. Не прошло и года как его вновь потянуло к ставшей привычной общественной деятельности.

А может быть, вновь сыграл решающую роль его величество случай. По мнению его прежних, острых на язык сослуживцев, переломным пунктом в биографии молодого бизнесмена стало вмешательство еще более могущественных высших сил, чем прежнее районное партийное начальство.

После того, как Янис в 1993 году участвовал в организации давно ожидаемого всеми латвийскими католиками визита в Латгалию Папы Римского Иоанна-Павла II, в благодарность за это он на ступенях Аглонской базилики удостоился благословения понтифика. И, по мнению острословов, только после вмешательства главы Римской католической церкви Янис Урбанович смог преодолеть в себе «грех стяжательства». Хотя, конечно, еще древнеримский историк Саллюстий, говоря о нравах своего времени, говорил, что любовь к деньгам, корыстолюбие в корне подрывает верность, правдивость и прочие добрые чувства, а учит высокомерию, жестокости и все считать продажным.

Последовал новый жизненный поворот и новый нелегкий выбор. Сейчас мы знаем абсолютно точно, что вряд ли мир латвийской высшей политики чище мира предпринимателей, фундамент которого составляют ценности чистогана. Скорее даже наоборот.

А следовательно, приходится особенно тщательно следить за моральной стороной каждого своего поступка и каждого решения. И так уже более пятнадцати лет, с тех пор, как в 1994 году наш герой стал депутатом Саэйма первого созыва после восстановления независимости Латвии.

В дальнейшем избиратели, главным образом, из родной Латгалии, делегировали его в парламент многократно, а теперь, страшно сказать, он собирается переизбраться вновь, уже в шестой раз, и на этот раз в качестве лидера самого популярного

в латвийском обществе политического объединения «Центр согласия», да еще и в ранге наиболее вероятного кандидата в будущие латвийские премьеры.

Такое политическое долголетие вполне объяснимо. В то время, когда многие ранее убежденные интернационалисты вдруг сразу вспомнили о своих национальных корнях, и, более того, стали усердно «мелиорировать» их с применением нетерпимости к инородцам, Янису удалось преодолеть в себе это искушение. Слово «согласие» стало самым естественным образом ключевым для его политического кредо и отнюдь не по конъюнктурным соображениям.

По-другому и быть не могло. Для его родной Латгалии, на перекрестке исторических дорог и различных культур, принцип согласия в жизни людей разной национальности и терпимость в вопросах вероисповедования – это естественный жизненный выбор.

Здесь столетиями бок о бок живут латгальцы и русские, латыши и евреи, литовцы и белорусы. Они с незапамятных исповедуют католицизм и православие, иудаизм и лютеранство. Здесь, как нигде в Латвии, много русских старобрядцев. И для многих семей, как и для семьи Яниса, вполне было естественно, когда мать с детьми говорила дома на родном латгальском языке, на рынке могла поторговаться на идише, а с представителями власти уважительно разговаривало на латышском, немецком, а потом и на русском языках.

В Латгалии вообще особенно остро переживали любые межнациональные ушибы, а тем более, военное лихолетье середины минувшего века, когда брат шел на брата, а сын воевал против отца. От этого надолго остаются на сердце любого человека незаживающие раны.

Говоря о миссии Урбановича, подчеркнем, что этот человек и политик сегодня в кризисной Латвии, образно говоря, сшивает разорванное пространство страны, чтобы вернуть ее к процветанию и согласию.

Что к этому повествованию можно добавить еще? Пожалуй, только одно.

Провидение несколько раз ставило жизнь Яниса на грань жизни и смерти. Возможно, испытывало его. Или готовило к еще большим испытаниям.

О чудесном спасении в двухлетнем возрасте мы уже говорили.

В 1990 году, после встречи в Ясиром Арафатом в Тунисе, Урбанович горел в самолете над Альпами. Вена тогда не приняла аварийный советский самолет. И он, как всем тогда казалось, очень медленно и неторопливо делал длинный круг для захода на Будапешт. Пассажирам оставалась только гадать, была ли эта небольшая месть со стороны израильского Моссада или просто очередное испытание свыше. Впрочем, тогда самолет Аэрофлота «Ту-154М» все же дотянул до взлетно-посадочной полосы венгерской столицы. Его же брат-близнец с польским президентом на борту совсем недавно трагично окончил свой полет на подлете к Смоленскому аэропорту.

Позднее у Урбановича случилось несколько серьезных инцидентов на далеких от совершенства латвийских дорогах. И всегда судьба давала шанс уйти от трагедии, сохраняя жизнь одному из наиболее ярких, дерзких и перспективных латвийских политиков.

Случай, скажем мы.

Да, на все есть случай, человеческий выбор и воля Божья.

Из интервью и статей Яниса Урбановича

...Я с ужасом смотрю, что партии, находящиеся у власти, в качестве предвыборного блюда снова предлагают национализм. Потому что, кроме национализма, они предложить ничего не могут. Потому что если они начнут говорить об экономике, то им придется объяснить народу, что происходит в стране. А как они могут объяснить тот беспредел, в котором мы живем? Вот и приходится снова вытаскивать на стол старое блюдо – его подогрели, заменили гарнир, ввели новые составляющие, запустили принцип колхоза – идем на выборы не по одному, а все вместе. Так что теперь от вопроса: «Почему ты этого не делал, когда находился у власти?» всегда можно изящно уйти, сказав: «Сейчас мы все вместе всё сможем сделать!». Создается национализм нового разлива, но этот напиток все равно горчит...

...Нет, я не думаю, что надо говорить о том, что, народ Латвии сам виноват. Что, простые жители в течение двадцати лет разворовывали страну? Нет! Они просто позволяли себя обманывать. Вот и все! Для того чтобы выйти из внутреннего рабства и чиновничества, требуется время. И кризис в этом процессе только поможет.

Думаю, что они могли бы протестовать, если бы не те страшилки, которые они слушают все эти годы. О коварных местных русских, которые спят и видят, как бы скупить всю латвийскую собственность, погубить латышский язык, вывести за Урал латвийскую землю и присоединиться к России. О том, что в Кремле с утра до ночи только и думают, как бы побольше навредить Латвии! Все это было бы просто смешно, если бы не было так грустно. И если бы не работало на сознание людей.

Когда о «русской угрозе» постоянно говорят президенты, премьер-министры, депутаты, авторитетные журналисты – простые люди начинают в нее верить. Как же иначе – они там наверху все знают. А если есть угроза – значит, надо терпеть, а то будет еще хуже.

И вот сегодня я хочу спросить у всех: ну что плохого еще может случиться с Латвией? Неужели кому-то легче от того, что его обворовывает не случайный прохожий на улице, а собственный родственник? Родственник, который смеется над ним на его же языке? Коллективный мазохизм – это худшее, что может быть у любого народа.

Только абсолютный эгоизм народа по отношению к власти приводит к альтруизму власти. Но у нас в Латвии наблюдается совершенно другая картина – полный альтруизм народа по отношению к власти – чтобы не сказать влюбленность в нее! – и полный эгоизм в отношении власти к народу. Отсюда и разочарование, и негодование, и пустота в душе.

...Общество в Латвии никогда не структурируется хрестоматийно, как это имеет место в любой нормальной стране, – на правых и левых, на партии, защищающие интересы состоятельных людей, и на партии, защищающие интересы малообеспеченных, если существует надуманное разделение на латышей и русских. Когда тебе это долго вбивают в голову, ты сам становишься не только объектом «разводки», но и ее носителем.

Давно пора признать, что присвоение гражданства было подлостью. Это разделение было совершено ради того, чтобы как можно меньшее число людей получило приватизационные сертификаты и попользовалось плодами приватизации. А еще это гарантировало пребывание у власти этнокоррупцированной элиты. Все сложилось просто «прекрасно»: внизу

разделенное общество, а сверху элита крадет из карманов и тех и других.

...Каждая страна, как и каждый человек, должна найти разумный баланс своих желаний и возможностей. А для этого надо провести внутренний аудит. Латвия этого не сделала, мы не пытались анализировать: кто мы? Чего мы хотим? Что мы можем? Мы просто взяли и надели чужие туфли неподходящего размера и, спотыкаясь, ходим в этих туфлях уже двадцать лет.

Есть такой термин «финляндизация», у нас финляндизацию, как правило, ругают, хотя никто ее серьезно не изучал. А суть состоит в следующем: финны после Второй мировой войны провели серьезнейший аудит ситуации в стране. Для Финляндии война была очень кровавой, тысячи финнов погибли, была утрачена часть территории, было множество личных трагедий. Но после войны, отдав дань скорби погибшим, Финляндия не задержалась в прошлом, а начала строить будущее.

Финны стали зарабатывать на географии, на том, что рядом находился СССР, а потом Россия. Они зарабатывали на добрососедстве, на развитии портов, на транзите, они стали главными поставщиками многих западных товаров в Россию. Рост доходов позволил вкладывать средства в образование и науку, так появились многочисленные инновации и та самая знаменитая «Нokia», которая стала символом успеха!

При этом финны не предавали ничьей памяти. Вообще для Финляндии характерно очень терпимое и чуткое отношение к истории. Там не сносят никакие памятники, там до сих пор стоят памятники времен Российской империи, памятники тем, кто воевал в «Зимней войне» с СССР. Путин, когда был с официальным визитом в Финляндии, посетил могилу маршала Маннергейма... Это нормальное взрослое отношение. «Центр

согласия» все эти двадцать лет говорит: давайте делать так! Давайте относиться к жизни по-взрослому.

...Да, надо использовать все возможности Евросоюза, тут нечего обсуждать. Но мы должны помнить о том, что заработать мы сможем только на факте добрососедских отношений с Россией, а через нее – с Центральной Азией и Китаем. Что для этого нужно? Найти формулу добрососедства внутри страны, перестать поддаваться политиканам, которые все это время кормили нас враждой. И поверить в себя. К тому же по сравнению с Финляндией, Эстонией и Литвой в Латвии есть одно большое преимущество: у нас много русских.

...На самом деле все мы, живущие в Латвии, являемся европейскими латышами. И латыши, и русские, и латгалцы. И никуда от этого не деться – как бы это ни было неприятно тем или другим... Европейские латыши – ну и нормально. Какая разница? Чего мучиться?

...Для того чтобы сделать Латвию по-настоящему независимой, нужно открывать Восточный фронт! Нужно делать все, что этому способствует, и не делать того, что этому мешает. Вот и все! Надеюсь, что предвыборное безумие закончится, другие латвийские партии возьмутся за ум, и наша платформа станет фундаментом для дальнейшего развития. Развитие экономики Латвии находится в прямой зависимости от добрососедства России. Пора перестать витать в облаках и осознать этот незыблемый факт.

Договор с «Единой Россией» мы заключили не ради России, а ради Латвии. Это прагматичный и эгоистический расчет. «Единая Россия» – партия власти соседнего государства. И ее представители понимают и принимают наш эгоизм. А мы, «Центр согласия», просто хотим жить в независимой и состоятельной Латвии. До сих пор у Латвии как у страны были другие

приоритеты: ругаться друг с другом, участвовать в чужих разборках, служить чужим интересам. Мы смотрим на ситуацию по-другому.

...Если после выборов ситуация в Латвии не изменится, отношение к нам со стороны Европы будет таким: мы знаем, что вы сами не умеете зарабатывать, потому что вы не работаете на востоке – там, где реально можно заработать. Что же, это ваш выбор. Вот вам кредит на выживание – не создавайте нам, а точнее – нашим банкам проблем. И существойте, как хотите. А мы вас даже издевательски похвалим в прессе: «Какой удивительный народ живет в Латвии – его душат, душат, а он всем доволен!» И наши политики с восторгом будут повторять эти слова. А как же иначе: всегда всем народ доволен – это просто подарок для любой власти.

(«Час» (Рига), 23 апреля 2010 г.)

В том, что говорят о России на Западе, самым общим местом, наверное, является тезис о ее непредсказуемости и нелогичности в ключевых политических решениях. Такую мысль сегодня многие повторяют и в Латвии. К сожалению, это происходит от большого самомнения. А также от высокомерной лени, которая мешает нам изучать и понимать нашего ближайшего и крупнейшего соседа.

Почти вся наша политэлита демонстративно нелюбопытна к России и давно уже смотрит на эту страну чужими глазами, оценивает ее чужим умом. Несмотря на географическую и остальную близость, в Латвии сегодня нет мало-мальски профессионального центра по изучению России; экспертов по ней даже в МИДе мало, нет соответствующих кафедр и в университетах. Наверное, есть какие-то «русские отделы» в наших спец-

службах, однако если судить об их работе по шагам и словам, которые выдает политическое руководство страны (которое получает их отчеты), то хорошей оценки они тоже не заслужили. Именно поэтому латвийские прогнозы и комментарии о России плохо соотносятся с практикой. И тогда на помощь приходит спасительный постулат о непредсказуемости русских, об их загадочности и дикости. Что, по сути, есть самооправдание, или, как говорят сегодня в России, «отмазка» для не слишком успешных политиков, а также для тех экспертов и комментаторов, чьи прогнозы так плохо исполняются.

История между тем говорит об обратном: у всякого решения, акции или просто весомого поступка русских имеется и практическая, и идеологическая логика; более того, все они хорошо увязаны с прошлым и находят свое продолжение в будущем. Проблема в другом: вместе с частью наших западных союзников и партнеров мы не хотим сегодня слушать русских, — потому что многое в том, что они говорит, нам не нравится. А если что-то и приходится волей-неволей услышать, то мы напрочь отказываемся понимать услышанное.

Когда полтора года назад Путин в Мюнхене подробно изложил точку зрения России на ее роль и место в современном мире, наша политэлита (вместе со своими атлантическими коллегами) восприняла это в лучшем случае как бессмысленную демонстрацию даже скорее, как эпатажную выходку грубых, темных и неpolitкорректных правителей России. Мол, или шутят, или пугают. В результате Европа утратила возможность менеджмента в грузино-российском конфликте и получила взамен массу неприятностей: неоперабельный обрубок Грузии, вконец потерявшего вменяемость Саакашвили и политические заморозки на континенте. А нашему премьеру, доверчивому и не-

298

удачливому, пришлось даже слетать в Тбилиси и прикрывать грудью этот город от русской бомбардировки!.. Между тем, и Европе, и нам в Латвии следует подумать о моральных итогах августовской войны, а также о том, как строить дальше отношения с большим соседом. Для этого необходимо, прежде всего, прочесть те сигналы, которые были четко и осознанно посланы нам русскими в последние недели и месяцы.

В политической элите России и в широких слоях ее общества есть консенсус как в отношении событий на Кавказе, так и в оценке западной политики. По другим вопросам там, может, и происходят дискуссии, а вот по поводу Запада дискуссий нет. Русские ясно и четко увидели, что основной целью Запада является ослабление и вытеснение России из Европы – на север и на восток, когда при удобном случае на первый план выйдет задача расчленения России с получением доступа к ее сырьевым ресурсам.

Русские не скрывают более, что они не верят тому, что говорят их «западные партнеры». «Запад обманывает нас уже 20 лет, и мы перестанем уважать себя, если будем продолжать им верить дальше», – так думает сегодня большинство россиян. Хорошим примером на эту тему стали слова Горбачева о том, как в 1990 году госсекретарь США Бейкер обещал не расширять НАТО на Восток... Можно только догадываться, как болезненно давались эти воспоминания президенту бывшего СССР...

Что следовало бы хорошенько уяснить о современной России, так это то, что она больше не блефует. Раньше – да, блефовала и не раз; можно вспомнить массу случаев, когда после демонстраций и громких заявлений Москва не предпринимала никаких серьезных шагов. Поэтому многие в мире (и в Латвии в том числе) стали воспринимать Россию как бумажного тигра.

Уверен, что наставники Саакашвили, которые консультировали и готовили его к войне, тоже говорили: «Русские опять блефуют: они еще долго не решатся на силовой ответ...» Однако русские решились, и их ответ был полной неожиданностью для многих. Поняли ли они, что Россия не намерена больше блефовать, и будет держать свою «красную линию», которая, как это следует из последних событий, уже очерчена? Думаю, что не все. Боюсь, что попытки попробовать русских на твердость еще будут иметь место в будущем. Дай Бог, не латвийскими руками...

...Как известно, дьявол кроется в деталях. И такие детали имеются и в рассматриваемом вопросе. Обращаясь ко всей заинтересованной зарубежной аудитории, русским следует делать это как можно более персонально, сегментировать ее, видя структурную и ментальную сложность. Иными словами, со всеми заинтересованными сторонами следует стараться говорить на их языке. Сегодня это делается не так, особенно в отношении ближайших и «малых» соседей – с ними Россия продолжает говорить высокомерно, тогда как для некоторых это действительно является помехой.

События этого года [военный конфликт между Россией и Грузией в августе 2008 г.], к сожалению, впервые за последние 20 лет заставили мир заговорить о возможном рецидиве «холодной» войны. В основе этих опасений лежит тревога за то, что Россия и Америка снова поссорятся, и начнут меряться силой – напрямую ли, либо через союзников и «друзей».

Нравится нам это или нет, но эти страны очень похожи между собой, особенно в своей внешнеполитической практике; они всегда в первую очередь считались друг с другом, никогда не воевали между собой и предпочитали, чтобы за них это делали другие.

Так, россияне всегда воспринимали свою страну как великую державу, Богом данную, уникальную, с великой судьбой, как обитель справедливости, душевности и искренности. Несколько лет назад один российский дипломат в интервью нашей прессе, сказал, что Россия никогда и никого не завоевывала – ни в XX веке, ни когда бы то ни было раньше, – а только освобождала... Я уверен, что говорил он все это искренне, и большинство россиян и сегодня согласятся с этим дипломатом...

Что до Америки, то она была создана в свое время смелыми и решительными людьми, лидеры которых руководствовались наиболее прогрессивными идеями своей эпохи. По воле providения им досталась огромная страна с девственной природой, не оскверненная кровавыми войнами и исторической враждой. Действуя совместно и дружно, американцы создали самую совершенную страну и самую эффективную в мире экономику. Теперь они готовы делиться опытом с другими – даже против их воли. Американцы убеждены, что таким образом сделают мир счастливым и прямолинейно динамичным.

И россияне, и американцы – отъявленные пассионарии. Ни у европейцев, ни у индусов с китайцами, ни даже у Боливара современности Чавеса нет такого сочетания жизненной энергии, ресурсов, воли, геополитического влияния и умения использовать других в своих интересах. Поэтому, ради сохранения стабильности и мира, и тем, и этим следует почаще и пристально вглядываться друг друга, узнавая в своем визави себя. А нам, Латвии, надо способствовать, а не препятствовать этому.

(Я. Урбанович. Почему мы не знаем, не слышим и не понимаем Россию? – «Политический класс», октябрь 2008 г.)

КАКОВОЙ БЫТЬ ТРЕТЬЕЙ РЕСПУБЛИКЕ И БЫТЬ ЛИ ЕЙ ВООБЩЕ

Третья как вариация Первой

Уже второй раз двадцатилетний срок оказался для латвийской государственности роковым. Само по себе это не трагедия и не драма. Франция, например, с перерывами на монархии, империи, коммуны и прочие режимы, похоронила четыре республики, из которых самой скоротечной оказалась Вторая, просуществовавшая всего четыре года (1848–1852), а самой продолжительной Третья – семьдесят лет (1870–1940). Принятая в 1958 году новая Конституция положила начало Пятой республике, которой недавно исполнилось полвека.

Одни считают началом конца Второй Латвийской республики заведомо пустые грезы бывшего премьер-министра Латвии от «Народной партии» Айгарса Калвитиса о том, что нас ожидают семь тучных лет. Другие уверены, что Вторая республика приказала долго жить в тот момент, когда правительство под руководством премьера от Латвийской Первой партии Ивара Годманиса с протянутой рукой обратилось за финансовой помощью в Международный валютный фонд. Третьи в качестве основного гвоздя в гроб Второй республики называют предвыборное обещание нынешнего премьера от партии «Новое время» Валдиса Домбровскиса не трогать пенсии с последующим отказом от этого обещания на следующий день после выборов.

Наверно, правы и первые, и вторые, и третьи. И не будь мирового финансового кризиса, латвийским политикам пришлось бы его придумать. Важно другое – сегодня уже не у кого

нет иллюзий, что Вторую республику можно спасти. Но пока еще сохраняется надежда на ее обломках построить Третью республику. Беда лишь в том, что планы и проекты ее строительства у представителей разных политических сил кардинально отличаются. И обманываясь сами, они вводят в заблуждение всех остальных.

* * *

Так называемые партии национального толка – и входящие в объединение «Единство» «Гражданский союз», «Новое время» и «Общество за другую политику», а также представители национал-радикального блока – «Все Латвии» и ТБ/ДННЛ видят Третью республику как клон Первой.

Теоретически, может быть, подобная идея имеет право на существование. Несмотря на противоречивые исторические оценки того времени, есть категория людей, которые Первую республику до сих пор слепо идеализируют и считают эталоном и «золотым веком» латвийской государственности. Это можно сравнить с первой любовью – горечь расставания проходит, обиды забываются, а остается лишь память о тех ощущениях. Чем больше времени проходит, тем больше ощущения фольклоризируются и имеют все меньше общего с реальностью. Во-вторых, нельзя не понимать, что для доживших до наших дней свидетелей Первой республики это воспоминание о детстве и юности, когда снег был белее, сахар – слаще, а люди – добрее.

Есть еще одна категория приверженцев и апологетов Первой республики. Они знают предмет лишь по фольклоризованным рассказам, больше похожим на легенды о земле обето-

ванной. Правда, объективно эта категория должна больший интерес представить не для политиков, а скорее для медиков. Итальянцы тоже восполнены гордости об эпохе Римской империи, а греки с любовью вспоминают свой «золотой век» – период Древней Греции. Однако это не означает, что исходя из латвийской аналогии, греки на общенациональных забастовках должны не отстаивать собственные сиюминутные социальные гарантии, а ратовать за восстановление Древней Греции. Интересно, как подобные призывы оценили бы последователи видного представителя того времени Гиппократ?

И еще. Если бы тот «золотой век» латвийской государственности был бы поистине золотым, то как объяснить, что он длился только два десятилетия? Проще всего строить теории заговора, обвинить во всем Молотова и Риббентропа, Сталина и Гитлера, искать ответы в разных пактах, в протоколах сионских мудрецов, формулах алхимиков или в катренах Нострадамуса. С этим можно было согласиться или хотя бы попытаться понять, если бы не пример Финляндии, которая из как две капли воды похожей исходной исторической ситуации нашла и избрала совершенно другой выход, продливший ее «золотой век» до наших дней.

* * *

У идеологов Первой республики образца 1918 года и у тех, кто нас пытается позвать и повести в новый ее фантом, есть больше общего, чем может показаться при поверхностном сравнении. Это неудивительно, потому что во многом и нынешняя ситуация похожа на ситуацию девяностолетней давности.

История Первой республики началась с гражданской войны 1918-1920 годов, когда поддерживаемое Антантой национальное буржуазное правительство Карлиса Улманиса, поддерживаемая Советской Россией советская власть и формирования германской армии, составленные в основном из остзейских немцев и примкнувших к ним русских белогвардейцев, делили сферы влияния. Одним словом, как это часто бывает в латвийской истории, тогда все воевали против всех.

Точно такая же война, благо, без выстрелов и кровопролития, в Латвии ведется сегодня. Это информационная и идеологическая гражданская война, преследующая все те же цели передела сфер влияния и воздействия на умы общественности любым путем. В ней каждый десятый мнит себя Бермонтом-Аваловым, а каждый второй – Оскаром Калпаксом, то есть, в статусе никак не ниже главнокомандующих. И хотя по сравнению с гражданской войной 1918-1920 годов на полях боя нынешней не проливается кровь, жертв на ее полях намного больше, и носит она более разрушительный и пагубный характер.

Цена этой войны – постоянное напряжение и противостояние в обществе, а также разрушенная и недееспособная экономика страны. Даже «правительственные мечтатели» – министр финансов Эйнарс Репше и министр сообщения Каспарс Герхардс – вынуждены признать, что уже в первое полугодие бюджетный дефицит достиг максимально допустимых пределов, а объем перевалки грузов через порты Латвии продолжает сокращаться (через Вентспилский порт на 9%, а через порты Латвии в целом больше чем на 4%). И это на фоне и при наличии реальных признаков выхода из кризиса в других странах ЕС!

Зывающие нас вернуться в прошлое политики не учли многие факты и реалии. Первое – с 1918 года существенно из

менился национальный и социальный состав жителей страны. Можно как угодно называть людей, переселившихся сюда на постоянное место жительства после 1940 года, но надо, наконец, осознать, что они никуда отсюда не уедут – если только в Ирландию. Но пока туда больше едут представители «титульной» нации и потомки архитекторов и строителей Первой республики. Что, в свою очередь, приводит к дальнейшему изменению национального состава страны.

Что касается вопроса межнациональных отношений, то тут следует учесть одно. Хотя этническая принадлежность, недолголюбивание восточного соседа и прозападная ориентация и являлись краеугольными камнями «республики 18 ноября», права и интересы национальных меньшинств в ней соблюдались последовательно и неукоснительно, о чем ее «политические реаниматоры» предпочитают умалчивать. Например, факт – то, что Ульманис-1 русские школы в Латвии не закрывал, а наоборот, открывал.

Сегодня предавая анафеме все русское и советское, также было бы неплохо вспомнить, что латышский язык, культура хорового пения, музыка, национальный театр, литература и изобразительное искусство самый бурный расцвет пережили именно в период советской власти, то есть, пользуясь риторикой архитекторов возрождения Первой республики, «во время оккупации», что в корне противоречит самому определению этого термина. Не будь «оккупации», вряд ли кто-нибудь за пределами Латвии знал бы Рижский Художественный театр, хор «Аве Соль», имена легендарной актрисы Вии Артмане, композитора Раймонда Паулса, художницы Майи Табаки и прочих латвийских звезд, чьей талант не уместается в рамках мононациональной культуры. Так что вроде как повода для мести жи-

вущим здесь русским и представителям других национальностей у латышских националистов нет. Их категорической позиции остается лишь одно объяснение – политическое.

Социальный состав нынешней Латвии и республики образца 1918 года отличается еще больше, чем этнический. Первая республика была аграрной страной, в то время как сегодня сельское хозяйство уничтожено и как отрасль, и как класс. Во многом именно благодаря негласному квотированию соотношения городских и сельских жителей Карлису Ульманису удалось достичь относительной самодостаточности страны на международной арене, социального равновесия в обществе и почти что экономического благополучия.

Нельзя сказать, что тогда не было малоимущих и нуждающихся, но их было на несколько порядков меньше, чем сейчас. Правда, Ульманису тогда здорово подыграли структура и конъюнктура европейского рынка, на котором латвийские бекон, сливочное масло, лен, глина и прочие товары аграрного сектора пользовались спросом – на рынках Великобритании, Германии и еще пары-тройки европейских стран.

Хотя доля и участие промышленного сектора Первой республики в процесс пополнения казны и государственного бюджета были относительно невелики, не надо забывать, что на заводе ВЭФ тогда выпускался всемирно известный миниатюрный фотоаппарат Minox и собирались опытные образцы спортивных самолетов. Сегодня нет ни ВЭФа, ни самолетов, ни масла, ни бекона. И если поверить чудесам и на мгновение предположить, что все это подлежит восстановлению, то с кем и на каких рынках конкурировать? С производителями субсидированной Брюсселем сельскохозяйственной продукции стран старой Европы? С японскими компаниями по производству электроники? Может, с компанией Cessna?

Именно отсутствие во-первых, полноценного аграрного сектора, во-вторых, производственных мощностей, а в-третьих, рынков сбыта, делает обещание национал-радикалов вернуть молочные реки с кисельными берегами Первой республики несбыточной по определению мечтой. Да, у нас есть отдельные примеры удачного сотрудничества в области экспорта продовольственных товаров. Но они, как правило, ориентированы на страны бывшего Советского Союза, что мало вписывается в представления политиков национального толка. И спасти они, в лучшем случае, могут несколько отдельно взятых компаний и их владельцев, но никак не экономику страны в целом. Да и то с оговоркой, если владельцы этих компаний в поисках оптимизации налогового бремени не выведут свои производства в какую-нибудь соседнюю страну с более комплиментарной политикой налогообложения.

В отличие от Первой республики, имеющей весьма солидный по тем временам золотовалютный запас, нынешняя обременена огромным долгом международным финансовым институтам. Сегодня правительство занимает у них деньги и вкладывает их в сохранение ликвидности и высокого уровня прибыли работающих здесь скандинавских банков. Подобную «роскошь» мы можем позволить себе еще полтора года от силы. Потом нам надо будет начинать отдавать собственно сам долг. И тогда у нас уже неоткуда будет взять деньги ни для возвращения государственных кредитов, ни для возвращения частных. То есть, банкротство в государственном и в частном секторе наступит одновременно. Но входящие в правительство политики об этом не думают. Они продолжают добивать избирателя политическими лозунгами. У них имеется огромный опыт, потому что экономику страны они уже добились.

Еще одна параллель, связывающая архитекторов Первой республики и предлагаемого нам клона. Тень диктатуры. Если Карлиса Ульманиса хотя бы частично можно попытаться понять, предполагая, что у него просто не было другого выхода обуздать разгул анархии в 4-м Сейме, то нынешние ефрейторы от политики с амбициями маршалов настораживают не на шутку. Бывший премьер и нынешний министр финансов Эйнарс Репше, который несколько лет назад уже предпринял попытку повторить «подвиг» Карлиса Ульманиса, и бывшая главный редактор газеты «Диена» Сармите Элерте, которая к этому пока только готовится, в этом списке соискателей на должность диктатора могут оказаться самыми безобидными кандидатурами.

Третья как вариация Второй

Партии, которых принято называть «олигархическими» («Народная партия» Андриса Шкеле, «Латвийская Первая партия/Латвийский путь» Айнаrsa Шлесерса и «Союз зеленых и крестьян» Айварса Лембергса), во что бы не стало хотят создать Третью республику по образу и подобию Второй. Правда, в отличие от националистов, они свои идеи и истинные планы не любят афишировать и произносить вслух, и тому есть более чем веские причины. Да и параллелей между годом 1991 и годом 2010 значительно меньше, нежели между 1918 и 2010.

Изначально Вторая республика ее архитекторам также представилась неким продолжением Первой. Если учесть, что среди них было много обиженных и жаждущих реванша представителей эмиграции, в этом нет ничего удивительного. Правда, с момента похорон Первой республики прошло уже полве-

ка, и в основном это были либо дети эмигрантов, родившиеся уже на чужбине, либо те, кого увезли в эмиграцию в раннем возрасте. Представление одних основывались на рассказах родителей, а других – на детских воспоминаниях. Потому ясного представления о том, что именно они хотят построить, у них не было. Но была жажда реванша.

Во многом исход великого архитектурного начинания по созданию Второй республики определил персональный состав политически активных эмигрантов. Те, кто в своих новых странах проживания остепенился, сделал карьеру и обустроил быт, не торопились срывать с насиженных мест, и обратно в Латвию особо не рвались. Зато из Европы, из-за океана и из Австралии в основном сюда потянулись озлобленные неудачники, по разным причинам так и не сумевшие найти себя вне этнической родины. Это породило триумфальное победное шествие непрофессионализма, бездарности и дилетантства. Вчерашние филологи становились министрами экономики, мелкие военные инструкторы – советниками министров, средней руки профсоюзные деятели – министрами благосостояния, а собиратели народного фольклора – президентами страны. Уже тогда Вторая республика была обречена. А когда мы со своей стороны выстроили наших доморощенных дилетантов – премьеров-дояров и поистине универсальных личностей, умудрившихся поочередно возглавить министерства земледелия, обороны, финансов и т.д., дни Второй республики были сочтены. «Правящие государством кухарки» привели нас туда, где мы сегодня находимся.

Но вернемся к эмигрантам. Не понимая ни сути, ни контекста происходящих здесь событий, они были исполнены уверенности, что принесли нам цивилизацию, демократию и другие

310

с их точки зрения базовые свободы и ценности. Казалось бы, что между прозападными до мозга костей эмигрантами и старой партийной КГБ-шной номенклатурой не может быть ничего общего. Но их объединила жажда к легкой наживе. Номенклатура просто купила эмигрантов, в том числе за должности, образовав чудовищный конгломерат собственного опыта и связей с незапятнанной (к тому моменту) репутацией эмигрантов в глазах латышского обывателя. Сделка между представителями номенклатуры и активистами эмиграции стала одной из самых позорных страниц в истории Латвии.

Больше всего от этой сделки, разумеется, получила номенклатура. Во-первых, после провозглашения независимости в Латвии осталось советские материальные ценности, предприятия и целые отрасли, стоимость которых исчислялась в миллиардах. Все это с помощью нехитрых манипуляций можно было получить в собственность буквально задаром. Во-вторых, поспешная и непродуманная (вернее, тонко продуманная в интересах номенклатуры) денационализация довоенных объектов эти миллиарды как минимум удвоила. И, в-третьих, «молодая страна» в целях развития и экономического подъема «нуждалась» в международных кредитах, львиная доля которых ушла вслед за уже названными миллиардами. Одним словом, игра стоила свечей, и ставки были столь высокими, что затмили самую искреннюю жажду мести.

* * *

Большинство представителей распределившей миллиарды номенклатуры дальновидно отошли от большой политики. Из «политических динозавров» во власти остались или соби-

раются туда возвращаться только градоначальник Вентспилса Айварс Лембергс и три раза возглавивший Кабинет министров Андрис Шкеле. Они оба принимали участие в процессах приватизации с первого дня, и являются пионерами и ветеранами дикого капиталистического движения в Латвии.

Внешне сегодня самым благополучным в финансовом плане «олигархом» является Айнарс Шлесерс. Он не только в политику, но в «большой бизнес» пришел значительно позже других, и является представителем следующего, более молодого поколения. Долгое время во взаимоотношениях между тремя коллегами по цеху олигархов царил если не антагонизм, то как минимум ярко выраженная неприязнь, которая часто демонстрировалась в публичном пространстве. Грядущая предвыборная кампания их не просто сблизила, но Шкеле и Шлесерса даже объединила в общем предвыборном списке. Столь резкая смена настроений имеет серьезный повод. Хотя львиная доля стратегических объектов и монополий в Латвии уже приватизирована, остались такие «лакомые куски» как Latvenergo и Латвийская железная дорога, лесные богатства. Именно полное и окончательное завершение приватизационного процесса лежит в основе желания «олигархов» строить Третью республику на тех же принципах, на которых строилась Вторая.

С организационной точки зрения у Шкеле со Шлесерсом все обставлено грамотно и серьезно. В качестве знамени привлечен экс-президент Латвии Гунтис Ульманис. Из бизнесменов, которые в надежде на обещанные Айгарсом Калвитисом «тучные годы» скоропостижно потратили вырученные в ходе «строительства» Второй республики деньги, создана группа поддержки в виде объединения «За лучшую Латвию», представителям которой также розданы определенные щедрые обеща-

ния. Заблаговременно куплены (как в виде рекламных площадей и рекламного времени, так и в прямом смысле) средства массовой информации. Но, во-первых, оставшихся объектов слишком мало, чтобы удовлетворить хотя бы минимальные интересы и аппетиты всех вовлеченных в это мероприятие людей. Во-вторых, на приватизацию указанных объектов серьезные виды имеет также нынешняя правящая коалиция. И не исключено, что разговоры о том, что Репше и Домбровскис их уже обещали кредиторам из международных институций, имеют под собой реальную основу.

Невозможным план выкроить Третью республику по лекалам Второй является еще и по другим, организационным причинам. Детонатором и точкой отсчета той революции стал Пленум творческих союзов Латвии в 1988 году. Но хрестоматийный принцип, согласно которому революции затевает интеллигенция, реализуют фанаты, а их плодами пользуются проходимцы и аферисты, восторжествовал и на тот раз. Революция 1991 года безжалостно проглотила своих детей. Творческие союзы были выкинуты из денационализированных помещений, словно коты из молочной фабрики. У них отняли дома творчества, а большая часть представителей творческой интеллигенции, не пожелавшая плясать под дудку приведенных ими самими к власти политиков, обнищали, спились и ушли в мир иной. «Мавр свое дело сделал, мавр может уходить».

Сегодня в Латвии нет силы, способной поднять массы, чтобы инициировать перемены революционным путем. Ни Шкеле, ни Шлесерсу, ни Лембергсу при всей их харизматичности сделать подобное не под силу. Все они столько раз цинично обманывали и предавали народ, что количество легковверных, готовых в очередной раз наступить на те же грабли избирате-

лей, явно окажется недостаточным, чтобы возродить республику образца 1991 года. Ведь как заметил один из американских национальных героев 16-й президент США Авраам Линкольн, «можно долгое время обманывать некоторых, можно некоторое время обманывать многих, но нельзя всегда обманывать всех».

И еще один существенный аргумент. Вторая республика была промежуточным политическим состоянием. Ее основные задачи были разовыми – вступить в Организацию Объединенных Наций, вступить в Европейский Совет, вступить в НАТО, вступить в Европейский Союз. Как учит китайская мудрость, «когда дуют ветры перемен, не надо строить стену, надо строить ветряную мельницу». Вне зависимости от правильности или неправильности подобного выбора, теперь мы уже члены всех этих организаций, и в силу этого формат Второй республики теряет здравый смысл, во всяком случае, для народа. Теперь нам нужна стена.

Последний шанс

В нынешней ситуации остается совсем небольшой выбор. Один из вариантов – претворить в жизнь грустную шутку про то, как последний житель Латвии перед посадкой в самолет, чтобы навсегда отправиться в Ирландию, выключает в аэропорту свет. Другой, не менее грустный вариант можно почерпнуть из анекдота, как Латвия объявляет войну Швеции и после двухминутного противостояния полным составом сдается в плен. Правда, зачем шведам нас завоевывать и пленять, если мы и так содержим их пенсионеров. Вряд ли нам подойдет и другой совет – вступить в Россию в статусе губернии или об-

314

ласти. Не будем льстить себе – в этом качестве мы нашему восточному соседу просто не нужны и неинтересны. Так что остаются два более-менее реальных варианта – либо смириться с внешним правлением ЕС и потерять государственность окончательно и надолго, если не навсегда, либо в последний раз поверить самим себе, собраться силами и попытаться создать свою Третью республику.

В качестве примера для подражания тут может послужить все та же Финляндия. Там нет ни «лабасов», ни «чангалов», ни «урл», а финны, шведы, саами и все остальные проживающие национальности имеют одинаковые права, одинаковые возможности и одинаковое уважение. Правда, после двадцатилетнего противостояния на нашем пути национального примирения могут возникнуть психологические барьеры, но они преодолимы. Финны шведов тоже долгое время называли оккупантами и завоевателями, но сегодня все об этом все давно забыли.

Исходя из сказанного выше, пора прекращать говорить об интересах латышей и интересах русских и русскоязычных. Настало время понять, что у нас есть интересы пенсионеров и детей, интересы наемных работников и работодателей, интересы государства в продолжительной перспективе. И интересы всех, кто в этом государстве живут, для нас и в первую очередь для нашего правительства должны быть выше интересов шведских пенсионеров, польских фермеров или российских нефтяников. И эти – *наши* – интересы наши политики, наше правительство и наши дипломаты должны каждый день последовательно отстаивать.

Мы должны дружить и с Брюсселем, и с Москвой, и с Вашингтоном, но ни перед кем не должны пресмыкаться. Надо быть очень осторожными, чтобы никому не дать втянуть себя в дружбу «против кого-то». Самые тесные дружеские и экономически вы-

годные отношения в первую очередь следует выстраивать с ближайшими соседями – Эстонией и Литвой, Россией и Белоруссией.

Вместо того, чтобы за бесценок продавать оставшиеся в ведении государства монополии, необходимо более эффективно управлять ими в интересах все того же государства. Влияние государства в экономическом секторе, наоборот, следует усилить. В этом вопросе также есть смысл изучить финский пример о введении государственной монополии на торговлю акцизными товарами. А вместо продажи госмонополий следует более активно продавать географическое положение (транзит) и природу (туризм). В тех случаях, когда решению этих вопросов мешает политика (транзит), надо искать и находить политические компромиссы. В тех случаях, когда решению вопросов мешает нерасторопность чиновников (очереди в латвийских консульствах для получения визы), следует заменить нерасторопных чиновников более расторопными.

Следует более строго, принципиально и последовательно рассматривать вопросы, связанные с коррупцией, и в случае достаточного количества доказательств давать им объективную правовую оценку. Недопустимы ситуации, как в случае с автобусами «Мерседес-Бенц», когда зарубежные правоохранительные органы на блюдечке преподносят нам доказательства коррупции, а мы не даем делу хода. Это усиливает недоверие к нам как со стороны зарубежных правоохранительных органов, так со стороны собственного народа.

Налоговую систему Латвии в дозволенных ЕС рамках следует изменить так, чтобы страна стала привлекательной для введения бизнеса. Необходимо максимально поощрять индивидуальную инициативу – минимализацией бюрократических процедур, прозрачностью, налоговыми льготами.

Лишь в случае соблюдения этих вполне выполнимых условий мы вместо того, чтобы тщетно пытаться повторно войти в воду Первой или Второй республик, сможем построить Третью. Ведь линейность хода времени никто не отменял, и законы исторической последовательности неумолимы. Потому не будем пытаться обманывать время и самих себя.

Когда-то великий французский и европейский реформатор генерал Шарль де Голль жаловался, что «провозгласить республику можно в один день, проблема лишь в том, откуда взять республиканцев». Пока у нас нет своего де Голля, нам остается лишь одна возможность сохранения республики – стать ответственными и последовательными республиканцами. От этого и только от этого зависит, обратится ли реквием по Второй республике в гимн Третьей.

СЛУЖБА И СЛУЖЕНИЕ ИГОРЯ ЮРГЕНСА

Восемь лет назад журнал «Российский Кто есть Кто» (№ 4, 2002) опубликовал очерк Ивана Макеева о И.Ю. Юргенсе, приводимый ниже.

С тех пор в судьбе Юргенса многое изменилось, он возглавил Институт современного развития, председателем Попечительского совета которого является российский президент Дмитрий Медведев – но взгляды и жизненные принципы Юргенса это вряд ли серьёзным образом изменило.

Итак, биографический очерк.

«В современной политической элите фигура Игоря Юргенса занимает особое положение. Его постоянное место работы – Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП), вице-президент, исполнительный секретарь.

В силу этого он связан со многими выдающимися экономическими и политическими деятелями, выполняя не видимую для широкой публики роль гармонизатора текущих и стратегических процессов и конфликтов. (РСПП объединяет свыше 320 тысяч организаций и предприятий, их суммарный вклад в российский ВВП – свыше 60 процентов).

Юргенс – фамилия прибалтийская. Отец, Юрий Теодорович, происходит из обрусевших прибалтийских немцев. А как известно, эта этническая группа была во времена Российской империи связующим звеном между западноевропейской и русской культурами.

К слову, дед Юргенса работал на фирме Нобеля, а брат деда участвовал в организации советской власти и был расстрелян в

Богородске во время эсеровского мятежа. До сих пор местный кожевенный завод носит имя Альберта Юрьевича Юргенса, а внучатый племянник поддерживает с «заводом-дедом» дружеские и полезные для богородских жителей контакты.

Отец Игоря Юрьевича (1912 г. р.) прошел путь типичного советского менеджера. Он закончил Бакинский госуниверситет, отслужил срочную службу на подводных лодках Северного флота, провоевал на Севере всю Великую Отечественную и еще прослужил два года после Победы. Потом вернулся в нефтяной Баку, долгое время работал секретарем центрального комитета профсоюзов нефтяников Азербайджана, закончил карьеру секретарем общесоюзного ЦК профсоюзов нефтяников. Два фактора сильно повлияли на его характер и миропонимание: служба на Северном флоте и работа в интернациональной обстановке тогдашнего Баку.

Сыну он оставил в наследство не «палаты каменные», а доброе имя порядочного человека, что в ту пору оказалось хорошим стартовым капиталом для Игоря.

От матери, учительницы музыки, он получил, отправляясь в житейский путь, ответственное отношение к своему делу. Как он характеризует свою ныне здравствующую матушку, «она – работяга страшная».

Что сформировало самого Юргенса?

Он пережил, как считает, два сильных потрясения.

Первое, в семнадцатилетнем возрасте он потерял отца.

Второе потрясение – распад Советского Союза.

Между этими событиями помещается целая жизнь. Они оба трагичны, но разномасштабны, и отношение к ним характеризует Юргенса.

Однако чувство горького сиротства скрасили друзья отца, они не упускали из внимания судьбу Игоря.

В 1974 году он закончил экономический факультет Московского университета и был распределен в международный отдел ВЦСПС, где проработал 16 лет.

Если кто помнит, профсоюзы – это была «школа коммунизма», самоуправляемая организация работников. На самом же деле, в условиях реальной советской практики самоуправление не было особо нужно, и профсоюзы занимали третьестепенное место в политической иерархии вслед за партией и советами. Получалось, что с одной стороны, есть такая политическая сила, а с другой – вроде бы и нет.

Однако, простите за банальность, все зависит от конкретных людей. Когда советские профсоюзы возглавил один из главных участников антихрущевского переворота А.Н. Шелепин, ситуация заметно изменилась. Шелепин вдохнул в консервативную структуру новую жизнь. Например, профсоюзы стали фиксировать факты нарушения экономических прав рабочих, что сразу заставило партийный и производственный аппарат на местах если не насторожиться, то, во всяком случае, сильно напрячься. К тому же Шелепин укрепил структуру ВЦСПС, стал вводить в нее районные комитеты профсоюзов, что при огромной численности членов профсоюзов (105 миллионов) неизбежно должно было привести к перетеканию к ВЦСПС части влияния КПСС. Шелепина поддерживали молодые влиятельные члены Политбюро Мазуров и Полянский. Игорь Юргенс тоже оказался внутри этой тенденции обновления и, хотя она закончилась политическим крахом Шелепина, приобрел значительный опыт.

Работая в ВЦСПС, Юргенс объездил Советский Союз и почти весь мир. Он вспоминает это и говорит о тогдашнем ощущении братства, свойственному межнациональным связям внутри страны («Это ощущение очень сильно во мне. Я думаю, мы на новом витке еще вернемся к этому»).

Может быть, поэтому сегодня Юргенс, будучи членом президиума Совета по внешней и оборонной политике, уделяет очень много внимания проблемам российско-прибалтийских связей и вообще межгосударственных связей в СНГ. Этот интерес имеет глубокие корни, проникающие в пласты истории России, в которых лежит опыт тысяч и тысяч прибалтийцев, строивших российскую государственность с петровских времен.

Юргенс проработал в профсоюзах 16 лет и с должности заведующего международного отдела Совета ВКП СССР был направлен в зарубежную командировку – сотрудником секретариата Департамента внешних сношений ЮНЕСКО.

В Париже он проработал пять лет. Его натура при столкновении с западной культурой не испытала большого потрясения. Он знает английский и французский языки, поэтому Европа всегда была ему не чужой. Во Франции он понял процесс взаимодействия и борьбы разных мировых культур. («Почему французы так упорно сопротивляются американской культурной экспансии? Потому что у них самих огромная культура... А мы? Мы создали социально-политическую модель лучше западной, но не нашли идеального сочетания политико-социальной и экономической составляющих. Поэтому не смогли адаптироваться к современной жизни»).

Как видим, Юргенс воспринимает культуру гораздо шире, чем только сочетание «искусства и архитектуры».

Разговаривать с ним интересно, он легко оперирует историческими временами, историческими задачами народов и особо выделяет в общемировом процессе роль и миссию России. Его можно назвать «просвещенным патриотом».

Что же особенно задевает Юргенса в истории Отечества?

«Мы всегда опаздывали. К первой промышленной революции опоздали, Петру пришлось с кровью прорываться. Ко второй революции – то же самое, Сталин осуществил модернизацию жестокими методами. И сейчас, в постиндустриальную пору, тоже догоняем. И догоним!»

Его «догоним!» звучит оптимистично.

...Любопытно, что с юных лет любимым литературным произведением Игоря Юргенса является классический советский роман Вениамина Каверина «Два капитана». Юргенс называет его «рыцарским романом советского типа».

При его отношении к будущему, которое (отношение) базируется на исторически-культурной непрерывности традиции, образ капитана Саши Григорьева надо воспринимать как символ веры. Вспоминается девиз героев романа: «Бороться и искать, найти и не сдаваться». В этом смысле литературные вкусы Юргенса говорят о многом.

Вернувшись из Франции, Игорь Юрьевич в конце горбачевского правления еще успел подняться до должности секретаря Совета Всероссийского конгресса профсоюзов, а в апреле 1992 года на 1 конгрессе ВКП даже стать первым заместителем председателя ВКП, но эти высокие должности в условиях нарождающегося нового строя уже не могли иметь прежнего значения.

Начиналась ельцинская контрреволюция (или революция), которая смела многих и многих возвысила.

Потрясения такого рода – вещь жестокая, но рано или поздно они заканчиваются, и на успокаивающейся поверхности российского океана видны корабли опытных капитанов.

То, что Юргенс оказался востребован и вошел в состав руководства РСПП, – закономерен. В российском политическом классе не так уж много фундаментальных людей его уровня.

На последней встрече руководства РСПП с В.В. Путиным Юргенс сидел рядом с президентом.

Конечно, есть в РСПП и такая глыба, как Аркадий Вольский, и крупнейшие олигархи, но место Юргенса, надо полагать, одно из весомых.

Он никогда не выпячивался, уважал друзей и принципы дружбы, на службу не напрашивался, от службы не отказывался...»

Думается, Игоря Юргенса можно назвать, пользуясь определениями классической интеллигенции, «русским европейцем».

Из интервью Игоря Юргенса

Балтия для нас – не «баррикада», а «мост» в Европу (2003)

– В последнее время тема отношений между Россией и странами Балтии практически исчезла из наших СМИ. Значит ли это, что мы, преодолев первоначальную стадию холодной войны, находимся теперь в стадии холодного мира и как далека от нас в таком случае стадия по-соседски доброжелательных отношений?

– Исчезновение данной темы из российских СМИ вполне логично и по-своему обоснованно. Ведь прежде они сообщали главным образом о проблемах в наших отношениях с тремя

балтийскими странами, причем из них выделялись две: ситуация с негражданами и стремление этих государств в НАТО.

Первую проблему быстрее других решили литовцы, принявшие так называемый «нулевой вариант» – с автоматическим предоставлением гражданства всем представителям русскоязычной части населения. Достаточно гибкую позицию постепенно заняли и эстонцы, разрешив, например, обучение на русском языке, признав собственность Московского Патриархата и т.п. Самая сложная ситуация по-прежнему сохраняется в Латвии, где проживают свыше 400 тысяч неграждан, то есть людей с фиолетовыми паспортами, абсолютно непригодными для жизни в условиях членства республики в Евросоюзе, до которого остался ровно год. Хотя и в Латвии былой накал страстей по этому поводу уже ослаб благодаря некоторым примирительным шагам властей.

Эти проблемы, а также две обоюдные мании – российская мания величия по отношению к бывшим балтийским вассалам и ответная мания мнимого преследования со стороны бывшего «большого брата» – на протяжении целого десятилетия мешали сближению Москвы с Ригой, Вильнюсом и Таллином. Нынешнее заседание форума показало, что в странах Балтии быстро растет понимание необходимости более тесного взаимодействия с Россией во всех сферах – в политике, экономике, культуре.

Это происходит, кроме прочего, еще и потому, что в последние месяцы осуществились главные цели балтийских политиков. Все три государства Балтии сейчас находятся в стадии оформления своего членства в НАТО, а объединение усилий РФ и США в антитеррористической борьбе после событий 11 сентября и последовавшее вскоре после этого создание Совета

РФ–НАТО окончательно сняли с повестки дня тему «российской угрозы» для стран Балтии. Скорое вступление в состав ЕС добавит оборотов моторам их экономик, уже весьма тесно связанных с Большой Европой. Словом, можно уже говорить о том, что балтийские страны стали составной частью той системы координат, в которую они стремились на протяжении долгого периода времени.

Подобное «замирение» России со своими северо-западными соседями крайне выгодно обеим сторонам: мы для них – колоссальный рынок сбыта и источник быстрорастущего экономического потенциала, они для нас – очень удобный «мост в Европу»: с дополнительными выходами к морю, хорошо налаженной логистикой, высоким уровнем развития информтехнологий, кроме того, нельзя забывать и о таком факторе, как владение большинством местных граждан русским языком.

– Еще недавно о странах Балтии некоторые российские политики говорили как о своего рода «баррикаде» на нашем пути в Европу...

– Нет, теперь это, безусловно, «мост», но никак не «баррикада». Этот «мост» нас соединяет прежде всего с регионом Северной Европы, кстати, наиболее динамично развивающимся в Европе. Здесь сосредоточена высококвалифицированная рабочая сила, много капитала, хорошо поддерживаются древние традиции ганзейской торговли.

И Северо-Западному региону России тоже есть что предложить соседям: у нас здесь сосредоточено 40% всех мировых нетропических лесов, 40% газа, 13% нефти, очень большое количество никеля и других полезных ископаемых. Можно говорить и об определенной культурной близости: с литовцами или

шведами у жителей Пскова и Петрозаводска больше общего, чем, допустим, у краснодарцев или пермяков. Взаимное сотрудничество двух этих регионов может стать прообразом того самого проекта общеевропейского экономического пространства, о котором Владимир Путин и Романо Проди объявили в качестве перспективной цели развития нашего сотрудничества с Европой и ЕС, в частности.

Если грамотно подойти к осуществлению этих намерений, снять последние политические «заусенцы», создать инструменты сотрудничества по линии «государство – частный бизнес», то вместе с северными европейцами можно поднять такие большие проекты, как Штокмановское месторождение газоконденсатов или Тимано-Печорское нефтяное месторождение. Вступают в конкретную стадию проработки переговоры о прокладке нефтепровода по дну Балтийского моря, с появлением новых и расширением старых портов постепенно налаживается Балтийская трубопроводная система, которая в перспективе поможет разгрузить Санкт-Петербургский порт, достигший своего максимума – 30 миллионов тонн перевалки в год – и представляющий ныне заметную экологическую проблему для северной столицы...

– Что выиграет и проиграет Россия от членства стран Балтии в ЕС?

– Россия в основном от этого выиграет: ведь к нам физически приблизится та зона, на которую приходится 47% внешней торговли РФ, откуда мы черпаем высокоразвитые технологии и т.д. Главное – не вставать в позу, не бравировать своей своими размерами, не поддаваться на провокации. Вот и в дни работы Балтийского форума в этих странах рас-

пространялся некий «меморандум», названный по фамилии известного московского политехнолога, а в нем – знакомые призывы и аргументы: «Балтия жирует на нашем транзите, надо перекрыть нефть, выставить ультиматум, захватить, пригрозить...»

(«Независимая газета. Дипкурьер», 9 июня 2003 г.)

– Прибалтика географически является продолжением Восточно-Европейской равнины. Соперничество между Западной Европой и Русью (впоследствии – Россией) за обладание ею не прекращается с XII–XIII веков. Каким вам видится развитие этого противостояния в дальнейшем?

– От стереотипов XIX–XX веков, от игры с нулевой суммой – мол, что хорошо для России, то плохо для лимитрофов (т.е. государств, образовавшихся на входившей в состав Российской империи и СССР территории. – «&»), надо переходить к ситуации «выигрыш–выигрыш». Нам не обязательно сейчас отвоевывать выход к Балтийскому морю. Достаточно наладить взаимовыгодное экономическое сотрудничество, от которого будет только расти логистический, транспортный потенциал Латвии и ее соседей по региону.

Напротив, недружественное поглощение этих путей и активов не осталось бы для нас без вредных последствий. В условиях рыночной экономики мы тут же почувствовали бы недовольство латвийского производителя и его партнеров во всем мире. И совсем другое дело – дружественное поглощение, совместные предприятия, совместный акционерный капитал и вложения, регистрация в качестве налоговых резидентов с выплатой всех налогов в казну Латвии. Чем плохо?

– Однако новая внешнеполитическая стратегия РФ, проект которой напечатал «Русский Newsweek», предполагает фактическую скупку подешевевших из-за кризиса активов.

– Наоборот. Там говорится о прагматическом продвижении интересов российского бизнеса за рубежом в неконфронтационной манере. Никаких враждебных шагов. Не будет и грубого заигрывания с оппозицией, как в эпоху «политики канонерок» или советских вторжений. Экономический интерес сам пробьет себе дорогу. Например, приезжает к нам человек из Ventbunkers и говорит: «Хочу». Мы говорим: «Давай, купим». Идем в антимонопольное и другие ведомства Латвии, включая политическую верхушку, и спрашиваем: «Можно?». А там думают.

Мы очень заинтересованы в развитии отношений с Латвией. В ходе визита президента Валдиса Затлерса в Москву разошется немало узких мест. Нужно разморозить ряд активов. Тогда ряд российских компаний выстроится в очередь для прохождения тендерных процедур.

– Какие активы их интересуют в Латвии?

– Да все. От каскада ГЭС до Lattelecom.

– Какой вам видится перспектива создания единого экономического пространства от Атлантического океана до Тихого?

– Как большой договор между СНГ и ЕС, Россией и ЕС или ЕС и Таможенным союзом РФ, Белоруссии и Казахстана, поскольку мы уже делегировали ему часть своих полномочий. Если мы создадим на этом пространстве зону свободной торговли, то расширение возможностей для экономического развития окажется потрясающим.

– *Вы не допускаете возможности политического срыва и социально-политического отката России?*

– Такие риски всегда существуют. Всегда есть силы, которые стремятся к более авторитарной модели управления и отдалению от Запада: «патриоты», госкомпании, ВПК. Но не думаю, что они сейчас в большинстве. Экономические и социальные интересы России находятся в интеграционной плоскости. Над этой альтернативой мы и, что еще более важно, президент РФ и работаем.

– *«Балтийский форум» является больше транслятором неких идей и решений, или все же в какой-то степени (и в какой?) их генератором?*

– Мы начинаем жить в мире знаний, в мире экономики знаний, а значит, и политики интеллекта. Хорошие, умные решения, как вода, проточат себе дорогу. В 1997 году, когда мы начинали, меня ругали за чрезмерную мягкость по отношению к латвийским властям, которые тогда более справедливо, чем сейчас, критиковались за неправильное отношение к негражданам. Это была просто война. Объявлялись смешные, но дорогостоящие бойкоты, в Латвию посылались политики с лозунгами, близкими к сталинским. Сейчас это немыслимо. ...Мы породили достаточное количество идей, доказывая, что цивилизованный диалог и взаимный учет интересов дают больше, чем победа одних представлений над другими. В этом смысле мы победили.

*(«Бизнес&Балтия. Балтийская деловая газета»,
7 июня 2010 г.)*

ФРАГМЕНТ ДОКЛАДА ИНСОР «РОССИЯ XXI ВЕКА: ОБРАЗ ЖЕЛАЕМОГО ЗАВТРА»

РОССИЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В XXI ВЕКЕ: КРАТКИЙ КУРС

Параметры модернизации (условия задачи)

Тема будущего России становится все актуальнее. Знаком времени становится идея модернизации. Тем самым признается: а) факт отставания, б) необходимость кардинальных перемен. Перелом в настроении, в оценках ситуации и перспектив начался лишь в последнее время и еще не завершен.

Назревшая модернизация требует *стратегического согласия* в обществе. В отсутствие консенсуса в ценностях, мировоззрении и политических взглядах, тем не менее, просматривается общая точка отсчета. Общепринятой становится задача *смены вектора развития* – преодоления избыточной зависимости от экспорта сырья с выходом в экономику знаний, наукоемких производств, высоких технологий и интенсивных инноваций.

Данная формула, приемлемая как начальный и сугубо прагматический мотив, требует развития и уточнений:

- в то время как будущее за инновационными, высокими технологиями, текущая конъюнктура, наоборот, тянет страну назад, к *закреплению сырьевой ориентации*;

- в этих условиях инновационный маневр требует также *реиндустриализации в постиндустриальную эпоху*, создания условий для *восстановления производства как такового*;

- в современном мире глобальная конкуренция выливается в *конкуренцию институтов*, поэтому задача решается только кардинальным изменением *институциональной среды*, в конечном счете – самой системы *ценностей и принципов*.

Вызов времени имеет обязательный характер. Возможно, столь отчетливый шанс история предоставляет нам впервые. Упустить эту возможность было бы непростительно: при глубине, скорости и необратимости происходящих в мире изменений такой шанс может не представиться больше уже никогда.

Ситуация чревата повышенными рисками. В то время как усугубляется зависимость страны от экспорта сырья, даже самые мягкие прогнозы проседания сырьевой экономики (под давлением технологических инноваций в энергетике, снижения рентабельности сырьевых отраслей, внешних целенаправленных манипуляций или какого-либо пока вовсе не прогнозируемого развития событий) *не исключают экстремальных сценариев*. Худшие варианты допускают:

- экономический коллапс и потребительский кризис;
- консервацию технологического отставания, скорее всего необратимую;
- невозможность выполнения социальных обязательств в достаточном объеме и критическое обострение социальной напряженности;
- глубокий политический кризис;
- рост центробежных тенденций с угрозой дезинтеграции;
- утрату важных геополитических позиций на международной арене и ряда ключевых суверенитетов; провалы в обеспечении национальной безопасности;

- катастрофическую депопуляцию, прежде всего качественную – новую утечку «человеческого капитала», исход из страны наиболее продуктивной, вменяемой и инициативной части населения.

Не просчитывать «черные» варианты политически безответственно. Это принципиально: *и в стратегическом планировании и в большой политике сценарии, чреватые неприемлемым ущербом, рассматриваются как стратегически актуальные даже при весьма малой их вероятности.* Цена вопроса – само существование страны. Поэтому образ желаемого будущего – не только картины теоретически возможного процветания, но в первую очередь *гарантированное исключение неприемлемых вариантов.*

Чтобы избежать угроз и ответить на вызовы века, модернизация в России должна быть:

а) *глубокой* – выход из колеи ресурсного развития означает преодоление вековой традиции, что соизмеримо с задачами построения плановой экономики или воссоздания на ее руинах цивилизованного рынка («смена формации»);

б) *системной* – прогресс экономики и технологий нельзя обеспечить ценой архаизации политики и социальной жизни; это обрекает модернизацию на фрагментарность и неустойчивость, сменяющую временные рывки историческими провалами;

в) *решительной* – в условиях растущего ускорения инновационных процессов отставание становится необратимым; точки невозврата страна проходит уже сейчас.

Поскольку текущая конъюнктура располагает скорее к инерции, модернизацию приходится проводить «от желаемого завтра», во многом опираясь на интуицию и политическую во-

лю. Это усиливает необходимость отказаться от технократических иллюзий, сводящих всё к экономике, технологиям и *ручному управлению*.

Данная ситуация требует крайне осторожного отношения к привычным методам реализации особо крупных проектов. Принцип *ненасилия над будущим* обуславливает создание не жестких конструкций, а социально-экономического организма, обеспечивающего максимальную мобильность и свободу выбора. Это задает рамки ценностных и политических параметров предлагаемой модели.

Ценности и принципы: от ресурсной морали к этике свободы

Модернизация начинается с правильного настроения. Особое значение приобретает гуманитарная составляющая: ценности и принципы, мораль и мотивации, установки и системы запретов.

В начале нового века России предстоит разрешить фундаментальный ценностный конфликт. Ресурсный социум, базирующийся на сырьевой экономике, традиционно располагает к освящению власти и государства – верховного распределителя («дарителя») благ. Вырабатывается отношение к населению отчасти как к обузе, отчасти как к возобновляемому ресурсу (расходному материалу) исторических свершений, титанических производств и т.д., вплоть до понимания социальной массы как предмета политтехнологических манипуляций. Складывается целая *цивилизация низких переделов*, культура недоделанности; сама страна оказывается вечной заготовкой под будущее правильное существование.

Однако теперь и впредь попытки привычной для России модернизации ресурсно-мобилизационного типа не только бесперспективны, но и невозможны:

- идеологические ресурсы веры и энтузиазма исчерпаны на предыдущем этапе (социалистического строительства);
- процесс раскрепощения общества в исторической перспективе необратим, что исключает «построение» народа на решение модернизационных задач политическим зажимом и дисциплинарными техниками;
- при ограниченных возможностях воодушевления и репрессий демобилизуется и сам «аппарат авторитарной модернизации»: политический и административный класс, настроенный на авторитарные действия, становится главным тормозом обновления.

И главное: в отличие от этапов индустриализации, урбанизации и т.п., *полноценные модернизации постиндустриальной эпохи в условиях несвободы в принципе не реализуются.* В современном мире главным ресурсом развития становятся творческие способности человека, его энергия и инициатива. Перекос в сторону этатизма, культа власти и коммунальных ценностей в новом мире заведомо непродуктивен. *Мегамашина государства, состоящая из «винтиков», теперь и впредь, в конечном счете, безнадежно проигрывает сообществу свободных индивидов.* Величие и процветание страны более не может обеспечиваться за счет граждан, политическими и экономическими ограничениями. Развитие обеспечивается на базе *свободы и права.* Только на этой основе возможно и удовлетворение державных, геополитических, силовых и прочих амбиций. Несвобода и бесправие граждан, наоборот, обрекают страну на вечное отставание и геостратегические провалы – безотноси-

334

тельно к патриотическим и инновационным установкам руководства.

Тем самым кардинально перестраивается система отношений. *Паразитарно-распределительные ценности замещаются творчески-производительными.* Это ставит свободу над властью, народ над государством. *Модель «граждане на службе у государства» сменяется принципом «государство, обслуживающее граждан».* Историческим рудиментом становится авторитаризм в политике и управлении, в перераспределении собственности и контроле над экономикой, в идеологии и культуре, в коммуникациях и социальной сфере.

Наиболее ценными качествами «человеческого капитала» становятся самостоятельность в делах и независимость во взглядах, способность к рефлексии и рациональность, критичность и реалистичное восприятие действительности, неприятие патернализма, инициатива и ответственность, динамика и мобильность. Культивировать эти качества в обществе и людях – стратегическая задача всякой современной власти.

Новые ценности и принципы меняют соотношение статусов власти и общества, государства и человека. Самым современным и стратегически значимым требованием к власти становится ее способность к рациональному самоограничению. Во власти формируется новый *кодекс служения* – не самой себе или абстрактной «державе», а живым людям, ее населяющим. Теперь страна – это мы, народ. Точно по Конституции.

В этой системе ценностей людей нельзя унижать не только физически или морально, но и интеллектуально. Стратегической ошибкой становится обращение с народом, как с публикой, которой картинка в телевизоре внушает какие угодно мысли и на-

строения. Слепя других, властители быстро слепнут сами. Систематическое промывание мозгов в итоге приводит к их вымыванию, в том числе у самих промываемых. Театрализация политического процесса, превращающая «реальную» политику сначала в апофеоз, а затем и в балаган пиара, оскорбляет человеческое достоинство. Даже если это пока устраивает многих, достаточно того, что это подрывает социальную опору модернизации.

Стратегическим ресурсом становится *человеческое достоинство*. Оно всегда было этическим императивом, но теперь эта мораль становится залогом будущего, она непосредственно конвертируется в прагматические ценности и инвестируется в развитие, становится ликвидной в прямом экономическом смысле слова. И наоборот: диктат, насилие и унижение уже неликвидны, они тормозят развитие, лишают перспективы.

Такая переоценка ценностей требует изменения всей системы институтов, практик и отношений.

Вход в модернизацию начинается с идеологического признания. Приоритет ценностей человеческого достоинства, свободы и права уже декларируется политическим руководством, но эпизодически, отрывочно, и это выглядит полемикой со скрытой идеологией самой власти. В обновляющейся стране отношение к этим ценностям должно быть выражено *определенно, безоговорочно* и обосновано:

- *морально*, как установка, единственно достойная человека разумного, вменяемого, самостоятельного и ответственного, а также страны, претендующей на статус *современной*;
- *прагматически*, как единственная система принципов, открывающая путь к экономической и технологической модернизации, преодолению инерции ресурсного развития и выходу

в инновационное будущее, а значит, дающая шанс на выживание в новом мире;

- *юридически*, как система ценностей и идей, однозначно и без оговорок зафиксированная в Конституции РФ, а потому не допускающая ревизии, особенно в системе власти и в политическом истеблишменте.

Далее это признание транслируется шире, укрепляя общественную поддержку и экспертное сопровождение *модернизирующей власти*. Сигналом начала модернизации станет исключение идеологической архаики из всего, что прямо или косвенно связано с официальной позицией и ангажированными государством институтами.

Политическое будущее страны: назад к Конституции

Соотношение модернизации и трансформации политического строя необходимо рассматривать в конкретно-историческом контексте нашей страны. В сравнении со своими историческими аналогами каждый виток российских модернизаций прошлых лет при всех достижениях порождал меньшую экономическую конкуренцию и меньшую политическую свободу. Потому-то каждая модернизация оказывалась незавершенной, лишь частично эффективной, ее изъяны перевешивали отдачу от позитивных перемен.

Обновление политической системы становится обязательной составляющей модернизации по нескольким основаниям.

Во-первых, демократия как режим обсуждения, согласования и «обратной связи» государства с обществом снижает риск стратегических ошибок. Из международного опыта известно, что в десятках «лучших» и «худших» моделей экономических трансформаций – по восемь «недемократий» – в результате авторитарно принятых стратегий они либо сильно выигрывают, либо катастрофически проигрывают. Риск «проиграть модернизацию» для России недопустим.

Во-вторых, современная модернизация во многом строится на «человеческом капитале». Высококвалифицированный работник – главный секрет ее успеха. Следовательно, она требует и механизма «воспроизводства» такого капитала (система образования), и его поддержания (система здравоохранения, пенсионного обеспечения, без чего он не будет иметь стимула к сбережениям). Внедрение таких механизмов также требует открытости, диалога с «потребителями», учета как их объективных интересов, так и субъективных оценок социальной справедливости предпринимаемых мер. Яркий пример ошибок в реализации таких реформ – «монетизация льгот»: бурные протесты «льготников» вызвало не столько содержание реформы, сколько методы ее проведения и «продажи» обществу.

В-третьих, (в продолжение и первого, и второго аргументов) деловая активность и общественная деятельность граждан нуждаются в высвобождении из-под бюрократического «вертикального» прессинга, иначе «технологическая» модернизация просто не даст эффекта. Так, успехи в развитии информационно-коммуникационных технологий останутся «игрушками», не дадут мультипликационного эффекта, если одновременно не будут снижены административные барьеры и обуздана коррупция. ИКТ дают преимущество в скорости обработки информации и приня-

338

тия решений – но этот эффект легко сведет на нет коррупционер или бюрократ, требующий взятки или долгих согласований. То же самое относится и к повышению энергоэффективности: снижение издержек производителя будет прочитано бюрократам-взяточником как возможность обложить предпринимателя более высокой коррупционной рентой. Добавим к этому распространившуюся практику рейдерства, неутвержденность прав собственности. Очевидно, что такой режим отношений с государством не способен создать деловую среду для модернизации.

Нынешняя модернизация предъявляет свои требования к политической системе страны:

- качественное государственное управление – компетентное, обеспечивающее выполнение базовых функций государства и предоставление обществу базовых общественных благ, некоррупцированное, прозрачное, ответственное и поддерживающее постоянную обратную связь с обществом. В это определение укладываются и правопорядок, и социальная справедливость и общественная солидарность, и оптимальная экономическая и социальная политика, обеспечивающая поступательное и эволюционное развитие страны;
- верховенство права, защита прав и свобод граждан, в т.ч. – права собственности;
- обеспечение свободного развития каждого гражданина и групп граждан – «стремления к счастью», что подразумевает не только защищаемую государством личную свободу, но и свободу экономической и любой творческой деятельности.

Такое государство – помимо всех прочих своих базовых функций – должно выступать арбитром и управляющим всеми конфликтами между плюралистичными интересами. Этот ар-

битраж обязательно подразумевает политический плюрализм, основанный на законе и устоявшихся политических, социальных и судебных практиках: соревновательность в политике, включая смену у власти различных политических сил, независимый суд, общая готовность урегулировать конфликты в рамках сложившихся институтов.

Описанные выше черты желаемого общественного строя дают четкое его определение как демократии, причем демократии современной. Либерализация, начавшись в политике и распространившись на повседневные практики, откроет возможности свободной самореализации наиболее активных и продуктивных категорий граждан, для привлечения массовых инвестиций, как в виде средств, так и в виде умов и рук.

Игорь Юргенс: Россия не должна вмешиваться в конкуренцию «Центра согласия» и «ЗаПЧЕЛ»

Председатель правления Института современного развития Игорь Юргенс прокомментировал для федерального еженедельника «Российские вести» имеющуюся у издания информацию о том, что «обитатели одной из кремлевских башен», частично отвечающей за политику России в ближнем зарубежье, крайне негативно относятся к возможной победе «Центра согласия» на предстоящих выборах в Сейм. Эти российские бюрократы считают «Центр согласия» партией, полностью лояльной латвийскому государству и интегрированной в местную политическую элиту, а поэтому весьма осторожно подходящей к вопросу защиты прав русскоязычных жителей. В связи с подобным отношением к «Центру согласия» эти российские чиновники подталкивают их конкурентов – партию «За права человека в единой Латвии» к развязыванию компании черного предвыборного пиара против «Центра согласия».

«Латвийская русскоязычная община, как и латвийское, да как и российское общество, крайне неоднородна. В ней представлены люди разных политических убеждений – правых, левых, сторонники “золотой середины”. Различны воззрения латвийских русских и на внешнеполитический вектор развития Латвии – одни выступают за ориентацию на Россию, другие – на Брюссель, третьи – за балансирование между Россией, Вашингтоном и Брюсселем. Именно подобная разность и предопределила разделение единого “ЗаПЧЕЛ” и образование на его базе собственно нынешнего “ЗаПЧЕЛ” и “Центра согласия”.

Подобная двоичность представила свободу выбора для русскоязычного избирателя. (В скобках отмечу, что обе партии пы-

таются завоевать сердца и латышского избирателя). Она породила необходимую для плодотворного развития идей конкуренцию. В этой связи отмечу, что я лично всегда выступал за одновременное с конкуренцией идей взаимодействие обеих партий.

Напомню, что два года назад, отвечая на вопрос Вашего издания, как я вижу перспективу отношений между “Центром согласия” и “ЗаПЧЕЛ”, я ответил: “Эти обе партии ориентируются на общие правозащитные ценности и во многом поддерживают друг друга в каждодневной работе в Сейме. Разумеется, в настоящий момент “Центр согласия” пользуется большей популярностью, нежели “ЗаПЧЕЛ”. Вместе с тем и у “ЗаПЧЕЛ” есть свой устойчивый электорат. Наличие двух партий в правозащитном политическом спектре дает избирателям возможность выбора – и это однозначно позитивное явление. Надеюсь, что “Центр согласия”, разделяющий социал-демократические ценности, и более левая “ЗаПЧЕЛ” сумеют наладить конструктивное взаимодействие на предстоящих выборах в муниципалитеты и Европарламент. С тем, чтобы в последующем совместно отстаивать разделяемые ими правозащитные идеи”.

В этой связи отмечу, что в целом обе партии всегда старались “жить мирно”, поддерживая каждодневные контакты и взаимодействуя по широкому кругу вопросов. Однако, время от времени смуту в их отношения пытались внести российские чиновники. Наиболее одиозным примером являлась политика одного из бывших послов России в Латвии, открыто пытавшегося маргинализировать “ЗаПЧЕЛ”. В этой связи отмечу, что тогда “Центр согласия” не повелся на линию посла и не стал принимать участие в травле “пчел”.

И вот сейчас – попытка подбить взлетающий и имеющий сильные шансы войти в правительственную коалицию “Центр

согласия». Зачем вот только? Остается надеяться на мудрость политиков “ЗаПЧЕЛ”. И пожелать, чтобы как “Центр согласия”, так и “ЗаПЧЕЛ” заняли достойное место в будущем Сейме и продолжали взаимодействие в сфере защиты прав национальных меньшинств. А российским чиновникам хотелось бы посоветовать поступить так же, как и в случае с недавними выборами на Украине – не вмешиваться».

23/07/2010

<http://www.regnum.ru/news/polit/1307762.html>

ЛИТЕРАТУРА

- С. Ахромеев, Г. Корниенко. Глазами маршала и дипломата. М., 1992.
- лорд Берти. За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже 1914–1919. Л., 1927
- Блейере Дайна, Бутулис Илгварс, Зунда Антонийс, Странга Айварс, Фелдманис Инесис. История Латвии. XX век. Рига, 2005.
- Бисмарк О. фон. Мысли и воспоминания. В 3 тт. М., 1940.
- В.В. Бузаев, И.В. Никифоров. Современная европейская этнократия. Нарушения прав национальных меньшинств в Эстонии и Латвии. М., 2009.
- Л.М. Воробьева. История Латвии от Российской империи к СССР. В 2-х кн. М., 2009, 2010.
- В Политбюро ЦК КПСС. По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991). М., 2008.
- Е.Т. Гайдар. Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2008.
- Год кризиса. 1938–1939: Документы и материалы. В 2-х тт. М., 1990.
- М.С. Горбачев. Жизнь и реформы. В 2-х кн. М., 1995
- П. Зейле. Мы в Латвии. Рига, 1989.
- Е.Ю. Зубкова. Прибалтика и Кремль. М., 2008.
- К. Маннергейм. Мемуары. Пер. с фин. М., 1999.
- Э. Машке. Немецкий орден. Пер. с нем. СПб., 2003.
- М.И. Мельтюхов. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз в борьбе за Европу, 1931–1941 гг. М., 2002.
- Л.В. Милов. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2006.
- Н.А. Нарочницкая, В.М. Фалин и др. Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? М., 2009.
- В.С. Павлов. Упущен ли шанс? Финансовый ключ и рынки. М., 1995.
- Р. Пихоя. Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны. 1945–1985. М., 2006.
- Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 – август 1940. М., 1990.

Россия–Балтия. Доклады СВОП. Материалы конференций. Под ред. С.К. Ознобищева, И.Ю. Юргенса. М., 2001.

Россия и Балтия. Вып. 4. Человек в истории. М., 2006.

Россия и Балтия. Вып. 5. Войны, революции и общество. М., 2008.

Россия XXI века: образ желаемого завтра. / Институт современного развития. М., 2010.

С.Ю. Рыбас, Е.С. Рыбас. Сталин. Судьба и Стратегия. М., 2007.

С.Ю. Рыбас. Сто лет внутренних войн. Краткий курс истории России XX века. М., 2010.

С. Стивен. Операция «Раскол». Пер. с англ. М., 2003.

П.А. Судоплатов. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М., 2001.

У. Черчилль. Вторая мировая война. В 3-х кн., 6 тт. М., 1991

И.Ю. Юргенс. Очередные задачи российской власти. М., 2009.

СОДЕРЖАНИЕ

Мистика исторических циклов	3
Неизвестная Россия	7
Борьба за Прибалтику: Германия, Россия, Швеция, Польша.....	11
Кришьян Вальдемарс	15
Карлис Улманис, сельский хозяин и отец нации.....	24
Национальная драма.....	47
Вторая мировая война. Латыши в Красной армии и в вермахте	56
<i>История оккупации Латвии (1940–1991)</i> <i>(Размещено на сайте МИД Латвии).....</i>	63
<i>Об участии латышского легиона СС в военных преступлениях в 1941–1945 гг. и попытках пересмотра в Латвии приговора Нюрнбергского трибунала (справочная информация на сайте МИД РФ).....</i>	69
История Латвии как черновик будущего	96
Первая латвийская индустриализация.....	118
Особенности первой республики. Один шанс из ста на спасение	125
Борьба великих держав за Латвию.....	137
Послевоенная гражданская война на фоне мировой холодной войны	143
Вторая промышленная революция и ее отторжение.....	162
Гонконг на Балтике, или Попытка выйти из безнадёжного положения	170
Национал-коммунисты, легальная оппозиция.....	175
Кризис власти в СССР. Прибалтика как «лаборатория перестройки».....	192

Первые признаки официального признания ошибок	211
<i>Сегрегация – вчерашний день. Взгляд издалека</i>	219
Крах великой иллюзии	224
История российского транзита, или Как была упущена огромная выгода	244
<i>Янис Урбанович: «Долой холодно-гражданскую войну!»</i> <i>(газета «Час» (Рига), 17 июня 2004 г.)</i>	258

ПРИЛОЖЕНИЯ

Краткий анализ политической ситуации в Латвийской Республике и перспектив развития российско-латвийских межгосударственных отношений	265
--	-----

Кризис как двигатель сотрудничества (Из материалов «Балтийского форума», 28–29 мая 2010 г., Юрмала)	271
<i>Приветствия и напутствия</i>	273
<i>Александр Вешняков: цифры и возможности</i>	274
<i>Игорь Юргенс: российские контуры будущего мира</i> ...	277
<i>Ганс Фридрих фон Плетц: старые и новые тенденции</i> ...	281

ОБ АВТОРАХ КНИГИ

Естественный выбор Яниса Урбановича	286
<i>Каковой быть Третьей Республике и быть ли ей вообще</i>	302
Служба и служение Игоря Юргенса	318
<i>Фрагмент доклада ИНСОР «Россия XXI века: образ желаемого завтра»</i>	330
<i>Игорь Юргенс: Россия не должна вмешиваться в конкуренцию «Центра согласия» и «ЗаПЧЕЛ»</i>	341

ЛИТЕРАТУРА.....

ISBN 978-5-9506-0582-6

Подписано в печать 02.09.2010 г. Формат 60x90 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 21,75. Заказ 1524. Тираж 1000 экз.

Отпечатано ЗАО «Экон-Информ»
129329, Москва, ул. Ивовая 2. Тел. (499) 180-9305
Сайт: www.ekon-inform.ru; E-mail: eer@yandex.ru